

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2023 Том 15 № 1

Мир ислама: история, политика, религия, культура

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-1
<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал
Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Научный редактор

Куделин А.А., кандидат исторических наук

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор Каирского университета, Гиза, Египет

Варику Кулбухан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор Университета имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов Российская Федерация,

115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 15.02.2023. Выход в свет 25.02.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,05. Тираж 500 экз. Заказ № 38. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2023

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2023 VOLUME 15 NUMBER 1

The World of Islam: History, Politics, Religion, Culture

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Scientific Editor

Andrey A. Kudelin PhD in History

Members of Editorial Board

Aboualhasan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy A. Larin, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Мир ислама: история, политика, религия, культура

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Большие надежды, утраченные иллюзии: Всеобщий исламский конгресс в Иерусалиме в 1931 году..... 7

Рыженкова Т.А. Вассальные мамлюкские правители Египта и Сирии на службе османов 22

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Муллахметова Д.И., Куделин А.А. Репрезентация иранской политики кибербезопасности в СМИ Исламской Республики Иран (ENG) 45

Абу Хашаб А.С., Ахмедова Н.С. Подъем Катара на международной арене: причины, факторы, последствия 56

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В СТРАНАХ ВОСТОКА

Лашина А.А., Чикризова О.С. Взаимное восприятие арабов и иранцев: история и современность 65

Матросов В.А., Гудач Т.А. Эволюция воззрений на Луну в арабоязычной средневековой культуре 81

Чмилевская И.А. «Ат-таварих ар-русум ад-дагестанийя»: кодификация обычного права в Дагестанской области 98

CONTENTS

The World of Islam: History, Politics, Religion, Culture

RELIGION AND POLITICS IN THE MIDDLE EAST

Kirillina S.A., Safronova A.L., Orlov V.V. High Hopes, Lost Illusions:
General Islamic Congress in Jerusalem (1931) 7

Ryzhenkova T.A. Vassal Mamluk Rulers of Egypt and Syria in the Service of the
Ottomans 22

WORLD TODAY

Mullakhmetova D.I., Kudelin A.A. Representation of Iranian Cybersecurity Policy
in the National Media 45

Abou Khashabh A.S., Akhmedova N.S. The Rise of Qatar in the International Arena:
Causes, Factors, Consequence 56

HISTORY AND CULTURE IN THE ORIENTAL COUNTRIES

Lashina A.A., Chikrizova O.S. Mutual Perception of Arabs and Iranians: History and
Present 65

Matrosov V. A., Gudach T. A. Evolution of the Views on the Moon in Arab-speaking
Medieval Society 81

Chmilevskaya I.A. «At-tavarikh ar-rusum ad-dagistania»: Codification of Customary
Law in the Dagestan Province 98

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА RELIGION AND POLITICS IN THE MIDDLE EAST

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-1-7-21

Научная статья / Research article

Большие надежды, утраченные иллюзии: Всеобщий исламский конгресс в Иерусалиме в 1931 году

С.А. Кириллина , А.Л. Сафронова , В.В. Орлов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1

 alsavlor@yandex.ru

Аннотация. Значимость темы исследования обусловлена актуальностью проблемы халифата в общественной и политической жизни современного арабо-мусульманского мира. Цель данного исследовательского проекта — анализ причин и последствий возникновения халифатистских движений, явившихся реакцией мусульманского мира на разрушение Османской империи и ликвидацию института халифата в 1924 г. республиканским руководством Турции. При этом авторы фокусируют внимание на Всеобщем исламском конгрессе в Иерусалиме (1931 г.) как на конкретном примере общественно-политических дискуссий мусульман о единстве уммы и будущей судьбе халифата. Опираясь на материалы исторических источников, авторы выявили противоречия и разнообразие идейных и ценностных воззрений халифатистов в основных ареалах распространения ислама — на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Южной Азии, проанализировали методологические и духовно-политические препятствия, вставшие на пути идеологов халифатизма на примере противоречий в деятельности муфтия Иерусалима Амина аль-Хусейни (ок. 1895–1974), ратовавшего за независимую государственность арабской Палестины, и лидера индийских мусульман Шауката Али (1873–1938), выступавшего за интернационализацию дела возрождения халифата. Доказано, что «исламский интернационализм» в 1930-х годах начал обретать более национальные, этнокультурно обусловленные формы, что было обусловлено недоверием к халифатизму со стороны британского колониального чиновничества и политических элит Турции и Египта в изменившихся после Первой мировой войны геополитических условиях. Кроме

© Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

того, выявлена важность изучения высшего мусульманского образования для характеристики политических, ценностных и религиозно-философских позиций халифатистов и их оппонентов.

Ключевые слова: халифат, арабский национализм, Палестина, Ближний Восток, Северная Африка, Южная Азия

История статьи: Поступила в редакцию: 21.09.2022. Принята к публикации: 14.10.2022.

Для цитирования: *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Большие надежды, утраченные иллюзии: Всеобщий исламский конгресс в Иерусалиме в 1931 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 1. С. 7–21. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-7-21>

High Hopes, Lost Illusions: General Islamic Congress in Jerusalem (1931)

S.A. Kirillina , A.L. Safronova , V.V. Orlov

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov State University,
11/1, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia

 alsavlor@yandex.ru

Abstract. The significance of the research topic is due to the relevance of the problem of the caliphate in the social and political life of the modern Arab-Muslim world. The purpose of this research project is to analyze the causes and consequences of the emergence of caliphate movements, which were the reaction of the Muslim world to the destruction of the Ottoman Empire and the liquidation of the institution of the caliphate in 1924 by the republican leadership of Turkey. At the same time, the authors focus on the General Islamic Congress in Jerusalem (1931) as a concrete example of the socio-political discussions of Muslims about the unity of the Ummah and the future fate of the caliphate. Based on the materials of historical sources, the authors identified contradictions in the diversity of ideological and value views of the caliphate in the main areas of Islamic world — in the Middle East, North Africa and South Asia, analyzed methodological, spiritual and political obstacles that stood in the way of the ideologists of caliphate by the example of contradictions in the activities of the Mufti of Jerusalem Amin al-Husseini (c. 1895–1974), who advocated the independent statehood of Arab Palestine, and the leader of Indian Muslims Shaukat Ali (1873–1938), who advocated the internationalization of the cause of the revival of the caliphate. The authors prove that “Islamic internationalism” in the 1930s began to acquire more and more national, ethno-culturally conditioned forms, which was due to the distrust of caliphate on the part of the British colonial officials and the political elites of Turkey and Egypt in the geopolitical conditions that changed after the First World War. In addition, the importance of studying higher Muslim education for the characterization of the political, value, religious and philosophical positions of the caliphists and their opponents is revealed.

Keywords: Caliphate, Arab nationalism, Palestine, Middle East, North Africa, South Asia

Article history: Received: 21.09.2022. Accepted: 14.10.2022.

For citation: Kirillina SA., Safronova AL., Orlov VV. High Hopes, Lost Illusions: General Islamic Congress in Jerusalem (1931). *RUDN Journal of World History*. 2023;15(1):7–21. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-7-21>

Введение

После ликвидации халифата 3 марта 1924 г. Великим национальным собранием Турецкой Республики в арабском мире состоялась серия международных съездов панисламской направленности, декларативной целью которых стал поиск путей единения *дар аль-ислама*¹. Инициаторами созыва Всеобщего исламского конгресса за халифат² в Каире (май 1926 г.), получившего всемерную поддержку египетского монарха Фуада I³, выступили улама⁴ университета аль-Азхар [1]. За ним практически сразу же, в июне — июле 1926 г., воследовал Конгресс исламского мира в Мекке, созванный королем Неджда и Хиджаза Ибн Саудом⁵. Третий конгресс, состоявшийся на Святой Земле Палестины, по сути, стал «шоу одного человека» — муфтия Иерусалима Амина аль-Хусейни (ок. 1895–1974), замыслившего превратить этот город в центр всемирной исламской уммы. Не случайно начало конгресса (27 раджаба 1350 г.х.) было приурочено к всеисламскому празднеству «ночи путешествия и вознесения» (*лайлат аль-исра' ва-ль-ми'радж*), знаменующему ночное путешествие пророка Мухаммада из Мекки в Иерусалим, откуда он вознесся к небесному престолу Аллаха [2. С. 36].

Конгресс и его делегаты

Двухнедельный форум под широкомасштабным названием «Всеобщий исламский конгресс» (*аль-Му'тамар аль-исламий аль-'амм*) прошел в Иерусалиме 7–16 декабря 1931 г. Его торжественное открытие в третьей по значимости святыне ислама — мечети аль-Акса — сопровождалось знаковым актом — коллективной клятвой присутствующих «всеми силами защищать святыне места от посягательств» [3. С. 133]. Эта пропагандистская акция напрямую была связана с арабо-еврейскими столкновениями 1929 г. вокруг Западной Стены Храмовой Горы, именуемой мусульманами «Стеной Бурака», а евреями —

¹ *Дар аль-ислам* (араб. обитель ислама) — территория, на которой, согласно нормам мусульманского права, осуществляется верховенство шариата как юридической системы

² Халифат (араб. *аль-хилафа*) — государство, возглавляемое халифом. Халиф — первоначально титул светского и духовного главы арабского государства, позже — титул правителя, претендовавшего на роль главы мусульманского мира.

³ Фуад I (1868–1936) — султан (1917–1922 гг.), а затем король Египта и Судана (1922–1936 гг.).

⁴ Улама — мусульманские теологи, хранители религиозной традиции, блюстители канонического права.

⁵ Абд аль-Азиз (Ибн Сауд) (1875–1953) — эмир Неджда в 1902–1926 гг.; король Неджда и Хиджаза в 1926–1932 гг.; первый король Саудовской Аравии в 1932–1953 гг.

«Стеной Плача», и стремлением иерусалимского муфтия закрепить ее принадлежность за мусульманской общиной Палестины [4. С. 112; 5. С. 94].

На конгресс съехались более 130 делегатов из 22 стран. Среди его знаковых участников — египтян выделялись видный идеолог исламского реформаторского движения Мухаммад Рашид Рида (1865–1935) и представлявший оппозиционную египетскому королевскому престолу партию Вафд политический активист Абд ар-Рахман Аззам (1893–1796), позднее первый генеральный секретарь Лиги арабских государств (1945–1952 гг.). Из Сирии прибыли Риад ас-Сольх (1894–1954), впоследствии первый премьер-министр независимого Ливана, Шукри аль-Куатли (1891–1967), позже президент Сирии (1943–1949, 1955–1958 гг.), и председатель Дамасского общества по защите Хиджазской железной дороги эмир Мухаммад Саид аль-Джазаири (1883–1966), внук героя антифранцузского сопротивления в Алжире Абд аль-Кадира (1808–1883). В качестве рупоров интересов Магриба выступили тунисский богослов и политик, один из основателей партии «Дустур», участник двух предшествующих конгрессов Абд аль-Азиз ас-Саалиби (1876–1944) и марокканская делегация во главе с будущим лидером Партии магрибинского единства и министром вакфов в независимом Марокко Мухаммадом аль-Макки ан-Насири (1906–1994) и суфием Мухаммадом аль-Каттани (1894–1973). Внимание прессы привлекло присутствие на конгрессе выдающегося мусульманского поэта и философа Мухаммада Икбала (1876–1938). Российское постимперское пространство представляли политэмигранты — активист татарского национального движения, друг основоположника джадидизма⁶ Исмаила Гаспринского (1851–1914) Гаяз Исхаки (1878–1954), богослов-джадидист Муса Джарулла Бигеев (1875–1949) и непримиримый противник политики советской власти на Кавказе, внук имама Шамиля (1797–1871) Саид Шамиль (1901–1981). Резонансной фигурой на конгрессе стал шейх-имамит из Ирака Мухаммад аль-Хусейн Кашиф аль-Гита (1877/78–1954), первый известный шиитский *муджтахид*⁷, принявший участие в форуме такого рода. Иракский шейх был известен тем, что воевал в годы Первой мировой войны против британской армии [6. Т. 2. С. 188–189]. Именно ему была оказана честь руководить соборной молитвой в мечети аль-Акса во время открытия конгресса. На протяжении последующих лет он выступал в качестве наиболее жесткого критика сионизма со стороны шиитских клерикальных кругов.

Именитые зарубежные гости были впечатлены численностью участников съезда, которые в действительности в своей массе представляли собой малоизвестных местных функционеров из Палестины и прилегающих территорий — сторонников Амина аль-Хусейни и его персонального видения целей

⁶ Джадидизм — общественно-политическое движение конца XIX в. — 1920-х годов за обновление исламской культуры и общества среди российских мусульман.

⁷ *Муджтахид* — представитель высшей категории мусульманских богословов законоведов.

этого мероприятия. Организаторам иерусалимского форума не удалось привлечь 2 тысячи участников, как первоначально планировал один из инициаторов съезда, видный индийский панисламист Шаукат Али [7]. Хотя в работе Всеобщего исламского конгресса приняли участие в пять раз больше делегатов по сравнению с Каирским конгрессом 1926 г., среди них не было посланцев Афганистана, Советского Союза, Румынии, Болгарии, Греции и иных государств распространения ислама. Более того, говорить об официальном представительстве на конгрессе делегаций государственного уровня не приходилось. Камнем преткновения в данном случае стал вопрос о халифате.

Халифат за чертой повестки дня

Несмотря на то, что тема халифата продолжала будоражить мусульманскую общественность, ее пришлось вынести за пределы повестки дня по ряду веских причин, еще на этапе подготовки конгресса. Чтобы не раздражать оппонентов, официальные приглашения, разосланные подготовительным комитетом, были составлены в общих чертах. Призыв к «выдающимся представителям ислама» принять участие «в совместной работе на благо распространения мусульманских идеалов» [8. С. 8] соседствовал с расплывчатой формулировкой о необходимости проведения конгресса с целью «обсуждения нынешних условий жизни мусульман, обеспечения безопасности иерусалимских святынь и других дел, представляющих интерес для всех мусульман» [9. С. 117–118; 10. С. 251]. Тем не менее, циркулировавшие слухи о том, что в Иерусалиме будет поднят вопрос о халифате, быстро стали предметом спекуляций и досужих домыслов, крайне обеспокоивших организаторов конгресса.

Ситуация усугубилась, когда в еврейской прессе появилось сфабрикованное заявление о том, что халифат планируется восстановить и резиденцией для его главы определить Иерусалим. Этот пропагандистский ход был направлен на создание противоречивой атмосферы вокруг конгресса и сокращение численности его возможных участников [11. С. 108]. При этом возможной кандидатурой на возрожденный халифский пост был назван османский экс-халиф Абдул-Меджид⁸, проживавший в то время в изгнании в Ницце. Египетский монарх Фуад I не был лишен халифских амбиций, и, если даже сам не воцарился халифского достоинства, то мысль о занятии этого поста кем-либо другим ему претила. Королевский двор и правительство во главе с премьер-министром Исмаилом Сидки-пашой (1875–1950) вкуче с исламскими авторитетами отнеслись к предстоящему иерусалимскому мероприятию предельно настороженно [12. С. 312–313]. Амин аль-Хусейни даже был вы-

⁸ Абдул-Меджид II (1868–1944) — последний халиф из османской династии (1922–1924 гг.), единственный халиф в истории Османской империи, не носивший одновременно титул султана.

нужден за месяц до форума посетить Каир для того, чтобы лично заверить Сидки-пашу, а с ним и всех, озабоченных этим вопросом, в том, что халифат на конгрессе будет вне обсуждения. Однако искренность иерусалимского муфтия так и осталась под сомнением, и египетские власти отказались посылать в Иерусалим официальную делегацию. Присутствие же на форуме представителей оппозиционной партии Вафд было расценено египетскими правящими кругами как демонстративный антимонархический выпад и неприкрытая политическая акция, направленная против курса правительства Исмаила Сидки [13. С. 197].

Страсти по халифату взволновали отпрысков шерифа Мекки Хусейна ибн Али аль-Хашими (ок. 1854–1931), незадолго до конгресса отошедшего в мир иной. Абдалла, Фейсал и Али прямо не озвучивали свою позицию в отношении возрождения института халифата. Однако обсуждение в Иерусалиме любых аспектов халифатистской темы было им невыгодно с учетом возможного выдвижения претензий на халифат от их имени в будущем. Под надуманным предлогом дистанцировался от участия в конгрессе правитель Неджда и Хиджаза Ибн Сауд. Он сослался на то, что приглашение иерусалимского муфтия якобы дошло до него с запозданием [14. С. 167]. В итоге официальная делегация Саудилов в Иерусалиме представлена не была.

Предположительное появление на Святой Земле Палестины экс-халифа Абдул-Меджида и тем более кривотолки о близкой реставрации халифата всполошили республиканскую Турцию. Турецкие дипломаты всеми силами пытались убедить западных партнеров в том, что возрожденный халифат превратится в средоточие злостных интриг и бунтарских настроений, направленных против их государств, а новый халиф неизбежно станет центром притяжения всех сил, враждебных Турецкой Республике. Несмотря на непрекращающееся давление, французы отказались препятствовать выезду Абдул-Меджида на Ближний Восток. Англичане же предпочли перестраховаться и приняли решение не выдавать палестинские визы ни экс-халифу, ни его сопровождающим. Амин аль-Хусейни, чтобы сгладить трения с турками, громогласно заявил, что Абдул-Меджид на конгресс приглашен не будет, а затем безуспешно попытался договориться о приезде в Иерусалим официальной турецкой делегации. Министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту Арас (1883–1972), не задумываясь, проигнорировал приглашение муфтия. Более того, он провел переговоры с правителями Персии, Афганистана, Албании и Хиджаза и тем самым позаботился о расширении круга государств-«отказников» [14. С. 166]. Турецкий лидер Мустафа Кемаль также категорично высказался против конгресса как действия, противоречащего его личным принципам [3. С. 129–131]. Во многом именно закулисные маневры Турции привели к тому, что иерусалимский конгресс был лишен даже налета официальности.

Религия и политика на конгрессе

Несмотря на настоятельные рекомендации британских мандатных властей не выходить за рамки сугубо религиозных тем, муфтию Амину аль-Хусейни путем закулисного маневрирования удалось придать конгрессу подчеркнуто политизированное звучание. В своих выступлениях делегаты горячо обличали экспансионистскую политику Запада в отношении стран распространения ислама и осуждали европейский империализм. Дискуссия об опасностях, грозящих Святым местам ислама, неминуемо вылилась в дебаты о враждебном палестинским интересам характере мандатного правления и воинственном настрое сионистов. Конгресс постановил, что «сионизм ipso facto является агрессивной силой, наносящей ущерб благополучию мусульман, и он прямо или опосредованно отстраняет мусульман от контроля над исламскими землями и мусульманскими Святыми местами» [15. С. 1]. Негодование симпатизировавшего сионистским устремлениям британского Верховного комиссара в Палестине А.Г. Ваучопа (1864–1947) муфтий без стеснения парировал. Он заявил, что не чувствует себя вправе контролировать волеизъявление выступавших участников. Отслеживая ход конгресса, Амин аль-Хусейни и далее последовательно стремился заострить внимание мирового сообщества на краеугольной важности Палестины для мира ислама [8. С. 9].

Принятые на конгрессе религиозно-политические резолюции соответствовали цели Амина аль-Хусейни поднять престиж Иерусалима, а вместе с ним и собственный авторитет в глазах исламской уммы. В них прозвучал призыв к мусульманам оберегать Святые места от любых агрессивных действий, и было заявлено о неоспоримой принадлежности «Стены Бурака» мусульманам. Однако всеобщий консенсус делегатов в отношении святынь Иерусалима не помешал бурной и продолжительной полемике относительно того, следует ли помещать вопрос о защите Святых мест в более широкий контекст борьбы палестинцев с мандатными властями за независимость.

На форуме также была поднята тема восстановления мусульманского контроля над ключевой для мусульманских паломников транспортной артерией — Хиджазской железной дорогой. Катализатором этой дискуссии послужил захват французскими властями ее вокзала в Дамаске незадолго до конгресса. В резолюции в итоге был включен пункт о необходимости передачи Хиджазской железной дороги под надзор специального Исламского комитета. Он, впрочем, не был особо представительным органом. В частности, среди 32 его членов отсутствовали египетские делегаты [12. С. 318].

Среди решений конгресса выделялась инициатива основания в Иерусалиме университета при мечети аль-Акса с целью «продвижения арабской культуры (в массы) и повышения уровня владения арабским языком мусульманской молодежью» [16. С. 192]. Это был амбициозный и дорогостоящий проект, такой же затратный, как и поддержанный конгрессом

замысел основания Исламской земельной компании с целью выкупа арабских земель для того, чтобы они не попали в руки сионистов [17. С. 166]. Еще на стадии подготовки иерусалимского форума он был в штыки воспринят улама аль-Азхара, ревниво относившимся к статусу своего университета как лидирующей всемусульманской кузницы кадров высшего звена. В идее создания в Иерусалиме нового исламского высшего учебного заведения они усмотрели опасность появления параллельной аль-Азхару научно-образовательной структуры с претензией на соревнование с каирским университетом [12. С. 313]. Так, экс-муфтий Египта Мухаммад Бахит выступил со статьей в «Аль-Ахрам», в которой жестко раскритиковал «мечтания» создателей нового университета [7. 03.11.1931]. Свою тревогу Амину аль-Хусейни напрямую высказал ставленник королевского двора, ректор аль-Азхара Мухаммад аль-Ахмади аз-Завахири (на этом посту с 1929 по 1935 г.). Его далеко не успокоили заверения муфтия в том, что новая высшая школа — всего лишь скромное по своим масштабам учебное заведение, которое задумано только как противовес Еврейскому университету Иерусалима, но никак не вызов аль-Азхару [7. 06.11.1931; 18. С. 40].

Делегаты конгресса единодушно признали плодотворность идеи учреждения нового университета. При этом Амин аль-Хусейни настоял на его сугубо исламском характере и блокировал предложения Шауката Али придать ему либеральный и космополитический флер и сделать языком обучения английский [8. С. 9]. Основу университета при мечети аль-Акса должны были составить три факультета — теологии и мусульманского права, медицины и фармакологии, а также инженерный. Все три начинания потребовали значительных финансовых затрат на строительные работы, закупку оборудования и наем профессорско-преподавательского состава. Однако кампания по сбору средств для реализации этой инициативы, развернутая Амином аль-Хусейни и казначеем Постоянного бюро конгресса Мухаммадом Али Аллюбой в 1932–1933 гг. в Палестине, Индии и Ираке, ожиданий ее организаторов не оправдала [19. С. 154]. Проект исламского университета так и остался на бумаге; канул в лету и план организации Исламской земельной компании.

Халифат в идейном диалоге мусульман Британской Индии и Ближнего Востока

Халифатистское движение мусульман Южной Азии основывалось на панисламских идеях. Значительное количество адептов ислама среди южноазиатов, по мысли индийских мусульманских лидеров, открывало перед ними перспективы обретения достойной роли в рамках мирового мусульманского сообщества [20; 21. С. 212]. Индийские халифатисты традиционно выступали в защиту султана-халифа и против намерения

Антанты расчленив Османскую империю, внесли существенный вклад в теоретическую дискуссию о халифате [22. С. 33–37]. Ликвидация османского халифата по-новому поставила в мусульманском мире вопрос о контурах идеи мусульманской общности, заставив индийских халифатистов активно включиться в этот процесс. Всеиндийский халифатистский комитет участвовал в разработке программ всех панисламских конференций [23. С. 164–169; 3. С. 93–94].

Неизменными продолжателями поддержки идей халифатизма и налаживания связей со странами исламского мира через участие индийских делегатов в панисламских конгрессах были братья Мухаммад Али Джаухар (1878–1931) и Шаукат Али (1873–1938), выпускники прославленного в Британской Индии Алигархского университета, общественные деятели и пропагандисты панисламизма. Они воспринимали халифат в антиколониальном дискурсе как объединение свободных от европейской зависимости последователей ислама, ввели трактовку популярной среди индийских националистов идеи несотрудничества через традиционное понятие хиджры как исхода мусульман в другие страны распространения ислама в знак оппозиции британской администрации [24. С. 51–62]. Среди участников панисламских конгрессов, выступавших за налаживание связей со странами Ближнего Востока, были такие индийские халифатисты, как Хаким Аджмал Хан (1863–1927) и Мухтар Ахмад Ансари (1880–1936) [25. С. 205–207]. Они ратовали за развитие мусульманского образования, стали основателями мусульманского университета Джамия Миллия Исламия в Дели, наряду с прославленным Алигархским университетом, поддерживали идею открытия новых университетов и на Ближнем Востоке, помимо знаменитого аль-Азхара. Идея панисламских конгрессов была поддержана видным индийским халифатистом Инаятуллой Ханом Машрики (1888–1963), известным также как Аллама Машрики [26. С. 131; 27. С. 126]. Идеи халифата были популярны и среди правителей мусульманских княжеств, прежде всего они занимали низама крупнейшего на территории Индостана княжества Хайдарабад Османа Али-хана [28. С. 156–157].

На иерусалимском конгрессе вопрос о халифате не был включен в повестку заседаний, несмотря на усилия индийской стороны. Индийские халифатисты поддерживали палестинцев, однако не ожидали, что палестинская тематика, включая вопросы, связанные с сионизмом, оттеснила халифатистские сюжеты [29. С. 16–17]. Вопрос о халифате, точнее, подход к его постановке в ходе заседаний конгресса вызвал споры среди делегатов, в том числе коснувшись и индийской делегации. Так, между Амином аль-Хусейни и Шаукатом Али возникли разногласия: Шаукат Али открыто заявил о своей поддержке сосланного в Европу и пребывавшего в Ницце последнего османского халифа Абдул-Меджида [3. С. 127].

Значительную роль в подготовке и проведении этого конгресса, наряду с его главным организатором — палестинским лидером Амином аль-Хусейни, — сыграл Шаукат Али. На предыдущих конгрессах он потребовал для Индии наибольшего представительства на основании численности мусульман в этой стране. Индия была единственной из стран-участниц, получившей 4 голоса. При подготовке иерусалимского конгресса он продолжал отстаивать идею особой роли индийских мусульман в строительстве мирового исламского сообщества [3. С. 136].

Еще в 1929 г. Мухаммад Али выдвинул предложение об иерусалимском Верховном исламском совете, идея создания которого была воплощена во Всеобщем исламском конгрессе в Иерусалиме (1931 г.). Когда Мухаммад Али умер в начале 1931 г., Амин аль-Хусейни обратился к Шаукату Али и предложил ему похоронить его брата в Иерусалиме в преддверии конгресса и в знак его заслуг в панисламской деятельности [30. С. 280]. Он отмечал также его заслуги и в палестинском вопросе. Амин аль-Хусейни обращал внимание на то обстоятельство, что пропаганда панисламизма связывалась у братьев Али с гандистской идеей бойкота британских товаров [10. С. 246]. В ходе подготовки иерусалимского конгресса Шаукат Али совершил турне по ряду ближневосточных городов, пропагандируя проект исламского университета в Иерусалиме, образцом для которого он считал свой родной Алигархский университет в Британской Индии [10. С. 249–250].

Связи Амина аль-Хусейни с южноазиатами оказались крепкими, несмотря на разногласия. В 1937 г. Амин аль-Хусейни покинул Палестину, и Иерусалим больше не рассматривался как центр координации деятельности панисламистов. Однако в 1949 г. (уже после образования Пакистана) он созвал международную конференцию в Карачи, которую представил как продолжение не только иерусалимской конференции, но и исламской конференции в Мекке 1926 г. Другая конференция, которую он возглавлял, проходившая в Карачи в феврале 1951 г. под названием Всемирный мусульманский конгресс, собрала представителей 32 стран и различных исламских общин. Идеи конференции стали одной из основ для последующего формирования Организации Исламская конференция в 1969 г. [10. С. 270].

Смена вех в мировосприятии индийских мусульман: халифат versus национализм

Вместе с Шаукатом Али в иерусалимском форуме принял участие известный поэт, философ, мыслитель и общественный деятель Британской Индии Мухаммад Икбал (1877–1938). Фигура Икбала демонстрирует сочетание двух тенденций, характерных для идейных исканий приверженцев ислама в Южной Азии в 30-е годы XX в.: идеи объединения мусульман во вселен-

ском масштабе на основе обновления ислама в соответствии с меняющимися реалиями, с одной стороны, и попытки создания региональных очагов исламской государственности, в конкретном случае мусульманской государственности в Южной Азии, с другой.

С середины 1920-х годов Мухаммад Икбал активно участвовал в политической жизни Индии. В 1928 г. он выступил с идеей обновления ислама, что нашло отражение в его работе «Реконструкция религиозной мысли в исламе» (1934 г.) [31] (в переводе на русский язык издана в 2002 г.) [32]. Икбал считал единство и равноправие двумя столпами исламского общества. Он был уверен, что при определении и толковании демократии посредством исламского учения можно достичь желанного, отвечающего запросам времени общества, единство и образованность в его концепциях выступали взаимодополняющими факторами, а недостаток знания основной причиной раскола мусульман [33].

Идеи панисламизма импонировали его стремлению к объединению уммы и созданию крупных мусульманских университетов. Именно эти идеи и привели его во время серии поездок по Европе и Ближнему Востоку на Всеобщий исламский конгресс в Иерусалим в декабре 1931 г., в ходе которого он ратовал за оформление единого Всеисламского координационного центра в Иерусалиме и дальнейшее распространение системы мусульманского образования (создание мусульманского университета в Иерусалиме) [30. С. 190–191]. Он одобрял сам факт созыва иерусалимского конгресса 1931 г., так как считал позитивным участие представителей мусульманского мира в союзах, альянсах и договорах, которые, по его мысли, способствовали укреплению культурных, экономических и политических связей между странами распространения ислама.

Наряду с приверженностью единой организации мусульманского мира в его деятельности проявилась и иная тенденция, становившаяся знаковой в идейной эволюции мусульманских идеологов различных регионов мира и ярко продемонстрированная последователями ислама Британской Индии: формирующееся движение за создание «мусульманской нации» и национального очага государственности на территории Южной Азии.

Изучая право и философию в Англии, Мухаммад Икбал стал членом лондонского отделения Всеиндийской мусульманской лиги. Позже, в декабре 1930 г., он, будучи председателем сессии Мусульманской лиги в Аллахабаде, произнес речь, известную как Послание Аллахабада, в которой он настаивал на создании мусульманского государства на северо-западе Британской Индии. Это дало основание впоследствии объявить Икбала «духовным отцом Пакистана». В декабре 1931 г., накануне прибытия на иерусалимский конгресс он принял участие в завершившейся 1 декабря конференции Круглого стола в Лондоне, на которой реша-

лись вопросы будущего политического устройства Британской Индии. Шаукат Али также был участником этой конференции. Согласно принятому 11 декабря 1931 г. Вестминстерскому статуту, увеличивался суверенитет доминионов. Начавшийся процесс преобразования Британской империи в Британское содружество наций знаменовал смену приоритетов в идейных установках индийских мусульман. Панисламизм постепенно становился маргинальным движением в Южной Азии, на первый план выдвигалась задача оформления теории «мусульманской нации» и борьба за создание государства для индийских мусульман, получившего название Пакистан.

Икбал считал, что халифат был эффективным и полезным в эпоху сплоченности исламской империи, однако в условиях, когда ведущие страны ислама из-за разногласий в вопросе халифата отделились друг от друга, идея халифата утратила свою силу как неспособная объединить всех мусульман. Мухаммад Икбал полагал, что исламские сообщества должны, одобрив освободительные движения, добиться суверенитета и на новой основе поставить вопрос о единстве уммы. Он выдвинул идею национализма по признаку принадлежности к исламу. Икбал при этом противостоял идее национализма в европейском понимании, привязывающей это понятие, как он его трактовал, к конкретной территории, противопоставляя ему национализм как категорию духовную, основанную на принадлежности к единой вере, в данном случае к исламу. «Мусульманский национализм» в 30–40-е годы XX в. становится наиболее популярной концепцией среди последователей ислама Британской Индии, а Мусульманская лига во главе с Мухаммадом Али Джинной центральной силой, призванной достичь желанной цели. Мухаммад Икбал, а затем и Шаукат Али вместе со своими последователями сосредоточивают свои дальнейшие усилия на этой ниве [30. С. 192–193].

Заключение

На первый взгляд, результаты проведения Всеобщего исламского конгресса в Иерусалиме оказались далеко не столь существенными, как планировали его инициаторы. Конгресс, по их замыслу, должен был далее регулярно созываться с интервалом в два года. В соответствии с принятым в Иерусалиме Уставом Всеобщего исламского конгресса [16. С. 192–194] был сформирован постоянно действующий секретариат, функции которого включали подготовку следующего конгресса и выработку его повестки дня. Однако, как показало время, все эти благие намерения разбились о суровую реальность.

Генеральный секретарь конгресса — бывший премьер-министр Ирана (1921 г.) и экспатриант Зияэддин Табатабаи (1888–1969) — на время переехал

в Палестину из Женевы для исполнения возложенных на него обязанностей. Однако после неудач с привлечением средств на нужды конгресса он вернулся в Швейцарию и все реже появлялся на Святой Земле. Секретариат по инерции просуществовал несколько лет и на излете 1935 г. свернул свою деятельность за отсутствием финансирования, а новый конгресс так и не состоялся. А в 1937 г. под угрозой ареста покинул Палестину Амин аль-Хусейни, которому так и не удалось построить «иерусалимоцентричный» дар аль-ислам.

Историография иерусалимского конгресса до сих пор остается полем для столкновения оценок и мировоззрений. Резюмируя образное восприятие форума, инициированного муфтием Иерусалима, израильский историк М. Крамер использовал для сравнения известный труд сирийского деятеля арабского Возрождения (Нахды) Абд ар-Рахмана аль-Кавакиби (1855–1902) «Умм аль-кура» («Мать городов») [34], представляющий собой сборник протоколов вымышленного автором мусульманского конгресса, якобы состоявшегося в Мекке в 1898 г. «Как и вымысел аль-Кавакиби, — констатировал исследователь, — иерусалимский конгресс в конце концов превратился в плод воображения одного человека» [3. С. 141]. Полярную трактовку итогов конгресса в Святом городе предложила в 2016 г. американская исследовательница М. Хасан: «Широкий спектр мусульманских интеллектуалов и активистов творчески подошел к вызовам послевоенной эпохи и стремился сформулировать исламский интернационализм, который представлял собой особенно современные формулировки глубоко укоренившихся религиозных чувств» [35. С. 187].

Проведенное исследование убеждает в том, что ожидание судьбоносных решений от иерусалимского съезда оказалось главной причиной разочарования международной мусульманской общественности. Однако эмоциональное восприятие событий 1931 г. в Иерусалиме помешало современникам осознать, что «исламский интернационализм» в 1930-х годах начал обретать все более национальные, этнокультурно обусловленные формы. Не случайно после завершения конгресса ряд политических лидеров не покинул Палестину. Они собрались для выработки положений Арабской национальной хартии, в которой особо выделялись темы единства, независимости и антиколониализма. Влияние Амина аль-Хусейни после конгресса уже не ограничивалось Палестиной — его деятельность вызывала уважение со стороны политических и религиозных деятелей по всему мусульманскому миру [36. С. 107]. Да и в деятельности индийских халифатистов все панисламские конгрессы оказались важной вехой. Хотя их творческие и идеологические результаты не были выдающимися, участие в них помогло организации контактов между исламскими общинами Индии и Ближнего Востока и дало возможность индийской стороне заявить о себе на международном уровне.

Библиографический список

1. Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифат в идейном диалоге стран распространения ислама: опыт панисламского конгресса 1926 г. в Каире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 1. С. 7–19.
2. Freas E. Hajj Amin al-Husayni and the Haram al-Sharif: A Pan-Islamic or Palestinian Nationalist Cause? // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2012. № 39 (1). P. 19–51.
3. Kramer M. *Islam Assembled. The Advent of the Muslim Congresses*. N.Y.: Columbia University Press, 1986. 250 p.
4. Pappe I. *A History of Modern Palestine. One Land, Two Peoples*. Cambridge–N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 333 p.
5. Nafi B.M. *Arabism, Islamism and the Palestine Question, 1908–1941. A Political History*. Reading: Garnet Publishing Limited, 1998. 459 p.
6. Аль-Махбуба, Джа'фар аш-Шейх Бакир. Мади ан-Наджаф ва хадируха (Прошлое и настоящее Неджефа). Т. 1–2. Бейрут: Дар аль-адва', 1986. 294+321 с.
7. Аль-Ахрам. Каир. 04.12.1931
8. Roberts N.E. Making Jerusalem the Centre of the Muslim World: Pan-Islam and the World Islamic Congress of 1931 // *Contemporary Levant*. 2019. Vol. 4. № 1. P. 1–12.
9. Аль-Манар. Февраль 1932.
10. Nafi B.M. The General Islamic Congress of Jerusalem Reconsidered // *The Muslim World*. 1996. Vol. LXXXVI. № 3–4. P. 243–272.
11. Jbara T. *Palestinian Leader: Hajj Amin al-Husayni, Mufti of Jerusalem*. Princeton: The Kingston Press, 1985. 221 p.
12. Mayer Th. Egypt and the General Islamic Conference of Jerusalem in 1931 // *Middle Eastern Studies*. 1982. Vol. 18. № 3. P. 311–322.
13. Kedourie E. *The Chatham House Version and Other Middle-Eastern Studies*. Introduction by D. Pryce-Jones. Chicago: Ivan R. Dee, 2004. 488 p.
14. Taggar Y. *The Mufti of Jerusalem and Palestine Arab Politics, 1930–1937*. Ph.D. Thesis. L.: University of London, 1973. 472 p.
15. Daily News Bulletin. L., 1931. Vol. XII, № 288 (15th December). P. 1–8.
16. Charter of the General Islamic Congress adopted by the Congress in its fourteenth session held on Tuesday, Sha'ban 6, 1350 / December 10, 1930 / Kramer M. *Islam Assembled. The Advent of the Muslim Congresses*. N.Y.: Columbia University Press, 1986. С. 191–194.
17. Kayyali A.W. *Palestine: A Modern History*. London: Third World Centre for Research and Publishing, 1978. 243 p.
18. Coury R.M. Egyptians in Jerusalem: Their Role in the General Islamic Conference of 1931 // *The Muslim World*. 1992. Vol. LXXXII. № 1. P. 37–54.
19. Kupferschmidt U.M. The General Muslim Congress of 1931 in Jerusalem // *Asian and African Studies*. 1978. Vol. 12. № 1. P. 132–154.
20. Alavi H. Ironies of History: Contradictions of Khilafat Movement. Our World. URL: <http://ourworld.compuserve.com/homepages/sangat/hamza.htm> (дата обращения — 26.11.2019).
21. Minault G. *The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilization in India*. Delhi: Columbia University Press, 1982. 294 p.
22. Hasan M. *Communal and Pan-Islamic Trends in Colonial India*. New Delhi: Manohar, 1985. 444 p.
23. Jain M.S. Mohamed Ali and the Khilafat Committee, 1925–1926 // *Communal and Pan-Islamic Trends in Colonial India*. New Delhi: Manohar, 1985. P. 164–169.
24. Wasti S.T. The Circles of Maulana Mohamed Ali // *Middle Eastern Studies*. 2002. Vol. 38. № 4. P. 51–62.
25. *Regionalizing Pan-Islamism: Documents on the Khilafat Movement*. Ed. by M. Hasan and M. Pernau. New Delhi: Manohar, 2005. 467 p.

26. *Malik M.A.* Allama Inayatullah Mashraqi: A Political Biography. Delhi: Oxford University Press, 2000. 156 p.
27. *De A.* History of the Khaksar Movement in India, 1931–1947. Kolkata: Parul Prakashani, 2009. 249 p.
28. *Zubrzycki J.* The Last Nizam. The Rise and Fall of India's Greatest Princely State. Sydney: Picador, 2006. 382 p.
29. *Matthews W.C.* Pan-Islam or Arab Nationalism? The Meaning of the 1931 Jerusalem Islamic Congress Reconsidered // International Journal of Middle East Studies. 2003. Vol. 35. № 1. P. 1–22.
30. *Allana G.* Muslim Political Thought Through the Ages. 1542–1947. N. Delhi: Indian Institute of Applied Political Research, 1987. 347 p.
31. *Iqbal M.* The Reconstruction of Religious Thought in Islam. L.: Oxford University Press, 1934. 198 p.
32. *Икбал М.* Реконструкция религиозной мысли в исламе / пер. с англ., предисл. и коммент. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2002. 200 с.
33. *Iqbal M.* Islam as a Moral and Political Ideal // Thoughts and Reflections of Iqbal. Ed. by S.A. Vahid. Lahore: S H Muhammad Ashraf. 1964. 381 p.
34. *Аль-Кавакиби, Абд ар-Рахман.* Умм аль-кура ли-с-сайид аль-Фурати ва хува дабт муфавадат ва мукаррарат му'тамар ан-нахда аль-исламийя аль-мун'акид фи Макка аль-мукаррама санат 1316 (Мать городов господина ал-Фурати: протоколы переговоров и постановлений конгресса исламского возрождения, состоявшегося в благородной Мекке в 1316 г. по хиджре). Каир: Аль-Матба'а аль-мисрийя би-ль-Азхар, 1350 г. х. (1931). 217 с.
35. *Hassan M.* Longing for the Lost Caliphate: A Transregional History. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2016. 408 p.
36. *Lesch A.M.* Arab Politics in Palestine, 1917–1939. The Frustration of a Nationalist Movement. L.–N.Y.: Cornell University Press, 1979. 257 p.

Информация об авторах:

Кириллина Светлана Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: s.kirillina@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5769-3715, ELibrary SPIN-код: 2492-5979

Сафронова Александра Львовна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: al-safr@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-1554-3449, ELibrary SPIN-код: 6189-7121

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: alsavlor@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2649-5422, ELibrary SPIN-код: 6318-4102

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-1-22-44

Научная статья / Research article

Вассальные мамлюкские правители Египта и Сирии на службе османов

Т.А. Рыженкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
 t.ryzhenkova@spbu.ru

Аннотация. Падение мамлюкского султаната под натиском османского нашествия в 1516–1517 гг. коренным образом изменило ход событий как в Египте, так и во всем мусульманском мире. Однако установлению непосредственно турецкого правления на территории бывших мамлюкских владений предшествовал непродолжительный переходный период вассальной зависимости. Османский султан Селим I Явуз (1512–1520) поставил во главе Египта и Сирии преданных ему мамлюкских эмиров Хайр-бека и Джанбирди аль-Газали, действия которых во многом повлияли на дальнейшее упрочение власти турок в ближневосточных провинциях. Главной целью исследования стало выявить причины такой резкой смены политики Османов на территории Египта и Сирии. Автор подробно рассматривает период правления вассальных мамлюкских эмиров и определяет, каким образом их действия повлияли на решение Порты поставить на местах своих губернаторов и отдалить мамлюков от власти. Используя историко-генеалогический метод, автор начинает с описания событий османо-мамлюкской войны 1516–1517 гг. В ходе конфликта оба эмира проявляют дальновидность и переходят на сторону Османов, чем и заслуживают к себе особое расположение султана Селима. Однако впоследствии, находясь у власти, и в Хайр-беке, и в Джанбирди аль-Газали проявляется тенденция к самоуправству, что и послужило тревожным сигналом для Османов. Результатом правления обоих военачальников, таким образом, стало еще большее усиление турок и ослабление мамлюков в исламском мире.

Ключевые слова: Египет в Средние века, Османская империя, мамлюки, османское завоевание Египта и Сирии

История статьи: Поступила в редакцию: 29.08.2022. Принята к публикации: 18.10.2022.

Для цитирования: Рыженкова Т.А. Вассальные мамлюкские правители Египта и Сирии на службе османов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 1. С. 22–44. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-22-44>

© Рыженкова Т.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Vassal Mamluk rulers of Egypt and Syria in the service of the Ottomans

T.A. Ryzenkova

Saint Petersburg State University,
Universitetskaya nab. 7–9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

 t.ryzenkova@spbu.ru

Abstract. The fall of the Mamluk Sultanate under the onslaught of the Ottoman invasion in 1516–1517 turned the entire course of events both in Egypt and throughout the Muslim world. However, the establishment of direct Turkish rule on the territory of the former Mamluk possessions was preceded by a short transitional period of vassalage. The Ottoman Sultan Selim I Yavuz (1512–1520) appointed in Egypt and Syria two devoted to him Mamluk emirs Khair-bek and Janbirdi al-Ghazali, whose actions influenced the further strengthening of the power of the Turks in the Middle Eastern provinces. The main purpose of the study is to identify the reasons for such an abrupt change in the policy of the Ottomans in Egypt and Syria. The author examines in detail the period of rule of the vassal Mamluk emirs and tries to determine how their actions influenced the decision of the High Porte to appoint their own governors and remove the Mamluks from power. Using the historical and genealogical method, the author begins with a description of the events of the Ottoman-Mamluk war of 1516–1517. During the conflict, both emirs showed far-sightedness and went over to the side of the Ottomans. Therefore, they earned the special favor of Sultan Selim. However, later, while in power, both Khair-bek and Janbirdi al-Ghazali showed a tendency to arbitrariness, which served as an alarm signal for the Ottomans. Moreover, after the death of Selim, Janbirdi openly opposed the Ottomans. The result of the reign of both commanders, therefore, was an even greater strengthening of the Turks and the further weakening of the Mamluks in the Islamic world.

Keywords: Egypt in the Middle Ages, Egypt in modern times, the Ottoman Empire, Mamluks, the Ottoman conquest of Egypt and Syria

Article history: Received: 29.08.2022. Accepted: 18.10.2022.

For citation: Ryzenkova TA. Vassal Mamluk rulers of Egypt and Syria in the service of the Ottomans. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(1):22–44. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-22-44>

Введение

После османского завоевания 1516–1517 гг. могущественная империя мамлюков прекратила существование, а ее азиатские территории были разделены на несколько регионов, подчиненных напрямую Высокой Порте. Египет превратился в отдельную провинцию, обладавшую особым статусом [1. С. 109–110]. Несмотря на утрату политической власти, многие мамлюки смогли сохранить некоторое влияние в стране и даже приумножить его в последующие периоды [2. С. 21–22]. Особенно это касается тех, кто с самого начала объявил о поддержке турецкого султана Селима I Явуза («Грозного») (1512–1520).

Османские власти во вновь завоеванных мусульманских странах следовали принципу сохранения существующих управленческих систем, корректируя их для внедрения в общее административное устройство империи. В целом, структура управления в новых владениях турок не подверглась каким-либо существенным изменениям [3. С. 46]. Ранее входившие в состав единого Мамлюкского султаната Египет и Сирия теперь превратились в два отдельных государства, оказавшихся в вассальном подчинении Османской империи. Обе страны были отданы султаном Селимом в пожизненное управление двум мамлюкским эмирам, способствовавшим его победе, — Сайф ад-Дину Хайр-беку (правил в Каире в 1517–1522 гг.) и Джанбирди аль-Газали (правил в Дамаске в 1518–1521 гг.).

После смерти Селима I и вступления на османский престол его сына Сулеймана Кануни («Законодателя») (1520–1566), которого также прозвали «Великолепным», вассальная зависимость Египта и Сирии была упразднена, в Каир и Дамаск были направлены ставленники султана, и началась постепенная «османизация» и реорганизация управления обеими провинциями. Однако факторы, способствовавшие принятию такого решения со стороны османских властей, в двух странах различались.

В настоящей статье рассматривается начальный период османского господства в Египте и Сирии — двух крупнейших провинциях, ранее входивших в единую империю мамлюков. Целью исследования является проследить начальный этап перехода от мамлюкского к османскому правлению, который характеризовался сохранением автономии Египта и Сирии под властью вассальных мамлюкских эмиров, а также выявить причины дальнейшего ужесточения османского контроля над данными территориями.

События осmano-мамлюкской войны 1516–1517 гг. и первых лет после турецкой оккупации достаточно подробно описаны и изучены как отечественными, так и зарубежными исследователями. При изучении утверждения османской власти на завоеванных в XVI в. ближневосточных территориях представляется необходимым особо отметить работы советского и российского историка-арабиста Николая Алексеевича Иванова (1928–1994) и в частности, изданный им в 1984 г. труд под названием «Османское завоевание арабских стран (1516–1574)», а также израильского востоковеда Майкла Винтера (1934–2020), автора монографии «Египетское общество под властью Османской империи: 1517–1798 гг.» (1992 год издания) и соавтора опубликованной в 2008 г. кембриджской «Истории Египта» в двух томах. При написании настоящей статьи в той или иной степени использованы работы таких востоковедов, как Ф.М. Ацамба, А.Д. Новичев, А.А. Куделин, Е.И. Зеленев, М.Ю. Илюшина, Д. Аялон.

К сожалению, источниковое наследие изучаемого периода не изобилует работами на арабском языке по сравнению с предшествующим этапом суверенного господства мамлюков. При написании настоящей статьи использо-

ваны труды трех главных авторов — современников османского завоевания Сирии и Египта. В первую очередь, следует отметить египетского историка, уроженца Каира Ахмада ибн Мухаммада ибн Ийаса аль-Ханафи (1448–1524). Ибн Ийас происходил из знатной черкесской семьи, благодаря чему имел тесные контакты с представителями правящего класса [4. С. 6]. Его летопись под названием «Бада’и‘ аз-зухур фи вака’и‘ ад-духур» («Диковинки цветов в событиях веков») заканчивает богатую серию исторических работ мамлюкской эпохи и является наиболее полным и подробным источником по истории Египта интересующего нас периода.

Изучая события османо-мамлюкской войны и возникновения сирийской и египетской автономий, невозможно пройти мимо еще одного арабского автора XVI в.— Ибн Зунбуля Ахмада ибн ‘Али ар-Раммал аль-Махалли, родом из Египта. Его сочинение под заглавием «Ахират аль-мамалик ва-ваки‘ат ас-султан Салим аль-‘усманийй ма‘а Кансух аль-Гури» («Конец эпохи мамлюков и битва османского султана Селима с Кансухом аль-Гури») является чем-то вроде исторического романа и предоставляет яркую и живую картину происходящего [5. С. 573–574]. Несмотря на эпический характер данного произведения, благодаря которому долгое время оно было очень популярно среди народа, предоставленные в нем сведения не противоречат труду строгого «пуриста» Ибн Ийаса. Главным преимуществом сочинения является то, что оно написано современником событий, который, к тому же, не выражал явной поддержки той или иной стороне османо-мамлюкского конфликта.

Третьим основным источником можно назвать хронику сирийского историка Шамс ад-Дина Мухаммада ибн Тулуна (1473–1546) «И‘лам аль-вара би-ман вуллийа на’ибан мина-ль-атрак би-Димашк аш-Шам аль-Кубра» («Информирование людей о тюркских наместниках Дамаска»). Ибн Тулун жил в Дамаске и являлся очевидцем сирийских событий османо-мамлюкской войны. Автор оставил после себя множество работ, посвященных, помимо истории, таким отраслям знания, как толкование текстов, жизнеописания, медицина и др. [6. С. 118] Он застал и мамлюкский, и османский режимы, однако, судя по всему, избегал принимать участие в политической деятельности [7. С. 957].

Роль Сайф ад-Дина Хайр-бека и Джанбирди аль-Газали в событиях османо-мамлюкской войны 1516–1517 гг.

Со второй половины XV в. Османская империя вступила в период своего наивысшего могущества. Завоевание Константинополя, объединение под своим управлением всей территории Малой Азии, присоединение северного побережья Черного моря и стран Балканского полуострова превратили Турцию в великую и сильную империю, которая наводила страх не только на соседей, но и на целые коалиции азиатских и европейских государств [8. С. 53]. Экспансионистские устремления османских султанов направляли их усилия

на удовлетворение запросов возрастающей армии, которая на подъеме империи не знала себе равных как по количеству личного состава, так и по оснащенности новейшей военной техникой [9].

С начала XVI в. и вступления на престол Селима I внешняя завоевательная политика османов взяла курс на восток, где возникла угроза со стороны молодого шиитского государства Сефевидов во главе с Исмаил-шахом (1501–1524). Сперва Селим направил кампанию против мятежных сторонников Сефевидов в восточной Анатолии, а летом 1514 г. предпринял крупную военную экспедицию, закончившуюся уверенным разгромом персидской армии в сражении при Чалдыране. Хотя данный поход не привел к подчинению Ирана, он послужил для османского султана поводом начать новую кампанию против Мамлюкского султаната. Нейтральная и выжидательная позиция мамлюков по отношению к османо-сефевидскому конфликту была воспринята Селимом как негласная поддержка шиитского правителя Исмаил-шаха.

Завоевание Сирии и Египта — крупнейших регионов некогда могущественной мамлюкской военной державы — заняло всего чуть больше восьми месяцев. 5 августа армия османов во главе с Селимом I вторглась в Сирию, куда мамлюкский султан Кансух аль-Гури (1501–1516) направился вместе со своим войском, чтобы дать отпор. 24 августа произошло кровопролитное сражение на равнине Мардж Дабик, окончившееся сокрушительным разгромом мамлюков, не сумевших противостоять пушкам и мушкетам османских воинов. Сам Кансух аль-Гури погиб в бою, а остатки его войска отступили к Египту, где в это время новым султаном был избран его племянник Туманбей (1516–1517).

Молодой и энергичный Туманбей начал экстренно снаряжать новое войско, отказавшись принять вассальное подданство османскому султану. В условиях пустующей казны и нехватки времени он в сжатые сроки собрал и оснастил мамлюкские отряды, сформировал подразделения наемников, привлек племена бедуинов и постарался внедрить в армию новейшую военную технику, включая пушки и ручное огнестрельное оружие. Однако все эти усилия не спасли Туманбея от поражения. Османы стремительно овладели всей Сирией и вошли на территорию Египта. Решающее сражение произошло 22 января 1517 г. к северу от Каира в районе Риданийя. Как и при Мардж Дабике, мамлюки были разгромлены, и османская армия торжественно вступила в египетскую столицу. Какое-то время Туманбей еще предпринимал попытки дать отпор туркам, но в конечном итоге был выдан Селиму одним из бедуинских шейхов, предоставившим ему укрытие. Последний мамлюкский правитель был публично повешен 13 апреля как обычный уголовный преступник под аркой ворот Баб Зувейла [3. С. 46].

Целый ряд причин привел к краху Мамлюкского султаната под натиском османских сил. К началу XVI в. наметился общий упадок государства.

Мамлюкские правители стремительно теряли свой престиж в мусульманском мире на фоне возвышения османских султанов и их военных успехов. Вспышки эпидемии чумы, происходившие на протяжении всего XV в. и постоянная засуха привели к ослаблению египетской экономики. Усугубило положение открытие португальцами морского пути через мыс Доброй Надежды в 1488 г., которое коренным образом изменило торговые отношения Европы со странами Востока и лишило мамлюкских султанов большей части доходов от транзитной торговли. Предпринятые в 1508–1509 гг. морские экспедиции с целью устранить португальский контроль у берегов Индии оказались неудачными: объединенные мусульманские силы [3. С. 9–10] не смогли противостоять силе и превосходству португальского флота [10. С. 15]. В военном отношении они уступали и османской армии. Не желая внедрять огнестрельное оружие, с которым конникам было сложно иметь дело, мамлюки отстали от своих противников более чем на полвека [5. С. 577].

Арабские летописцы и современники событий указывают и другие, более конкретные причины краха Мамлюкского султаната. И Ибн Ийас, и Ибн Зунбуль, в частности, считали, что большую роль сыграли мамлюкские эмиры Хайр-бек и Джанбирди аль-Газали. В обоих они видели предателей, которые в критический для страны момент перешли на сторону Селима I. Их действия историки XVI в. расценивали как одну из главных причин поражения мамлюков в войне с османами. До османского вторжения оба эмира являлись наместниками мамлюкских провинций: Хайрбек был правителем в Халебе (Алеппо), Джанбирди аль-Газали — в Хаме. Оба проявили лояльность турецкому султану во время войны с мамлюками, перейдя в лагерь турок. Хайр-бек происходил из мамлюков султана Каитбея (1468–1496) [11. С. 56] и, в отличие от большинства мамлюков, родился не в Черкесии, а в Грузии [12. С. 507]. Джанбирди аль-Газали также относился к числу гвардейцев Каитбея. При Кансухе аль-Гури он был сперва назначен главным мухтасибом¹ Каира, затем наместником Сафада и Хамы. Главой последней он оставался до вторжения войск Селима в Сирию [13. С. 383].

Предприимчивый Хайр-бек втайне вел переговоры с османскими властями еще до начала военных событий [11. С. 55]. Кансух аль-Гури, как утверждали современники, подозревал, что в Сирии планируется заговор против него, но не мог поверить, что угроза исходила от наместника Халеба [5. С. 576]. Во время столкновения двух войск при Мардж Дабике Хайр-бек, командовавший одним из флангов, в самый разгар сражения предательски покинул мамлюкскую армию и перешел на сторону османов согласно предварительной договоренности с турецким султаном [14. С. 6]. Современники

¹ Мухтасиб (ар.) — служащий ведомства, следившего за должным исполнением моральных норм шариата в обществе.

событий увидели в предательстве Хайр-бека одну из главных причин поражения мамлюков [15. С. 101].

После сражения при Мардж Дабике Хайр-бек поспешил отправиться в Халеб, находившийся в одном дне пути [3. С. 38]. Он хотел, чтобы город сдался султану Селиму I без войны, и хитростью заставил находившийся в нем гарнизон мамлюков отправиться в Египет. По сведениям Ибн Зунбуля, он убедил сына Кансуха аль-Гури Сиди Мухаммада, оставленного в Халебе следить за казной, что его отец погиб в бою, и ему необходимо срочно отправиться в Египет вместе с остатками войска. Многие жители Халеба, услышав известия, испугались за свои жизни и бежали. «Это была ловушка», — уточняет Ибн Зунбуль [15. С. 108]. Хайр-бек, таким образом, освободил город от любых угроз, которые могли бы помешать прибытию в него Селима.

Сиди Мухаммаду не суждено было наследовать трон отца. Покинув Халеб вместе с остатками войска, сын аль-Гури направился в Дамаск, где на него и его попутчиков напали местные племена. «Если бы не эмир Абрак, возглавлявший отряд мамлюков-джулбан, и не Джанбирди аль-Газали, бедуины разграбили бы все войско», — отмечает Ибн Зунбуль [15. С. 108]. Тогда эмиры задумались о необходимости избрать нового султана, так как Сиди Мухаммад в сложившихся обстоятельствах не обладал достаточными умениями и способностями для управления страной, и договорились сделать это по возвращении в Египет. «Сын аль-Гури отправился вместе с ними как рядовой воин, и никто не обращал на него внимания», — добавляет историк [15. С. 109]. Любопытно, что Сиди Мухаммад перейдет на сторону османского султана Селима сразу после его вступления в Каир. Он будет одним из тех, кто откликнется на призыв Селима, разосланный заранее мамлюкским эмирам [15. С. 186].

Халеб имел важное стратегическое значение для поздних мамлюков ввиду его близости к северным границам. В то время он являлся также крупным торговым узлом. Для османов Халеб также представлял особый интерес: возвышение государства Сефевидов у восточных границ империи превращало Алеппо в центр, из которого можно было распространять политическое и военное влияние. Так, город был излюбленным местом зимней стоянки султана Сулеймана во время его восточных кампаний [16. С. 250].

Селим I торжественно вступил в Халеб 28 августа 1516 г. Оставшиеся в городе жители восторженно приветствовали его. Уже на следующий день во время пятничной хутбы османский султан был провозглашен «служителем двух священных городов» (*хадим аль-харамайн*)², приняв титул, который на протяжении веков носили правители Египта. Селим вплотную приблизился к осуществлению своей цели — утвердить себя в качестве духовного

² Титул «служителя двух священных городов» впервые ввел айюбидский султан Салах ад-дин (1174–1193) на фоне конфликта с аббасидским халифом Ан-Насиром (1180–1225). Он противопоставлялся сану халифа и подчеркивал духовный приоритет «султана ислама».

и светского правителя всех мусульман. Он также принял титул «падишах-и ислам», или «султан ислама» [3. С. 39], который раньше с гордостью носили мамлюки. Верховную власть Селима I над мусульманским миром признали не только в Сирии, но и в Хиджазе. Кроме того, аббасидский халиф Аль-Мутаваккиль III (1508–1517)³, находившийся в Халебе, приветствовал османского султана как своего нового покровителя.

Одержав победу при Мардж Дабике, османские войска с легкостью захватили всю Сирию. Селим практически не встречал сопротивления, если не считать единичных атак бедуинов. 9 октября 1516 г. султан торжественно вступил в Дамаск, куда вскоре стали стекаться делегации из разных сирийских регионов, чтобы засвидетельствовать лояльность новому владыке. Оккупация Сирии, Палестины и Ливана была завершена к началу декабря, и турецкий султан начал готовиться к походу на Египет.

Ибн Ийас и Ибн Зунбуль возлагали ответственность за разорение и опустошение Египта на Хайр-бека, своими действиями добившегося вторжения Селима I в страну. Решимость Селима продолжить военную кампанию укреплялась, и побуждал его к этому никто иной, как Хайр-бек, сообщает Ибн Зунбуль [15. С. 118]. «Он лучшим образом объяснил ему [Селиму], как взять Египет, обеспечил ему беспрепятственные условия для завоевания, рассказал, что для этого надо делать. В итоге, Селим овладел страной, и вышло, что вышло», — пишет Ибн Ийас [13. С. 485]. Летописец уверен, что именно Хайр-бек убедил османского правителя учинить казни мамлюкских эмиров, а затем и последнего мамлюкского султана Туманбея, повешенного под воротами Баб Зувейла. «Он был чрезвычайно хитер, изворотлив и лжив», — отмечает Ибн Ийас [13. С. 485].

Что касается наместника Хамы Джанбирди аль-Газали, то он, по-видимому, перешел на сторону противника либо в период египетской кампании Селима, либо непосредственно перед ней. Имеются сведения о том, что еще до битвы при Мардж Дабике он предлагал сжечь сельскохозяйственные посевы на пути османской армии, следовавшей через Сирию и закупавшей припасы у местных провинциальных правителей [13. С. 88], чтобы лишить ее дополнительного продовольствия и тем самым увеличить шанс ее поражения в войне с Сефевидами. Некоторых эмиров, по-видимому, не убедило предложение аль-Газали, поэтому оно было отвергнуто [17. С. 61]. Как бы там ни было, прямого столкновения с османами избежать не удалось, и битва при Мардж Дабике навсегда положила конец мамлюкскому суверенитету над Сирией. Современники же того периода Ибн Ийас и Ибн Зунбуль, приближенные к правящим слоям, изливали свой гнев на Хайр-бека и аль-Газали за то, что они оба вступили в тайный сговор с Селимом.

³ Аль-Мутаваккиль III являлся последним аббасидским халифом. После него титул халифа присвоили османские султаны и сохранили за собой до начала XX в.

Примечателен также описанный Ибн Зунбулем эпизод, в котором аль-Газали однажды заступился за Хайр-бека перед Кансухом аль-Гури. Еще до сражения на Дабикском поле во время пребывания мамлюкского войска в Халебе наместник Дамаска эмир Сибай привел к султану за ворот Хайр-бека и сказал: «О, государь! Если ты хочешь, чтобы Бог помог нам победить врага, то убей этого предателя!» В этот момент вмешался Джанбирди аль-Газали, посоветовав султану не делать этого, чтобы не сеять рознь и вражду среди его войска. «Если бы не козни этого аль-Газали, то наверняка бы Хайр-бек был убит», — заключает историк [15. С. 96].

Аль-Газали был одним из тех, кто покинул поле боя во время сражения при Мардж Дабике и бежал с остатками своего войска в Халеб. Ибн Зунбуль сообщает о том, что в переломный момент битвы, когда турки начали стрелять из пушек, Хайр-бек стал сеять панику среди воинов. Вместе с Джанбирди аль-Газали он отступил к палатке Кансуха аль-Гури, который вместе с мамлюками-ветеранами (*караниса*)⁴ продолжал сражаться, и стал громко возвещать о неминуемом поражении мамлюков: «Бегите! Бегите! Султан Селим окружил вас, убил аль-Гури. Нас ждет поражение!» Они бежали в Халеб, и за ними последовали мамлюки-*джулбан* (молодые гвардейцы) [15. С. 101]. Во время сражения мамлюкское войско было крайне разобщенным. Помимо явных изменнических действий со стороны отдельных эмиров деморализации армии способствовал фаворитизм, проявленный султаном Кансухом аль-Гури к молодым мамлюкам-джулбан, которых он берег на поле боя. Основной удар, таким образом, лег на плечи ветеранов-караниса, и именно они несли основные потери.

После выхода Джанбирди аль-Газали вместе с другими мамлюками из Халеба в Дамаск события, описанные в источниках, представлены очень противоречиво. По словам Ибн Ийаса, на протяжении сорока дней после поражения мамлюков на Дабикском поле новости из Сирии поступали сомнительные, наполненные «различного рода слухами и сплетнями» [13. С. 82]. Тут же летописец сообщает, что аль-Газали, выбранный новым наместником Дамаска, распространяет неверные сведения и затягивает пребывание остатков египетского войска в Сирии. Однако Ибн Ийас добавляет, что это один из слухов, дошедших до Каира. Как бы там ни было, приближение османского войска, а также беспорядки в Дамаске, вспыхнувшие на фоне известий о гибели султана Кансуха аль-Гури, вынудили мамлюков отправиться в Египет, чтобы выбрать нового султана и подготовиться к противостоянию с армией Селима.

⁴ Караниса называли мамлюков-ветеранов, служивших еще прежним султанам. В отличие от них мамлюки-джулбан являлись молодыми гвардейцами из недавно купленных и обученных рабов, которые подчинялись лично султану. В описываемых событиях немалую роль сыграла разобщенность в рядах мамлюкского войска, причиной которой были давние споры за привилегии между караниса и джулбан.

В декабре 1516 г. на территории Палестины произошло еще одно важное сражение между мамлюкскими и османскими силами. Избранный новым султаном Туманбей отправил Джанбирди аль-Газали как одного из самых энергичных и способных эмиров в Газу, чтобы создать здесь форпост на случай возможной повторной оккупации Сирии. Однако войско аль-Газали наткнулось на авангард османского войска, возглавляемый великим визирем Синаном-пашой. Туркам легко удалось разгромить мамлюкские силы в битве при Бейсане в Газе [12. С. 500]. Аль-Газали удалось бежать, однако перед этим, по информации арабских источников, он был схвачен в плен [15. С. 124].

По всей видимости, именно во время этого похода, возможно, будучи в плену, Джанбирди аль-Газали вступил в сговор с османскими властями. Судя по дальнейшим событиям, вернувшись в Каир, эмир стал играть двоякую роль: создавая видимость поддержки султану Туманбею, он тайно вел переписку с Селимом Явузом и перешедшим в его лагерь Хайр-беком. Арабские источники утверждают, что именно аль-Газали перед сражением при Ридании снабжал османов подробной информацией о позициях и организации мамлюкского войска [15. С. 128]. Таким образом, если Хайр-бек способствовал разгрому армии Кансуха аль-Гури в Сирии, то Джанбирди аль-Газали повлиял на исход решающей битвы в Египте.

После завоевания Египта и Сирии обе страны вошли в состав Османской империи, однако они на первых порах в значительной степени сохранили свою внутреннюю автономию. Селим I отдал их в пожизненное управление лояльным ему мамлюкским эмирам Хайр-беку и Джанбирди аль-Газали, о чем обещал еще до окончания военной кампании. Оба они освобождались от выплаты дани на период своего правления [3. С. 52; 15. С. 269] и были практически самостоятельны в вопросах внутренней политики.

Ирония заключалась в том, что султан Селим, который изначально намеревался уничтожить мамлюков, в итоге не только пощадил их, но и дал им возможность укрепить свое влияние и восстановить силы, тем самым проложив путь для их попытки свергнуть османов. Еще до казни Туманбея и установления окончательного господства османов начались массовые репрессии мамлюков. Ибн Ийас, в частности, сообщает о якобы 10 тыс. убитых, хотя эти цифры, вероятно, преувеличены ввиду пристрастного отношения самого Ибн Ийаса к ситуации. Помилование мамлюки получили лишь в сентябре 1517 г., то есть незадолго до отъезда Селима Явуза из страны [14. С. 8]. Когда он решил вернуться в свою столицу, ему пришлось выбирать того, кому предстоит возглавить новые провинции. 31 августа 1517 г., то есть всего за десять дней до своего отъезда из Египта, он назначил эмира Хайр-бека вассальным правителем Египта. Селим прибыл в Дамаск в начале октября 1517 г. и пробыл в нем около пяти месяцев, изучая обстановку и совершая поездки вглубь сирийской столицы. Назначение правителя Сирии произошло также незадолго — всего за пять дней — до его отъезда. Снова выбор Селима

пал на мамлюка, и первым главой Сирии в составе Османской империи стал Джанбирди аль-Газали [18. С. 135].

Селим заранее позаботился об укреплении своей власти на вновь завоеванных землях. Еще до вступления на территорию Египта он начал собирать информацию, необходимую для организации административного аппарата в стране. Приняв решение начать наступление на Египет, он приказал некоторым сопровождавшим его в походе ученым перевести на османский язык арабские исторические сочинения, проливающие свет на положение вещей в стране. В частности, историк и кадиаскер⁵ Анатолии Кемаль паша-заде (ум. в 1534) перевел на турецкий язык труд Абу аль-Махасина ибн Тагри Бирди (ум. в 1470) «Ан-Нуджум аз-захира фи-ль-мулук Миср ва-ль-Кахира» («Блестящие звезды владык Египта и Каира») [19. С. 85].

Таким образом, Селим желал тщательно изучить Египет еще до того, как вступить на его землю. Однако имевшаяся у него информация была недостаточной, чтобы полностью охватить административную и финансовую стороны жизни в стране. Во многом заполнению данного пробела способствовали лояльные Селиму мамлюкские эмиры, однако секреты административных и финансовых дел хранились у различных мамлюкских чиновников («людей пера») — писцов, секретарей и т.п. Многие из них были сосланы или взяты под стражу за враждебное отношение к новым властям. Ибн Зунбуль отмечает, что османы смогли получить некоторую информацию от чиновника по имени Абу Бакр ибн аль-Джи‘ан при посредстве Хайр-бека. Он составил краткий список расходов и поступлений египетской казны, включая сведения о харадже и налогах, и вручил его султану Селиму [15. С. 259]. На основании всех этих сведений Селим стал отправлять различных чиновников, занимавших при мамлюках государственные посты, в регионы Египта в сопровождении ряда османских администраторов, чтобы собрать больше информации как об общей площади земель, так и об особенностях управления на местах [13. С. 161–162]. Тем не менее, османским властям так и не удалось получить полный доступ ко всем египетским документам. Четкую административную политику турки смогли установить не ранее 1524 г., когда великий везир Ибрагим-паша смог упорядочить управленческий аппарат в стране и составить закон «Канун-наме Миср», который охватил все стороны финансовой и административной жизни провинции (эялета) [19. С. 87].

Как уже было отмечено, на завоеванных территориях османские власти старались не вносить значительных изменений в сложившиеся в них административные и финансовые структуры. Основные изменения, произведенные Селимом, коснулись общественной жизни [3. С. 46–49]. В связи с отсутствием полного доступа к информации, а также с учетом своего непродолжительного

⁵ Кадиаскер (осм.) — верховный судья в Османской империи, принимавший решения по военным и религиозным вопросам.

пребывания в стране Селим I решил сохранить положение административных дел в Египте в том виде, в котором оно сложилась при мамлюках, постепенно внося поправки и связав местные структуры с центральными в Стамбуле.

Одной из традиций османов было брать с собой в военные походы султанский диван (*диван-ы хумайюн*) в полном составе. Султан мог собрать совет где угодно, чтобы на месте решать наиболее важные государственные вопросы, обсуждать ход военных операций и издавать необходимые указы по самым разным поводам. Сопровождавшие Селима в египетском походе османские чиновники тщательно регистрировали все изданные указы и фирманы. С момента вступления на территорию Египта и до ухода из страны султан собирал совет, чтобы решать наиболее важные государственные вопросы, включая организацию военных и административных дел в новой провинции. Все указы издавались только после их обсуждения на заседании дивана. Во время таких заседаний турки принимали лояльных османам мамлюкских эмиров и местных племенных шейхов. Их ставили на должности, взамен получая обещание не обижать подданных, не злоупотреблять своими правами в отношении земельных владений и вакфов⁶ и не предпринимать никаких инициатив [19. С. 88].

Перед отъездом из Египта в конце августа 1517 г. Селим решил сначала оставить наместником великого везира Юниса-пашу⁷, который сопровождал султана в военном походе, где показал свои лучшие качества. Последний, однако, проявил полную несостоятельность в управлении страной. Тогда Селим решил назначить на эту должность одного из мамлюкских эмиров, знакомых с внутренней ситуацией, обычаями и населением. Его выбор пал на Хайр-бека, продемонстрировавшего верность османам с самого начала войны. Селим, по всей видимости, рассчитывал, что Хайр-бек, который к тому же имел опыт в делах управления, станет неким посредником между османскими властями и местными группами населения. Всего за несколько дней до своего отъезда Селим назначил правителем Хайр-бека, пожаловав ему титул «короля эмиров» (*малик аль-умара*) [15. С. 264] и пообещав пожизненно сохранить за ним этот пост.

Король эмиров Египта Хайрбек (1517–1522)

Переход Египта от мамлюкского к османскому правлению был облегчен тем, что первым его правителем стал мамлюкский эмир Хайр-бек. Назначение члена бывшей правящей элиты соответствовало османским принципам управления завоеванными территориями. Присвоенный ему титул «короля эмиров» (*малик аль-умара*) выделял его среди других османских

⁶ Вакф (ар.) — имущество, переданное в дар на религиозные или благотворительные цели.

⁷ Предшественник Юниса-паши великий везир Синан-паша погиб в сражении при Риданийи.

правителей на местах, так как стоял выше османского титула «бейлербей» (ар. *амир аль-умара*), который носили губернаторы провинций [3. С. 54]. Однако он был ниже титула «султан», который означал бы независимость от Высокой Порты. Хайр-бек также не являлся пашой, поскольку не происходил, в отличие от своих преемников, из правящего истеблишмента Османской империи [14. С. 12]. Тем не менее, титул «король эмиров» указывал на особый статус Египта по сравнению с другими провинциями, выделяя его правителя как союзника и вассала османских султанов.

Находясь у власти, Хайр-бек действовал соответственно своему высокому титулу. Он сохранил многие обычаи и церемонии мамлюкского султаната. Как и прежние султаны, он имел свой двор, содержал собственную армию и сохранял практически полную самостоятельность во внутренних делах. Ибн Зунбуль сообщает, что Селим I даровал Хайр-беку пожизненное право управлять Египтом, и поэтому Хайр-бек вскоре начал строить для себя мавзолей с мечетью и медресе в предместье египетской столицы [15. С. 264]. Данный комплекс и сейчас располагается на улице Баб аль-Вазир в Исламском Каире, представляя один из последних образцов мамлюкско-черкесского архитектурного стиля. Тем не менее, Ибн Ийас в своей летописи рассказывает о том, что Хайр-бек каждый год получал из Стамбула фирман и мантию, подтверждающие сохранение за ним титула короля Египта. Таким образом, формально данное назначение не являлось пожизненным, что соответствовало действовавшим в Османской империи законам [19. С. 90]. Сам Хайр-бек делал все возможное, чтобы укреплять свои позиции: он преподносил дорогостоящие дары османским посланникам, просил улемов предоставлять в Стамбул положительные характеристики его деятельности на посту губернатора [14. С. 12]. Он оставался верным османским султанам до самой смерти в октябре 1522 г.

Ибн Ийас считал, что Хайр-бек, который происходил из Грузии и никогда не был рабом, ненавидел черкесских мамлюков. Тем не менее, многие мамлюки были обязаны ему жизнью, так как именно Хайр-бек ходатайствовал перед султаном Селимом об их помиловании. Это был проницательный, корыстный и амбициозный человек. И мамлюки, и османские солдаты жаловались на жестокое обращение с его стороны. Если верить Ибн Ийасу, Хайр-бек регулярно задерживал выплату жалования солдатам и чиновникам, сам продолжая неизменно обогащаться [13. С. 485]. Лишь на смертном одре он проявил щедрость, пожертвовав деньги религиозным учреждениям. Ибн Ийас описывает Хайр-бека как вспыльчивого и жестокого правителя, который был способен приговорить человека к смерти из-за пустяка или личного каприза. Еврейскому мастеру монетного двора он дал власть над мусульманскими (то есть общественными) финансами, а христианского чиновника поставил ответственным за деятельность центральных правительственных учрежде-

ний. С другой стороны, Хайр-бек низверг бюрократическую семью Бану аль-Джи'ан, которая более века руководила фискальным аппаратом [12. С. 507].

В целом, Хайр-бек поддерживал в Египте существовавшую ранее административную и религиозную организацию, сохраняя местные устои государственной жизни. Перед отъездом из страны Селим I оставил Хайр-беку пять тысяч янычар [15. С. 264], которые, как и мамлюки, должны были получать ежемесячное жалование. В отличие от османских войск, расквартированных в важнейших городах страны и регулярно заменявшихся, мамлюки пребывали в Египте на постоянной основе и занимали управленческие должности на местах. Традиционно сложившаяся система мамлюкских домов функционировала в прежнем виде. С 1519 г. мамлюки снова стали получать жалование, фураж и мясной паек [3. С. 54]. Однако они так и не вернули себе земли и имущество. Проведя коренное перераспределение земель, османы ликвидировали мамлюкские землевладения. Летописец Ибн Ийас обвиняет назначенных османами сборщиков налогов в том, что они отняли у мамлюков, а также их детей (*авлад ан-нас*) их законные доходы [13. С. 162].

Определенным изменениям подвергся внешний вид мамлюков. Если сначала им запрещалось носить турецкую форму, то в 1521 г. им было велено под страхом смерти не надевать свой традиционный костюм и сменить его на османский кафтан, шапку и сапоги. Самым четким различием между двумя группами была борода: османы, в отличие от мамлюков, были чисто выбриты. Однажды, когда Хайр-бек проводил смотр войск, он отрезал половину бороды каждому мамлюку, вручил ему и сказал: «Вы должны соблюдать османские законы, сбрить бороды, носить узкие рукава и делать все, как османы» [14. С. 8].

Дорожа своим положением в Египте, Хайр-бек проявил благоразумие и проигнорировал призыв о помощи со стороны губернатора Сирии Джанбирди аль-Газали, который вознамерился поднять мятеж против османов. Более того, он приговорил к смертной казни мамлюков, пытавшихся присоединиться к повстанцам, а также нескольких каирских простолюдинов, которые просто сплетничали о возможности присоединения Хайр-бека к восстанию [12. С. 508]. Османский вассал пытался также усмирить непокорных бедуинов в египетской провинции Аш-Шаркийя, чинивших беспорядки и грабивших следовавшие в Сирию караваны [14. С. 79].

Восстание Джанбирди аль-Газали в Сирии показало, что возрождение мамлюкской аристократии уже само по себе вызвало достаточно хлопот, даже если и не имело серьезных последствий. Не было никаких гарантий, что как в Сирии, так и в Египте мамлюки сохранят лояльность османским султанам. Ошибку Селима I пришлось исправлять его сыну Сулейману Кануни, который, придя к власти в 1520 г., решил покончить с практикой назначения мамлюков губернаторами провинций. Эта тенденция проявилась еще при жизни Хайр-бека. Хоть Сулейман и подтвердил его титул «ко-

роля эмиров», он не прислал вместе с декретом мантию правителя (*хил'ат аль-истимрар*), которую тот традиционно получал из года в год. Хайр-бека весьма тревожило данное обстоятельство, которое, к тому же, не удалось сохранить в тайне. Среди египтян стали распространяться слухи о его возможной отставке.

Тем не менее, Хайр-бек оставался на своем посту до самой смерти, которая и решила проблему Сулеймана. На этот раз султан назначил наместником в Египте великого везира и своего зятя Мустафу-пашу, который в корне реорганизовал управление Египтом. То, что Хайр-бек назначил себе преемника на смертном одре [18. С. 142–143], было полностью проигнорировано Сулейманом. Сайф ад-Дин Хайр-бек умер 5 октября 1522 г., возможно, от чумы. Он был похоронен в подготовленном для него мавзолее в районе Баб аль-Вазир. Источники османского периода отмечают, что после смерти люди продолжали сторониться его могилы. По словам Ибн Зунбуля, проходившие мимо горожане слышали доносившиеся из мавзолея крики [15. С. 283]. Османский же историк Эвлия Челеби (1611–1682) писал, что всякий раз, когда черкесы проходили мимо мечети и мавзолея Хайр-бека, они отводили взгляд, вспоминая, что он способствовал поражению мамлюков в войне с османами. Напротив, отмечал ученый, гробница Туманбея, борца против турецкой оккупации, очень почиталась среди египтян [14. С. 52].

После смерти Хайр-бека вассальное мамлюкское государство в Египте было упразднено. Несмотря на это, мамлюки продолжали играть значительную роль в делах страны вплоть до конца XVIII — начала XIX в.

Правление Джанбирди аль-Газали в Сирии и восстание против османов

В отличие от Хайр-бека, который остался править в Каире от лица Османов, Джанбирди аль-Газали, доказавший свою преданность туркам во время египетской кампании, сопровождал Селима I на его обратном пути в Сирию. Когда 25 сентября 1517 г. они дошли до Газы, султан передал в управление аль-Газали провинции Сафад, Иерусалим, Газа, Аль-Карак и Наблус. Однако вспыхнувшие к моменту прибытия Селима в Дамаск волнения, вызванные введением новой османской валюты и ужесточением мер безопасности, а также последовавшие за ними беспорядки на улицах города убедили султана в необходимости поставить над Сирией нового правителя, который мог бы навести порядок в стране [17. С. 72]. Его выбор пал на Джанбирди аль-Газали. 16 февраля 1518 г., незадолго до отъезда Селима из Дамаска, эмир аль-Газали был назначен вассальным правителем Сирии [3. С. 52]. Селим обещал сохранить за ним этот пост до самой смерти и освободил его от отправки дани в Стамбул [15. С. 269]. Он также позволил аль-Газали помимо османских войск иметь собственную армию, состоявшую из мамлюков и бедуинов.

При жизни Селима Джанбирди аль-Газали, в целом, исправно служил османским властям. Он смог оправдать возложенные на него надежды султана, беспощадно подавляя восстания и мятежи в доверенной ему провинции. Так, в апреле 1518 г. ему удалось подавить восстание бедуинского шейха Насир ад-Дина ибн аль-Ханаша, контролировавшего долину Бекаа, и разгромить его войско близ Баальбека. Голова Ибн аль-Ханаша, а также его союзника Ибн аль-Харфуша были отправлены султану Селиму [20. С. 256], которому до этих пор не удавалось подавить данный мятеж [17. С. 72]. По словам Ибн Ийаса, ни османские султаны, ни ранее мамлюки не могли одолеть грозного Ибн аль-Ханаша, и «если бы ни уловки и хитрость аль-Газали», Селиму так и не удалось бы покончить с мятежным шейхом [13. С. 252–253].

Аль-Газали так же беспощадно расправился и с другими провинциальными правителями, не желавшими подчиняться османским властям. В частности, он подавил восстание Караджи ибн Тарабая аль-Хариси в Наблусе и предпринял несколько походов против бедуинских племен в Хауране и Аджлуне. Последние регулярно нападали на сирийский караван паломников, следующий через Газу. Аль-Газали учинил расправу над бедуинами, забрав их имущество и вернув то, что было украдено ими у паломников. Таким образом, османские владения под управлением аль-Газали стали простираться от Ма'аррат ан-Ну'ман на северо-западе Сирии до Аль-'Ариша в Египте [20. С. 257–259].

Особое восхищение Селима I вызвала победа, одержанная аль-Газали над франкскими пиратами, высадившимися на побережье Бейрута в 1620 г. Напавшему на них сирийскому правителю достались внушительные трофеи, включавшие оружие, предметы торговли, 300 пленных мужчин и три больших корабля [13. С. 359–360]. Вполне вероятно, что это были рыцари-госпитальеры, которые в то время обосновались на острове Родос в Средиземном море. Позже, в 1522 г., они будут изгнаны на Мальту в результате направленной против них военной кампании османского султана Сулеймана Кануни.

Благодаря победе над франками, а также защите каравана хаджа от разбойных набегов бедуинов аль-Газали снискал еще большее расположение султана Селима. Османский султан осыпал своего вассала царскими дарами, что значительно укрепило его авторитет и влияние во всех частях Сирии. По словам Ибн Ийаса, в самом начале своего правления аль-Газали был окружен почетом и уважением, а его слово имело большой вес. Ему удалось навести порядок и установить безопасность во всех регионах, так что «волк и ягненок могли ходить вместе». Однако летописец добавляет при этом, что Джанбирди аль-Газали отличался крайним легкомыслием и неспособностью предвидеть последствия принятых им решений, что в конечном счете его и сгубило [13. С. 382]. Речь идет о безуспешном восстании, предпринятом им после смерти Селима I в 1520 г.

Целью восстания Джанбирди аль-Газали было не просто освободить Сирию от османского ига, а восстановить суверенитет мамлюков, прежние институты и образ жизни на всех завоеванных Селимом I мамлюкских территориях. Подтверждением этому, помимо комментариев современников [15. С. 270], служит ряд факторов. Прежде всего, восстание было обдумано задолго до его реализации. Аль-Газали к нему тщательно готовился и при первой же возможности, которой оказалась смерть султана, выступил против османов. Он искал единомышленников и союзников в лице других представителей бывшего правящего класса, помощь которых значительно увеличила бы его шансы на победу. Кроме того, в период своего мирного правления он отменил ряд установленных османами нововведений и правил [18. С. 136–137]. При аль-Газали в Дамаске были возобновлены некоторые мамлюкские обычаи, включая барабанный бой в цитадели и у городских ворот. Он вернул также практику использования свидетелей в суде. Вероятно, все данные инициативы привели к конфликту с ханафитским кадием Дамаска Вали ад-Дином ибн аль-Фарфуром, известным своей лояльностью к османским властям. Дошло до того, что аль-Газали вынудил аль-Фарфура бежать в Халеб [17. С. 73].

По словам Ибн Зунбуля, Джанбирди аль-Газали недооценил возможности нового султана Сулеймана, решив, что он слишком молод и неопытен для противодействия восстанию. Прежними же военными успехами османы обязаны покойному султану Селиму I. «Думаю, он и года не продержится у власти», — заявил аль-Газали в разговоре со своими подчиненными, не подозревая, что Сулейману Кануни суждено будет править более сорока лет [15. С. 270].

Аль-Газали отправил письмо правителю Египта Хайр-беку, предлагая тому присоединиться к восстанию. Оставаясь верным османским властям, тот отказался принимать участие в данной авантюре. Однако источники по-разному описывают реакцию Хайр-бека на это письмо. По сведениям Ибн Зунбуля, аль-Газали пригрозил в случае отказа Хайр-бека отправить против него войско. Правитель Египта, не веря в успех предстоящей операции и используя свои обычные приемы и ухищрения, пообещал аль-Газали присоединиться к нему в случае взятия Халеба [15. С. 271]. Ибн Ийас же сообщает, что, получив и прочитав послание от Джанбирди аль-Газали, Хайр-бек тотчас сообщил о готовившемся восстании султану Сулейману, отправив в Стамбул само письмо и доставившего его из Дамаска гонца. Одновременно он принял к укреплению оборону Каира [13. С. 367–368].

Когда Джанбирди аль-Газали решился на мятеж, к нему присоединились мамлюкские военачальники, войско и племена бедуинов. Они отказались присягнуть новому султану Сулейману Кануни и объявили об отделении Сирии от Османской империи [3. С. 53]. Аль-Газали приступил к осаде дамаской цитадели, которая находилась под контролем янычар,

занял ее и учинил жестокую резню против османских солдат. 31 октября 1520 г. он провозгласил себя султаном Сирии под именем Аль-Малик аль-Ашраф Абу-ль-Футухат («Отец завоеваний» или «Завоеватель»), возрождая тем самым титул прежних мамлюкских владык. Эмиры падали ниц перед аль-Газали, его имя стало упоминаться в пятничной проповеди в мечети Омейядов и с других минбаров Дамаска. В его честь сирийская столица была украшена в течение трех дней, в торговых лавках зажигали праздничные свечи [13. С. 370]. Турки были изгнаны из Дамаска, Триполи, Бейрута, Хамы и других городов.

В отличие от Хайр-бека многие мамлюкские эмиры Египта с энтузиазмом восприняли известие о сирийском восстании, посчитав его шансом на спасение былой империи. Некоторые из них, в том числе приближенные и соратники Хайр-бека, тайно бежали из Каира и примкнули к мятежникам. Что же касается дислоцированных в Египте османских частей, то они, несмотря на подстрекательства Хайр-бека, не проявили стремления противостать аль-Газали в Сирии, заявив, что будут сражаться с ним только в случае нападения на Египет [18. С. 139]. Последнего, однако, так и не произошло. В самой Сирии восстание аль-Газали помимо мамлюкской и племенной знати поддержал друзы. Представители же крестьянства и городского населения проявили равнодушие. Помощь аль-Газали оказали рыцари-госпитальеры, приславшие с Родоса пушки [21. С. 62]. Существуют сведения о том, что сефевидский шах Исмаил, лелея мечту уничтожить власть Османов в Сирии, выразил готовность поддержать мятеж военной силой, однако на деле этого так и не произошло [22. С. 246]. Возможно, иранский правитель занял выжидательную позицию, опасаясь повторения событий на Чалдыранской равнине.

В Сирии из крупных не покоренных аль-Газали крепостей оставался только Халеб, и новоявленный султан подготовил для его осады большой поход, в котором также приняли участие друзы, бедуины Джебель-Наблуса и некоторые другие племена. В общей сложности собралось 23-тысячное войско [3. С. 53]. Наступление на Халеб, возглавляемое самим аль-Газали, началось в начале декабря 1520 г. Османский наместник Алеппо Караджа-паша начал готовить оборону крепости и отправил султану Сулейману послание с просьбой прислать подкрепление из Анатолии. Осада Халеба, длившаяся до конца декабря, не увенчалась успехом, несмотря на то, что силы аль-Газали заблокировали снабжающий город водный канал. В условиях массированного обстрела из пушек город держался вплоть до прибытия османского подкрепления [20. С. 262–264]. Аль-Газали снял осаду и вернулся с войском в Дамаск. Решающее сражение произошло при Мастабе, недалеко от Дамаска, 27 января 1521 г. [3. С. 53] и закончилось полным разгромом сил аль-Газали. По сведениям Ибн Ийаса, в нем погибло не менее 10 тыс. человек, включая простых жителей Дамаска [13. С. 382]. Сам аль-Газали пытался скрыться, пе-

редевшись дервишем, но в итоге был схвачен и казнен [15. С. 281]. В общей сложности он правил Сирией три года и семь месяцев.

После вступления турок в Дамаск автономия Сирии была ликвидирована. Османы разделили страну на три административных единицы (эйалета) с центрами в Дамаске, Триполи и Халебе. Теперь каждым из них управляли османские наместники-паши. Все трое подчинялись непосредственно султану. Мамлюки были рассеяны, постепенно растворившись в местном господствующем классе. По крайней мере, в течение XVI в. их имена еще появлялись в сирийских списках держателей тимаров [3. С. 53].

Заключение

После неудавшегося восстания Джанбирди аль-Газали в Сирии в 1520–1521 гг. и смерти короля эмиров Египта Хайр-бека в 1522 г. с практикой вассальной зависимости обеих стран от Османской империи было покончено. Правление двух эмиров стало промежуточным этапом перехода от одного режима к другому, несущему коренные перемены. Простые мусульмане при этом не считали себя завоеванным народом, вынужденным подчиняться воинственным чужеземцам. Так было по крайней мере вплоть до второй половины XIX в. Для них установление турецкого контроля стало ничем иным как продолжением единого мирового мусульманского государства, а османы рассматривались не как отдельный отличный от арабов этнос, а как стоявшая во главе уммы новая исламская династия, олицетворявшая собой средоточие истинного ислама и путь к спасению мусульманского мира от краха [23. С. 206–207]. Данная тенденция проявилась, в частности, в нежелании горожан и сельских жителей Сирии поддержать восстание аль-Газали. Организованный им мятеж стал попыткой вернуть былое господство и был выгоден лишь для лишенных прежних привилегий представителей мамлюкской аристократии и племенной знати.

Курс, проводимый вассальными правителями Египта и Сирии, был потенциально опасен для османов. И Хайр-бек, и аль-Газали имели намерение править независимо и единолично, несмотря на то, что оба сохранили верность Селиму I вплоть до его смерти. Если бы данная тенденция продолжилась, она бы неминуемо привела к серьезной угрозе османскому господству в мусульманском мире. Сокрушительная победа османов не положила конец политическим амбициям мамлюкской элиты. Стремление восстановить прежнюю власть вылилось в три восстания мамлюков, первым из которых стал мятеж аль-Газали в Сирии. Два других, организованные областными администраторами Джанимом ас-Сайфи и Иналом, произошли в Египте в 1523 и 1524 гг., то есть уже после ликвидации автономии. Хайр-бек был сильным правителем, которому удалось в какой-то степени приспособить мамлюкские традиции

и интересы к требованиям Стамбула. После его смерти 5 октября 1522 г. новым губернатором стал Мустафа-паша, зять султана Сулеймана. При нем проводилась целенаправленная политика постепенной «османизации» властных институтов Египта.

После османского завоевания судьбы двух государств — Египта и Сирии — разошлись. Результатом правления Хайр-бека и Джанбирди аль-Газали стало еще большее ослабление мамлюков в исламском мире. Если в Египте благодаря проосманской политике Хайр-бека они смогли устоять и упрочить свои позиции, а позднее даже вернуть господствующее положение, то в Сирии самому существованию мамлюков пришел конец [24. С. 172]. Несмотря на то, что вплоть до конца XVI в. в Египте сохранялась политическая стабильность и спокойствие, сепаратистские стремления египетских мамлюков время от времени проявлялись на протяжении трех веков османского господства вплоть до их полного уничтожения по приказу Мухаммада Али-паши (1805–1848) в начале XIX в.

Библиографический список

1. *Ацамба Ф.М.* Система административного управления египетской провинции Османской империи (XVI–XVIII вв.) // Восток в Новое время. Экономика, государственный строй. М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1991.
2. *Куделин А.А.* Организация власти в османском Египте: механизм взаимодействия внутри треугольника «мамлюки — оджаки — османская администрация» (XVI — середина XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2009. № 2. С. 21–37
3. *Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран (1516–1574). М.: «Восточная литература» РАН, 2001.
4. Аз-Зирикли Хайр ад-Дин. Аль-'А'лам. Камус тараджим ли-'ашхар ар-риджал ва-н-ниса' мин аль-'араб ва-ль-муста'рибин ва-ль-мусташрикин. Т. 6. Бейрут: Дар аль-'илм ли-ль-малайин, 2012.
5. *Рыженкова Т.А.* Осmano-мамлюкская война 1516–1517 гг. в описании египетского историка Ибн Зунбуля // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2021. № 4. С. 569–587
6. *Conermann S.* Ibn Tulun (d. 955/1548): Life and works // Mamluk Studies Review. VIII (1). Chicago: The University of Chicago, Middle East Documentation Center (VTDOC), 2004.
7. *Brinner W.M.* Ibn Tulun // The Encyclopaedia of Islam. Vol. VIII. Leiden: Brill, 1986.
8. *Новичев А.Д.* История Турции. Том 1. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963.
9. *Шишков В.В.* Османская империя: от завоевания и интеграции периферий к попыткам модернизации // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С 111–115
10. *Аш-Шалак Ахмад Закарийа.* Аль-'Араб ва-д-давла аль-'усманиййа мин аль-худу' ила-ль-муваджаха. Каир: Миср аль-'арабиййа ли-н-нашр ва-т-тавзи', 2002.
11. *Илюшина М.Ю.* Последний мамлюкский султан в войне с османами (1516–1517) // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. СПб: 2016. № 1. С.49–58
12. *Winter M.* The Ottoman occupation. The Cambridge History of Egypt / Ed. by Carl F. Petry. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

13. *Ибн 'Ийас, Мухаммад ибн 'Ахмад аль-Ханафи*. Бада'и' аз-зухур фи вака'и' ад-духур. Т. 5. Каир: Аль-Хай'а аль-мисриййа аль-'амма ли-ль-китаб, 1984.
14. *Winter M.* Egyptian Society under Ottoman Rule: 1517–1798. London and New-York: Taylor & Francis, 2005.
15. *Ибн Зунбуль аш-Шайх Ахмад ар-Раммаль*. 'Ахират аль-мамалик ва-ваки'ат ас-султан Салим аль-'усмани ма'а Кансух аль-Гури. Каир: Аль-Хай'а аль-мисриййа аль-'амма ли-ль-китаб, 1998.
16. *Fitzgerald T.J.* Rituals of Possession, Methods of Control, and the Monopoly of Violence: The Ottoman Conquest of Aleppo in Comparative Perspective // *The Mamluk-Ottoman transition: continuity and change in Egypt and Bilād al-Shām in the sixteenth century* / Ed. by Stephan Conermann and Gül Şen. Göttingen: V&R Unipress, Bonn University Press im Verlag V&R Unipress GmbH, 2017.
17. *Абу Нахл 'Усама Мухаммад*. Джан Бирди аль-Газали аль-мамлюки ва-д-давла аль-'усманиййа — ру'йа та'рихиййа джадида // *Маджалла Джами'ат ан-Наджх ли-л-абхас (аль-'улум аль-инсаниййа)*. 2003. Vol. 18. (1). С. 55–86
18. Ayalon D. The End of the Mamlūk Sultanate: (Why did the Ottomans Spare the Mamlūks of Egypt and Wipe out the Mamlūks of Syria?) // *Studia Islamica*, 1987. № 65. P. 125–148.
19. *Сайид Мухаммад Сайид*. Миср фи-ль-'асри аль-'усмани фи-ль-карни ас-садис 'ашара. Дираса васа'икиййа фи-н-нузум аль-'идариййа ва-ль-када'иййа ва-ль-малииййа ва-ль-'аскарыййа. Каир: Мадбули, 1997.
20. *Ибн Тулун ас-Салихи ад-Димашки*. И'лам аль-вара би-ман вуллийа на'ибан мин аль-'атрак би-Димашк аш-Шам аль-кубра. Каир: Матба'ат Джами'ат 'Айн Шамс, 1983.
21. *Бартольд В.В.* Халиф и султан // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. VI. М.: Наука, 1966.
22. *Мутавалли 'Ахмад Фу'ад*. Аль-Фатх аль-'усмани ли-ш-Шам ва-Миср ва-мукаддамаху мин ваки' аль-васа'ик ва-ль-масадир ат-туркиййа ва-ль-'арабиййа аль-му'асира лаху. Каир: Аз-Захра' ли-ль-'и'лам аль-'араби, 1995.
23. *Иванов Н.А.* Об османском социально-теократическом идеале // *Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира*. М.: «Восточная литература» РАН, 2008.
24. *Зеленев Е.И.* Египет. Средние века. Новое время. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

References

1. Atsamba FM. *Sistema administrativnogo upravleniya egipetskoj provintsii Osmanskoy imperii (XVI-XVIII vv.)*. [The administrative system of the Egyptian province of the Ottoman Empire (XVI-XVIII centuries)]. In: *Vostok v novoe vremya*. Ekonomika, gosudarstvenniy story. Moscow: Nauka, glavnaya redaktsiya vostochnoy literature; 1991, p. 109–129. (In Russ.).
2. Kudelin AA. Organizatsiya vlasti v osmanskoy Egipte: mehanizm vzaimodeystviya vnutri treugol'nika “mamluki — odjaki — osmanskaya administratsiya” (XVI — seredina XVIII v.) [Organization of power in Ottoman Egypt: the mechanism of interaction within the triangle “Mamluks — Ojaks — Ottoman administration” (XVI — mid-XVIII centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 13. Vostokovedeniye. 2009(2):21–37. (In Russ.).
3. Ivanov NA. *Osmanskoye zavoevanie arabskikh stran (1516–1574)*. [Ottoman conquest of the Arab countries (1516–1574)]. Moscow: Oriental Literature Publishing house, Russian Academy of Sciences; 2001. (In Russ.).
4. Al-Zirikli Khair al-Din. *Al-'A'lam. Qamus tarajim li'ashhar al-rijal wa-al-nisa' min al-'Arab wa-al-musta'ribin wa-al-mustashriqin*. [Outstanding people: a biographical dictionary of famous Arabs and Arab women, arabists and orientalists]. Vol. 6. Beirut: Dar al-'Ilm li-al-malayin; 2002. (In Arab.).

5. Ryzhenkova TA. Osmano-mamlukskaya voyna 1516–1517 gg. v opisaniï egipetskogo istorika Ibn Zunbulya. [Ottoman-Mamluk War 1516–1517 in the description of the Egyptian historian Ibn Zunbul]. *Vestnik SPbGU. Seriya 13. Vostokovedeniye. Afrikanistika*. 2021(4): 569–587. (In Russ.).
6. Conermann S. Ibn Tulun (d. 955/1548): Life and works. *Mamluk Studies Review*. 2004;VIII(1):115–140. Chicago: The University of Chicago, Middle East Documentation Center (VTDOC).
7. Brinner WM. Ibn Tulun. In: *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. VIII. Leiden: Brill; 1986, p. 957–958.
8. Novichev AD. *Istoriya Turtsii*. [The history of Turkey]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad universitet publ.; 1963. (In Russ.).
9. Shishkov VV. *Osmanskaya imperiya: ot zavoevaniya I integratsii periferiy k popitkam modernizatsii*. [Ottoman Empire: from the conquest and integration of the peripheries to attempts at modernization]. *Socium i vlast'*. 2012;6(38): 111–115. (In Russ.).
10. Al Shalaq 'Ahmad Zakariya. *Al-'arab wa-l-dawla al-'uthmaniyya min al-hudu' ila-l-muwajaha*. [Arabs and the Ottoman state: from submission to opposition]. Cairo: Misr al-'arabiyya li-l-nashr wa-l-tawzi'; 2002. (In Arab.).
11. Ilyushina MJu. *Posledniy mamlukskiy sultan v voyne s osmanami (1516–1517)*. [The last Mamluk sultan in the war against the Ottomans (1516–1517)]. *Vestnik SPbGU. Seriya 13. Vostokovedeniye. Afrikanistika*. 2016(1):49–58. (In Russ.).
12. Winter M. The Ottoman occupation. In: Petry CF, editor. *The Cambridge History of Egypt*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press; 2008, p. 490–516.
13. Ibn 'Iyas Muhammad ibn 'Ahmad al-Hanafi. *Bada'î' al-zuhur fi waqa'î' al-duhur*. [Curiosities of Flowers in the Events of the Centuries]. Vol. 4. Cairo: Al-Hay'a al-misriyya al-'amma li-l-kitab; 1984. (In Arab.).
14. Winter M. *Egyptian Society under Ottoman Rule: 1517–1798*. London and New-York: Taylor & Francis; 2005.
15. Ibn Zunbul al-Sheykh 'Ahmad al-Rammal. *'Akhîrat al-mamalik wa-waqi'at al-sultan Salim al-'uthmani ma'a Qansuh al-Ghuri*. [The end of the Mamluk era and the battle of the Ottoman Sultan Selim with Qansuh al-Ghuri] Cairo: Al-Hay'a al-misriyya al-'amma li-l-kitab; 1998. (Un Arab.).
16. Fitzgerald TJ. Rituals of Possession, Methods of Control, and the Monopoly of Violence: The Ottoman Conquest of Aleppo in Comparative Perspective. In: Stephan Conermann and Gül Şen, editor. *The Mamluk-Ottoman transition: continuity and change in Egypt and Bilād al-Shām in the sixteenth century*. Göttingen: V&R Unipress, Bonn University Press im Verlag V&R Unipress GmbH; 2017, p. 249–274.
17. 'Abu Nahl 'Uthama Muhammad. *Jan Birdi al-Ghazali al-mamluki wa al-dawla al-'uthmaniyya — ru'ya ta'rikhiyya jadida*. [Mamluk Jan Birdi al-Ghazali and the Ottoman state — a new historical perspective]. In: Majallat Jami'at al-najah li-l-'abhath (al-'ulum al-'insaniyya). Vol. 18. (1). Nablus: Jami'at al-najah al-wataniyya; 2003, p. 55–86. (In Arab.).
18. Ayalon D. The End of the Mamluk Sultanate: Why did the Ottomans Spare the Mamlūks of Egypt and Wipe out the Mamluks of Syria? *Studia Islamica*. 1987(65):125–148.
19. Sayyid Muhammad Sayyid. *Misr fi-l-'asr al-'uthmani fi-l-qarn al-sadis 'ashara. Dirasa watha'iqiyya fi-l-nuzhum al-'idariyya wa-l-qadha'iyya wa-l-maliyya wa-l-'askariyya*. [Egypt in the Ottoman era in the sixteenth century. Documentary study in the administrative, judicial, financial and military systems]. Cairo: Madbuli; 1997. (In Arab.).
20. 'Ibn Tulun al-Salihi al-Dimashqi. *'I'lam al-wara bi-man wulliyya na'iban min al-'atrak bi-Dimashq al-Sham al-kubra*. [Informing people about the Damascus Governors of the Turks]. Cairo: Matba'at Jami'at 'Ain Shams; 1983. (In Arab.).
21. Barthold VV. *Khalif i sultan*. [Caliph and Sultan]. In: Bartold VV. *Sochineniya*. Vol. VI. Moscow: Nauka; 1966, p. 15–78. (In Russ.).

22. Mutawalli 'Ahmad Fu'ad. *Al-Fath al-'uthmani li-l-Sham wa-Misr wa-muqaddamatuhu min waqi' al-watha'iq wa-l-masadir al-turkiyya wa-l-'arabiyya al-mu'athira lahu*. [The Ottoman conquest of Syria and Egypt and its introduction from the reality of contemporary Turkish and Arab documents and sources]. Cairo: Al-Zahra' li-l-'I'lam al-'arabi; 1995. (In Arab.).
23. Ivanov N.A. *Ob osmanskom sotsial'no-teokraticheskom ideale*. [On the Ottoman social-theocratic ideal] In: Ivanov N.A. *Trudi po istorii islamskogo mira*. Moscow: "Vostochnaya literatura" RAN; 2008, p. 206–218. (In Russ.).
24. Zelenev E.I. *Egipet. Sredniye veka. Novoye vremya*. [Egypt. Middle Ages. New time]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburg universitet publ.; 1999. (In Russ.).

Информация об авторе:

Рыженкова Тамара Алексеевна — старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего Востока, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: t.ryzhenkova@spbu.ru. ORCID: 0000-0001-7330-0707

Information about the author:

Ryzhenkova Tamara Alexeevna — Senior Lecturer, Department of History of the Middle East, St. Petersburg State University, e-mail: t.ryzhenkova@spbu.ru. ORCID: 0000-0001-7330-0707

СОВРЕМЕННЫЙ МИР WORLD TODAY

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-1-45-55

Research article / Научная статья

Representation of Iranian Cybersecurity Policy in the National Media

Diana I. Mullakhmetova¹, Andrey A. Kudelin^{2,3}

¹National Research University — Higher School of Economics,
20 Myasnitckaya ulitsa, Moscow, Russia, 101000

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

³State Academic University for the Humanities (GAUGN University),
26 Maronovskiy Pereulok, Moscow, Russia, 119049

 kudelin-aa@rudn.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the increased attention to the problems of cybersecurity in the modern world. The purpose of the study is to identify the position of the Iranian authorities on the issue of cybersecurity. The main method of research is content analysis of the Iranian online versions of newspapers, news websites and news agencies publishing information on this topic in Farsi and English. A result of the conducted research made by the authors is the main conclusion that the majority of Iranian information publications focus on the positive aspects of cybersecurity policy aimed at protection against foreign interference in Iran's internal affairs. At the same time, the study has revealed a number of publications that highlight not only the advantages of the Iranian government's cybersecurity policy, but also shortcomings and gaps.

Keywords: The National Information Network, NIN, The Protection Bill, Cyberspace limitations, ICT

Article history: Received: 20.07.2022. Accepted: 12.10.2022.

For citation: Mullakhmetova DI., Kudelin AA. Representation of Iranian Cybersecurity Policy in the National Media. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(1):45–55. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-45-55>

© Mullakhmetova D.I., Kudelin A.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Funding. The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Репрезентация иранской политики кибербезопасности в СМИ Исламской Республики Иран

Д.И. Муллахметова¹, А.А. Куделин^{2,3}

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Москва, Россия, Мясницкая улица, 20

²Российский университет дружбы народов,
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

³Государственный академический университет гуманитарных наук,
119049, Москва, Россия, Мароновский переулок, 26

 kudelin-aa@rudn.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена повышенным вниманием к проблемам кибербезопасности в современном мире. Цель работы — выявить позицию иранских властей по проблеме кибербезопасности. Основным методом исследования является анализ содержания иранских онлайн-версий газет, новостных веб-сайтов и информационных агентств, публикующих информацию по указанной тематике на персидском и английском языках. В результате авторы делают вывод, что большинство иранских информационных изданий акцентируют внимание на положительных сторонах политики кибербезопасности, направленной на защиту от иностранного вмешательства во внутренние дела Ирана. В то же время в ходе работы удалось выявить ряд публикаций, в которых освещаются не только преимущества политики правительства Ирана в области кибербезопасности, но также недостатки и пробелы.

Ключевые слова: Национальная информационная сеть, НИС, защита информации, ограничения в интернет-пространстве, информационно-коммуникационные технологии, ИКТ

История статьи: Поступила в редакцию: 20.07.2022. Принята к публикации: 12.10.2022.

Для цитирования: Муллахметова Д.И., Куделин А.А. Репрезентация иранской политики кибербезопасности в СМИ Исламской Республики Иран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 1. С. 45–55. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-45-55>

Информация о финансировании. Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Introduction

The overwhelming majority of news and articles in the Iranian media agencies are mainly about the directions of Mahmoud Ahmadinejad, Hasan Rouhani, Ebrahim Raisi's policy because they contributed a lot to the strategies and projects in the field of cyberspace, cyberattacks from the United States and Israel's side as well as the emergence of the new organizations that control the country's information network.

Previously, the topic of cybersecurity policy, attacks, threats and information warfare was not often seen in the media and was not discussed in more or less secret circles. However, as time passed and the incidents that had occurred, the world began to pay great attention to this and observe with interest. States in such conditions began to pursue technological progress, so as not to become a victim of a cyberattack and be able to commit it by themselves if necessary. Iranian media agencies cover different topics and most of them related to cybersecurity policy of a country. It is one of the thorniest themes in the IRI (the Islamic Republic of Iran) due to the increasing of cyber threats and attacks.

Review of the Iranian Media

The pages of publications create a negative image of the United States, focusing on the cyberattacks (Stuxnet, Flame) committed by them. This image is contrasted with Iran as a country that must improve its cybersecurity strategy to protect its state from external adversaries. "The Iranian leadership should adopt a smart approach in the field of cyber so that in the future, in addition to being in a key and superior position, the cost of conflict and defeat of an enemy can be reduced to a minimum" [1]. The article also provides a diagram of the strategy in the form of an arrow and its main directions. This can be attributed to the additional visual means that have an emotional and psychological impact on readers of the newspaper and reinforces the overall semantic tone of the publication. And at the end of the article, the author emphasizes the non-involvement of Iran in the evil actions of enemies. Everything that the country's leadership implements is only for the good and aimed at protecting national interests. He also mentions words from the Qur'an, emphasizing the country's commitment to the Islamic principles: "If an enemy attacks first, that enemy will definitely be defeated" [1].

At the same time, the publishing house informs about the certain aspects of processes and phenomena, without giving a complete picture of what is happening. Moreover, it did not focus on the government's mistakes in the

field of cybersecurity, but mentioned the difficulties in the IT field, which will be resolved by experts in the offing. Therefore, a reader observes two images: the enemy and the defender. The enemy is primarily the United States and the Zionist regime (Israel), the defender is the Iranian state which is taking measures to ensure cybersecurity of the country. Thus, these images are strongly fixed in the mind of a reader which formulates his attitude towards other states and the regime of the Islamic Republic of Iran.

Another national publication house Donya-e Eqtesad presented an article about the possible threats for cybersecurity in 2022. The author emphasizes the importance of improving cyber environment of companies, firms, financial infrastructures and other important entities because nowadays viruses are able to find any vulnerability in internal networks. “As production supply chains become increasingly automated and rely heavily on the remote access, leaders need to focus on creating a multi-layered cybersecurity strategy that leads to cyber health” [2]. The methods and tools of hackers are always changing and improving, from year to year their skills develop and it will be very hard to defend from them. That’s why it is primarily significant to protect the remote access. For this, the certain cyber hygiene practices and processes must be implemented. It is considered as an efficient medium to maintain cyber health. The media also paid a great attention to the mistakes and blunders of the heads of companies, especially vendors. Taking into account the growing threat of hackers, manufacturers should take care of possible threats and prioritize improving cybersecurity.

Besides that, Donya-e Eqtesad informs the audience about the precarious position of medical institutions. With the advent of coronavirus, the health care system is struggling with full hospitals and the fight against the epidemic. Hackers often demand a ransom by breaking into and stealing important data. In the context of the epidemic, the ransom price has increased significantly and cyberattacks on hospital have begun. Thus, a reader becomes aware of the possible potential threats in 2022 as well as organizations which need to improve their cyber strategy. In addition, the media shows that many organizations in Iran still have problems and gaps in this area, providing comprehensive information about the miscalculations of these companies and evoking in a reader the image of a state that is trying and making efforts to improve the cybersecurity.

The same trend can be seen in the official Iranian media named the IRNA (the Islamic Republic News Agency). It has published an article about the opening of the Virtual Center for Security and Information Sharing (VCSIS) for government and public sector specialists. The publication house describes the advantages of this new entity which is aimed to educate people in cybersecurity field. There they may receive special lectures and training courses.

They placed emphasis on speech of Amir Nazemi (the head of the Information Technology Organization). He noted the importance and key role of the Iranian state in cybersecurity: “One of the questions that was asked of experts in the field of information technology forecasting is the need for government intervention in the field of cybersecurity” [3]. He also paid a reader’s attention to the approaches of the government towards establishment of the new platform. It was created in compliance with the cybersecurity policy. Amir Nazemi also noted the joint work of the public and private sectors and their active interaction on the site of new center. Therefore, the news agency describes only the strong sides of new entity which should ensure the increasing awareness and knowledge of potential cybersecurity problems. The audience observes a positive image of Iranian state that improves and develops the country’s cyber environment.

A significant part of reports, articles and news is also devoted to Iran’s important project in the field of cybersecurity — the National Information Network (NIN). Majority of the National media reveals this topic to readers in detail, as this is an important innovation that can provide the comprehensive safety for internal networks. Most of them are aimed to create a positive perception of local intranet by the audience, emphasizing the advantages for cybersecurity of the country.

For example, the official news agency IRNA has some news articles on cybersecurity policy topic: “Setting up national network of high priority: Iran speaker” which is reflecting a strong and confident position of the government related to their steps towards implementing and improving Iranian independent cyberspace. In particular, Mohammad Bagher Ghalibaf (Iranian parliament speaker) is the official who explains the approach of the state in its cybersecurity policy. M.B. Ghalibaf described NIN as a pivotal and essential project for the country because “it can help authorities to fight corruption, pursue clarification, and create economic and social justice throughout the IRI entire territory” [4]. Furthermore, in his speech he called the government for much more active measures in order to promote the development of NIN. Therefore, it is clearly seen that the officials of the IRI prioritize and emphasize the importance of elaboration of the digital sphere in the country. The project NIN (National Information Network) is also an attempt to make the country’s cyberspace competitive and exclusively domestic for Iranian users.

The Iranian Students’ News Agency (ISNA) represents news about some changes and improvements in cybersecurity field. The official representatives of the government (for instance, Seyed Ali Yazdikhah) announced about the importance of launching national information network and defending of cyber space from the content which can be harmful for the users, including children: “The Internet is a double-edged sword, it can be both an opportunity and a threat

and harm, as it has hitherto harmed and changed our children's values and lifestyles with the Internet" [5].

In its turn, Tasnim News Agency (TNA) has covered cybersecurity policy of Iranian government and related to this topic cases in its publications. Most of them are informative and reflects the IRI's national cybersecurity strategy positively emphasizing the active role of the government in its development: "Development of ICT (Information and Communications Technology) is high on the agenda of President H. Rouhani's administration" [6]. For instance, a news article "Iran Unveils National Information Network (NIN)" where the agency describes the beginning of functioning of the new Iranian project NIN in ICT field. In this connection Tasnim News used the speeches of the Iranian officials that induce only positive emotions that give hope for the brighter future: "Usage of communications and information technology should pave the way for realization of a knowledge-based society and economy, cultural and scientific development" [6].

Therefore, it is clearly seen how the media agency represents for the Iranians the advantages of the NIN. First of all, it emphasizes the interest of the state in the field of cybersecurity, absence of its indifference as well as focus on the efforts of the state to improve the country's cyber platform. Besides, this new project is aimed to promote development and prosperity in many areas: economy, science and culture. The audience of this news article does not observe the detailed information about the NIN and possible negative consequences for Iranian society after its implementation.

Another article "Special case: Cyberspace is a Threat or Opportunity?" by Tasnim News Agency (TNA) is also describing the advantages of Iranian government's project — National Information Network (NIN). Its implementation will have many positive economic effects such as increasing employment, economic growth and reducing the cost of Internet services. One of the results is to increase the penetration rate and improve the speed and quality of the Internet.

Also, news agencies cover an important topic for users namely the possible enacting of new ordinance. Many news channels wrote about the new legislation "Cyberspace Users Rights Protection and Regulation of Key Online Services" (Siyanat az hoquq-e karboran dar faza-ye majazi) which is also called "Protection Bill". In the light of this Fars News Agency (FNA)'s Science and Development Group published comprehensive report, analyzing the draft plans of the new law.

The previous versions of drafts were much stricter and tougher in terms of the import of electronic and intelligent equipment that implied an installation the unlicensed external utility services by default. For example, the 23th article of the draft claimed the following: "The import of electronic and intelligent equipment that has the installed unlicensed

foreign basic services by default or cannot install the licensed effective domestic basic services by default, and is subject to smuggling regulations” [8]. However, the government decided to change this rule and introduced the new one: the import of intelligence electronic equipment that have installed the unlicensed foreign basic services is not banned but the import duties will be increased by up to 35 %.

Another limitation is connected to advertising in foreign services. According to the previous draft, “any advertisement, promotion and dissemination of foreign basic services through radio, press, publications, news agencies and virtual media and environmental advertising were prohibited” [8]. This restriction faced a backlash and due to this reason, this part of the draft has altered a lot. Now it is limited only for entities which use the government funding. Also, the document paid a great attention to the importance of using licenses. Any invitation or compulsion of Iranian citizens or the IRI residents to use basic foreign services without a license by the authoritative organizations, such as ministries, large companies, schools, universities are prohibited. Violation of this rule can lead to the serious consequences. This comprehensive report of the structure of the new draft and its comparison with the previous one by Fars News Agency (FNA) shows how the government takes measures to implement strict policy in the field of cyberspace after the other large project — the National Information Network (NIN). However, the authorities made a lot of changes in order to soften the main points of the new legislation. Thus, the state makes efforts to restore a positive and kind image of the government after harsh criticism of the new bill. The media agency represented overwhelmed report in details, emphasizing the changes which were made by the state, and taking into account the previous negative public perception of it.

The Islamic Republic of Iran Broadcasting (IRIB) News Agency also paid attention to the possible implementation of the new bill. They published news article with the video where the audience is able to listen to the speech of Mr. Seyed Ali Yazdikhah (the main designer of the parliamentary plan “Organizing Cyberspace” regarding “Cyberspace Users Rights Protection and Regulation of Key Online Services”). He emphasized that the state does not have intention to block social networks, platforms, blogs, etc. The parliament makes efforts to establish rules in the field of cyberspace in order to provide security connection, clean content without any triggers for sparking concerns among the users. The media agency is also referring to speeches of other parliament representatives and high-ranking officials. For example, Iranian representative of the people of Tehran emphasized only positive and strong sides of this new bill: “We believe that strengthening of the domestic social networks has led to more business prosperity and cheaper internet has been provided to the people” [9].

Content analysis of the national media

In this context there were selected publications that directly or indirectly mention the issue of cybersecurity and the issue of Iran’s cyberspace for 2020–2021 (using the Search section on the sites under study, as well as the Google search engine). I identified 624 mentions of this topic in the media during the period of 2020–2021.

This period of time was chosen due to the following factors: the latest changes regarding Iranian cyberspace at the legislative level, which caused a chain reaction in the national media (the new “protection bill” which is hotly debated and face a backlash). In addition, this period makes it possible to identify the most significant and relevant features of the Iranian cybersecurity policy in the national media, taking into account the latest alterations and developments in this area.

The study examined the Iranian online versions of newspapers, news websites and news agencies publishing information in Farsi and English about the cybersecurity policy topic. They are supposed to be one of the most prominent and well-known media in the Islamic Republic of Iran. Due to these reasons, they are chosen to conduct the content analysis. News agencies: Fars News, Tasnim News, IRNA. Newspapers: Hamshahri, Kayhan, Iran Daily, Tehran Times, Shargh.

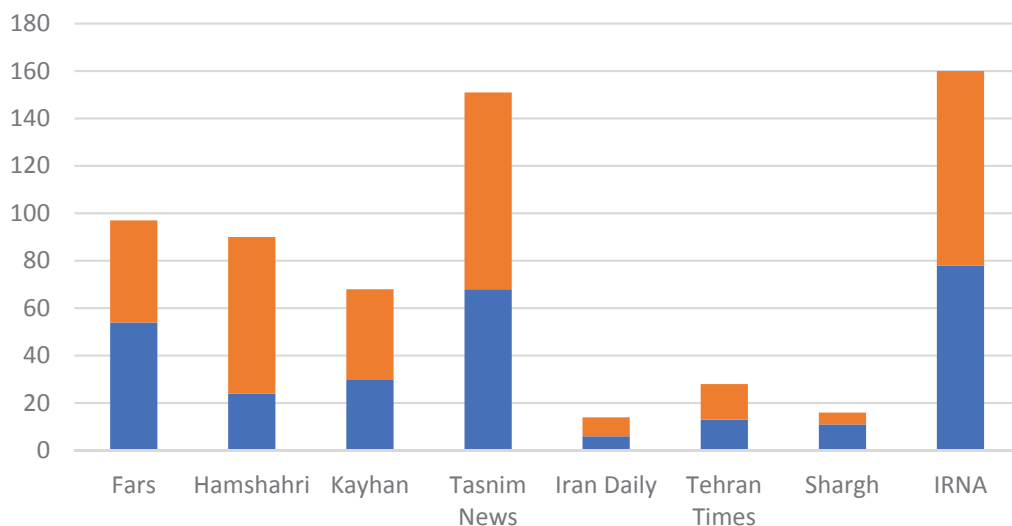
Dynamics of mentions in the national media

Media name	2020	2021	In total
Fars	54	43	97
Hamshahri	24	66	90
Kayhan	30	38	68
Tasnim News	68	83	151
Iran Daily	6	8	14
Tehran Times	13	15	28
Shargh	11	5	16
IRNA	78	82	160

Source: Compiled by the authors

As a result of the analysis of the collected data, one can see a natural increase in the number of mentions of the issue of cybersecurity and cyberspace restrictions in six of the eight reviewed media. In the publications Fars and Shargh, the number of mentions of this topic, on the contrary, decreased in 2021.

The most frequently mentioned topic of cybersecurity and cyberspace restrictions took place in the IRNA (160 mentions in 2 years) and Tasnim News (151 mentions in 2 years). The least mentions of this topic are found in the online newspapers Iran Daily (English newspaper) (14 mentions in 2 years) and Shargh (16 mentions in 2 years). The results show that the number of publications on the topic prevailed on the pages of the national news agencies.

Dynamics of mentions in the national media

Source: Compiled by the authors

The analysis helps us to draw conclusions that most of the publications are informational or research and informational in nature. Absolute majority of them have a neutral or positive modality. The coverage of Iran's cybersecurity policy in the national media is essentially nonjudgmental. The study shows that they mostly often focus on news related to the implementation of the information network and the government's plans "to clear the Internet". In the reviewed articles there are some references to the officials' statements regarding to the paramount importance of improving and maintaining safety in cyberspace.

Conclusion

Cybersecurity policy is widely discussed in the Mass media which is used as an effective tool of the government to influence on the people's mind. Most of news and articles are devoted to the positive sides of cybersecurity policy, emphasizing the protection from foreign interference. The formation of a certain news background and agenda has a great influence on how people perceive the information.

In this work, we have analyzed the following national media: Fars News, Tasnim News, IRNA (news agencies) and newspapers: Hamshahri, Kayhan, Iran Daily, Tehran Times, Shargh for the content of information about the cybersecurity policy of Iran. According to the analysis, this topic is not so often covered in the media. IRNA is the lead agency that publishes articles on this topic. The main criteria were the dynamics of mentions of this topic in the media, which information occasions were prevailed, which data sources were used for obtaining information, as well as determination the ratio of publications and target audience. As a result, we can conclude that the coverage of this topic in the national media is essentially informative and analytical, highlighting important changes in the country's cyberspace and calling for awareness in consuming the content. They mainly focuses on news related to the NIN project (the new possible 2021 bill for users) revealing not only the advantages of the government's cyber security policy, but also the shortcomings and gaps.

References

1. Estrateji-ye amniyat-e melli-ye saiberi-ye Iran kojast? [At what stage is Iran's national cybersecurity strategy] Mashregh News. 2012. Available from: <https://www.mashreghnews.ir/news/136940/استراتژی-امنیت-ملی-سایبری-ایران-کجاست> [Accessed 10.06.2022] (In Pers.).
2. Pishbini-ye amniyat-e saiberi bara-ye sal-e 2022. [Iranian National Cyber Security Strategy Forecast] Donya-e Eqtesad. 2021. Available from: <https://donya-e-eqtesad.com/بخش-بازار-دیجیتال-19/3830358-پیش-بینی-امنیت-سایبری-برای-سال> [Accessed 10.06.2022] (In Pers.).
3. Modakhele-ye dowlat dar amniyat-e saiberi zaruri ast. [State intervention is needed in the field of cybersecurity] IRNA. 2021. Available from: <https://www.irna.ir/news/84324893/مداخله-دولت-در-امنیت-سایبری-ضروری-است> [Accessed 10.07.2022] (In Pers.).
4. Setting up national network of high priority: Iran speaker. IRNA. 2021. Available from: <https://en.irna.ir/news/84568718/Setting-up-national-network-of-high-priority-Iran-speaker> [Accessed 12.07.2022]
5. Dar majles be donbal-e rahandazi-ye shabake-ye etelaat hastim. [The parliament is seeking for setting up the national information network] ISNA. 2021. Available from: <https://www.isna.ir/news/1400091914559/در-مجلس-به-دنبال-راه-اندازی-شبکه-ملی-اطلاعات-هستیم> [Accessed 10.07.2022] (In Pers.).
6. Iran Unveils National Information Network. Tasnim News Agency. 2016. Available from: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2016/08/28/1170368/iran-unveils-national-information-network> [Accessed 10.07.2022]

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-1-56-64

Научная статья / Research article

Подъем Катара на международной арене: причины, факторы, последствия

А.С. Абу Хашаб, Н.С. Ахмедова

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 akhmedova.de@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена укреплением роли Катара в международных делах. Целью данного исследования является выявление причин, факторов, а также последствий подъема Катара на международной арене. Монархия Персидского залива столкнулась с рядом исторических событий и тенденций, способствовавших ее превращению в сильного игрока в арабском регионе. После прихода к власти Хамада бин Халифы Аль Тани в 1995 г. небольшая по географическим и демографическим показателям страна воспринималась в качестве второстепенного игрока. Однако Катар, заметно активизировавший свою политику в регионе, превратился в одного из влиятельных государств на Ближнем Востоке. Авторы подчеркивают роль правящей элиты в реформировании катарского общества и разработке наступательной внешнеполитической стратегии. Делается вывод о внешних и внутренних факторах подъема государства, среди которых активная внешняя политика наряду со стабильным внутривнутриполитическим курсом.

Ключевые слова: Персидский залив, малые государства, внешняя политика, факторы влияния

История статьи: Поступила в редакцию: 10.09.2022. Принята к публикации: 19.10.2022.

Для цитирования: Абу Хашаб С.А., Ахмедова Н.С. Подъем Катара на международной арене: причины, факторы, последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 1. С. 56–64. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-56-64>

The rise of Qatar in the international arena: causes, factors, consequences

A.S. Abou Khashabh, N.S. Akhmedova

Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklay street, Moscow, Russian Federation, 117198

 akhmedova.de@gmail.com

Abstract. The relevance of the research topic is due to the strengthening of the role of Qatar in international affairs. The purpose of this study is to identify the causes, factors, and consequences of the rise of Qatar in the international arena. The Gulf Monarchy has faced a number of historical developments and trends that have contributed to its transformation into a strong player in the Arab region. After Hamad bin Khalifa Al Thani came to power in 1995, a small country in terms of geographical and demographic indicators was perceived as a minor player. However, Qatar, which has noticeably stepped up its policy in the region, has become one of the influential states in the Middle East. The methodological basis of the study is based on the principle of historicism, according to which the problem under study is considered with an emphasis on identifying qualitative changes and the historical dynamics of the analyzed processes. The historical-descriptive method was used to identify the key events that influenced the transformation of Qatar's foreign policy. The authors also emphasize the role of the ruling elite in reforming Qatari society and developing an offensive foreign policy strategy. The conclusion is made about the external and internal factors of the rise of the state, including an active foreign policy along with a stable domestic policy.

Keywords: Persian Gulf, small states, foreign policy, factors of influence

Article history: Received: 10.09.2022. Accepted: 19.10.2022.

For citation: Abou Khashabh AS., Akhmedova NS. The rise of Qatar in the international arena: causes, factors, consequences. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(1):56–64. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-56-64>

В глобальную систему международных отношений входят 193 суверенных государства — члены ООН, треть из которых, согласно экспертным оценкам, являются малыми государствами. Такие страны, как Гонконг и Сингапур, рассматриваются в качестве глобальных финансовых центров согласно Программе развития ООН (ПРООН) за 2020 г. [1]. Среди малых арабских стран стоит выделить Объединенные Арабские Эмираты, являющиеся ключевым направлением делового туризма в мире, согласно глобальному индексу городов назначения MasterCard 2019

Роль Катара в современной системе международных отношений существенно возросла за последнее десятилетие. Он занимает одно из первых мест в мире по ВВП на душу населения, входит в пятерку крупнейших стран-экспортеров газа в мире. Катар завоевал право на проведение чемпионата мира по футболу в 2022 г., ставшего самым дорогим чемпионатом мира в истории. На его подготовку и проведение Доха потратила порядка

220 млрд долларов. Кроме того, Катар выступает в качестве важного международного посредника и координатора в разрешении региональных споров и конфликтов.

В своей внешнеполитической стратегии с начала «арабской весны» он стал опираться на новую политическую доктрину — быть вовлеченным в события в ведущих странах арабского мира, имеющих широкие возможности, среди которых Египет, Сирия и Ливия. Данное явление представляет вызов постулатам теории международных отношений, согласно которым малые государства, чтобы поддерживать собственную безопасность, прибегают к нейтралитету в решении вопросов, касающихся «сильных» соседних стран, заключают региональные союзы или/и союзы с ведущими мировыми акторами, попадая тем самым в зависимость в обмен на защиту существующего режима [2. Р. 307–315]. Поэтому весьма проблематично дать характеристику внешней политике Катара, руководствуясь классической теорией международных отношений [3. С. 4], поскольку она трудно применима к кейсу Катара [4. С. 2] и даже в какой-то степени затрудняет понимание многих процессов и явлений [5. Р. 417–418].

Какова концепция роли малого государства на международной арене? Чем объясняется подъем государства Катар? Каким подходом следует пользоваться при анализе политики Катара в отношении событий «арабской весны»? В чем заключается роль правящей элиты в политике Дохи? С какими структурными вызовами сталкиваются амбиции катарской элиты? Ответы на эти вопросы авторы попытаются дать в настоящей статье.

Катар — это «малое государство»?

Всемирный банк определяет малые государства как «суверенные страны с населением менее 1,5 млн человек», а Всемирная торговая организация придерживается мнения, что их население не превышает 5 млн человек [6. С. 5]. Исследователи в области международных отношений, со своей стороны, сходятся во мнении о наборе количественных и качественных критериев для определения малого государства, а именно — «размер географического района, численность населения, критерии экономического роста и военный потенциал» [7. С. 65].

Политический реализм как теория международных отношений исходит из того, что международная система — это, прежде всего, система крупных держав, и что само существование и внешняя политика малых государства не представляют особой значимости, поскольку они находятся практически в полном подчинении у «сильных мира сего» [8. С. 63]. Для сохранения жизнеспособности и поддержания собственной безопасности в мире, характеризующемся хаосом и управляемым принципом опоры на собственные силы (Help-Sel), малые страны вынуждены вставать «под крыло» крупных дер-

жав, лишаясь при этом независимости и самостоятельности во внутренней и внешней политике, и вступать в союзы с другими влиятельными игроками для противодействия угрозам и вызовам [9. С. 106].

Так, является ли Катар малым государством, исходя из вышеназванных критериев? Придерживается ли Доха принципов поведения малых государств?

Катар бросил вызов концепции подчинения малых государств более крупным и влиятельным державам в обмен на свою защиту, в том числе Саудовской Аравии, которая традиционно выполняла эту роль в зоне Персидского залива. Катар также подверг сомнению идею о том, что материальные блага подталкивают страны (особенно малые) к неактивной и иррациональной внешней политике и что роль правящих элит в формировании внешнеполитического курса в малых государствах снижается в то время, как усиливается влияние региональных и международных факторов, диктуемых более крупными странами. В таких условиях делается особый акцент на стратегии обеспечения национальной безопасности, выстраивании отношений с ведущими мировыми державами, региональных связей, использовании энергетического фактора в качестве политического инструмента и наращивании потенциала «мягкой силы» [10].

Руководитель Арабского центра политических исследований Марван Кабалан в своей книге «Элита против географии» пишет о том, что политика Катара во время событий «арабской весны» привела в замешательство многих экспертов. Принято считать, что позиция малых стран во время кризисов и беспорядков, как правило, нейтральна и они не играют особой роли в разрешении конфликтов из-за страха перед непредсказуемыми результатами. Однако в событиях «арабской весны» Катар избрал «наступательную стратегию», преследуя цели, которые, казалось, были едва достижимыми.

Рори Миллер назвал такие страны формирующимися глобальными державами [11], а Абдель-Халек Абдулла увидел в этом «феномен Залива» [12. С. 115], в связи с чем появился даже термин «галфизация» (gulfization) процессов в арабском мире [13]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Катар проводит активную внешнюю политику, что отлично от общепризнанных детерминантов.

В книге «От королевств пустыни к мировым державам» Рори Миллер сосредотачивает внимание на особенностях исторического развития Катара, а также на проблемах безопасности и экзистенциальных вызовах, с которыми столкнулись арабские монархии Персидского залива при достижении ими внутренней стабильности и установлении влияния в регионе [14]. Среди ключевых факторов подъема Катара эксперты отмечают смещение регионального баланса сил на Ближнем Востоке, который был вызван вынужденной передачей в период «арабской весны» роли сильных игроков в лице Египта, Сирии

и Ирака странам Персидского залива, а также тем, что военная сила перестала быть единственным средством достижения успеха в международной политике, порой уступая пальму первенства «мягкой и умной силе».

Определяющим фактором подъема Катара также стали прочные отношения между властью и обществом, которые были подкреплены влиянием огромных доходов от экспорта энергоносителей в «народ» для повышения его лояльности, снижения роли политической оппозиции, укрепления национальной идентичности и получения общественной поддержки для осуществления амбициозных проектов развития и экономических преобразований. Внутренняя стабильность стала основой для укрепления позиций Дохи на международной арене. Мехран Камрава пишет: «Он [Катар — прим. авт.] быстро становится одним из самых влиятельных акторов в регионе» и успешно использует стратегии политики ведущих держав» [15].

Катар, как уже отмечалось, выделяется одним из самых высоких ВВП на душу населения и самой низкой численностью населения в арабском мире. Огромные запасы природного газа и передовые технологии, позволившие сжигать газ для его дальнейшей транспортировки на танкерах, стали главным фактором, содействовавшим превращению Катара в крупнейшего экспортера газа в мире.

Мехран Камрава в своей статье обращает внимание на важные преобразования, осуществленные шейхом Хамадом бин Халифой Аль Тани — от создания новых политических институтов, которые возглавили его верные сторонники, в том числе некоторые из его сыновей и дочерей, до упрощения линии наследования, предусматривающего переход власти непосредственно к его прямым потомкам. Таким образом, ему удалось заглушить политические амбиции династии Аль Тани [16]. Кроме того, благоприятные внешние факторы, такие, как рост цен на нефть на мировых рынках, а также увеличение спроса на сжиженный природный газ, способствовали проведению задуманных реформ и преобразований [17. С. 137]. Так, в 2005 г. поставки Катара составляли до 14,5 % от мировых поставок СПГ [18. С. 5], а общий доход страны от экспорта нефти и газа оценивался в 52,8 млрд долларов [19. С. 40] при общей численности населения в чуть более миллиона человек (около 75 % из которых экспаты). ВВП Катара в 2021 г. составил 179,5 млрд долларов [20] и поскольку размер ВВП на душу населения достигает до 61 276 долларов США, поданные страны имеют один из самых высоких уровней жизни в мире [21].

Благоприятный момент для воплощения внутри- и внешнеполитических амбиций предоставился правящей элите Катара в ходе событий «арабской весны», когда ряд арабских стран — традиционных «центров силы», среди которых Египет, Сирия и Ливия, переживали нестабильность и хаос, а их роль на региональной арене неуклонно снижалась.

Катар и «арабская весна»

«Арабская весна» предоставила монархии неожиданную возможность для обретения ею роли регионального гегемона [22].

Некоторые эксперты утверждают, что с целью расширения «мягкой силы» и регионального влияния Катар оказывал поддержку оппозиционным движениям в некоторых арабских странах [23]. Другие же придерживаются того мнения, что действия Катара в событиях «арабской весны» были продиктованы американским влиянием или же прагматическим стремлением достичь своих целей и реализовать совместные проекты в рамках ближневосточной региональной системы.

Использование продвинутых средств массовой информации, энергетических ресурсов, сетевых исламистских организаций, таких как «Джабхат ан-Нусра» (организация запрещена в РФ) и др., позволило Катару воспользоваться нестабильной политической и экономической ситуацией для реформирования регионального порядка, отвечающего его интересам. Достижение большей гармонизации в отношениях с Египтом, Турцией, Ираном способствовало укреплению его региональных позиций. Некоторые эксперты подчеркивают роль Катара в подъеме политического ислама, в частности, усилении позиций Братьев-мусульман [24], установлении нового баланса сил и архитектуры региональной безопасности [25]. Активный внешнеполитический курс правящей элиты Катара казался несвойственным для руководителей малых государств Персидского залива.

Внутренние факторы подъема Катара

Существует мнение, что действия лидеров ближневосточных стран ограничены множеством внутренних и внешних обстоятельств, среди которых бюрократические интересы, общественное мнение, экономический, демографический и военный потенциал государства, идеологические нормы (национализм, исламизм) и влияние внешних игроков [26]. Фред Холлидей выделяет основные факторы в процессе принятия внешнеполитических решений в Катаре, в том числе военную угрозу, деятельность транснациональных акторов, экономические интересы, структура населения страны. Как отмечал Бассам Тиби, описывая арабские монархии Персидского залива, «правитель решает», а Катар — это лишь «племена с национальными флагами» [27].

Раймонд Хинбуш и Адхам Аль-Сули считают, что сложившаяся ситуация в Катаре объяснима в контексте формирования государства и наращивания государственного потенциала [28]. Они называют следующие факторы, от решения которых зависит подъем Катара — государственное строительство, экономическое развитие и укрепление центральной власти [29. С. 209].

Стремление сохранить жизнеспособность государства, достичь самостоятельности и стабильности в сфере безопасности в таком политически неста-

бильном регионе мира, как Ближний Восток, а также играть сбалансированную роль в регионе свидетельствует о способности правящей элиты страны противостоять вызовам и достигать основополагающие внутри- и внешнеполитические цели и задачи.

Еще одним важным элементом в осмыслении причин подъема Катара являются такие местные особенности и традиции, как личность лидера страны, тип режима, структура власти, уровень развития общества. Катарский режим исторически отнюдь не являлся эффективным по сравнению с режимами в Ираке, Кувейте, Бахрейне, Омане и Саудовской Аравии. Вместе с тем Катар и ОАЭ избрали решительную, амбициозную интервенционистскую внешнюю политику. С одной стороны, вышеназванные малые арабские государства Персидского залива потерпели неудачу в ряде своих внешнеполитических проектов. Но с другой, — преодолели кризис модернизации: из государств-рантье превратились в страны с солидной промышленной базой, стремящихся совершить существенный рывок и решить ряд неотложных задач: переход от племенного общества к классовому и от преобладания одного племени, к которому принадлежит правящая семья, к национальному государству; диверсификация членства в международных альянсах и превращение государства в суверенного актора; во внешней политике — переход от зависимого положения в позицию влиятельного игрока.

Заключение

Таким образом, будучи лишь по географическим признакам «малым государством», Катар стал важнейшим игроком не только на региональном, но и на международном уровне. Активная внешняя политика наряду со стабильным внутривосточным курсом явились основными факторами подъема государства Катар. Оно продемонстрировало, что внутренняя стабильность является залогом успешного распределения собственных ресурсов для расширения влияния на международной арене. Немаловажную роль в укреплении позиций ближневосточной монархии сыграла правящая элита, которой удалось не только построить прочные отношения с поданными, реформировать катарское общество, но и разработать наступательную стратегию во внешнеполитическом курсе страны, способствовавшую превращению Катара во влиятельного игрока на ближневосточной арене и в международных отношениях.

References / Библиографический список

1. Global Financial Centres Index (2020). The Global Financial Centres Index. Retrieved November 10, 2021. Available from: <https://www.longfinance.net/programmes/financial-centre-futures/global-financial-centres-index/>. [Accessed: 10 September 2022].

2. Rickli J-M. European Small States Military Policies after the Cold War: From Territorial to Niche Strategies. *Cambridge Review of International Affairs*. 2008; 21(3):307–325.
3. Cooper AF., Momani B. Qatar and Expanded Contours of Small State Diplomacy. *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2012; 46(3):113–128.
4. Kayaoglu T. Thinking Islam in Foreign Policy: The Case of Qatar. Paper presented at the annual Convention International Studies Association (ISA). California: San Francisco; 2006.
5. Khatib L. Qatar's Foreign Policy: The Limits of Pragmatism. *International Affairs*. 2013; 89(2):417–431.
6. Neumann IB., Gstöhl S. Lilliputians in Gulliver's World? Small states in international relations. *Centre for Small State Studies, Institute for International Affairs, University of Iceland*. 2004; (1):1–24.
7. Maass M. The Elusive Definition of the Small State. *International Politics*. 2009; 46(1):65–83.
8. Waltz K. *Reductionist and Systemic Theories. Neorealism and its Critics*. NY: Columbia University Press; 1986.
9. Walt S. *The Origins of Alliances*. London: Cornell University Press; 1990.
10. Almezaini K., Rickli J. *The Small Gulf States: Foreign and Security Policies Before and After the Arab Spring*. New York: Routledge; 2016.
11. Miller R. *Desert kingdoms to global powers: the rise of the Arab Gulf*. London: Yale University Press; 2016.
12. Abdullah A. *The Arab Gulf Moment. The Transformation of the Gulf: Politics, Economics and the Global Order* (1st ed.). London: Routledge; 2012.
13. Savicheva EM. Book Review: Owen Jones, M., Porter, R. & Valeri, M. (Eds.). (2018). Gulfization of the Arab World. Centre for Gulf Studies, University of Exeter, Gerlach Press, 166 p. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. 18 (4): 977–980. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-06602018-18-4-977-980>
Савичева Е.М. Рецензия на коллективную монографию: Gulfization of the Arab World / Ed. by M. Owen Jones, R. Porter and M. Valeri. Centre for Gulf Studies, University of Exeter, Gerlach Press, 2018. 166 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 977–980. DOI: 10.22363/23130660-2018-18-4-977-980
14. Miller R. *Desert kingdoms to global powers: the rise of the Arab Gulf*. London: Yale University Press; 2016.
15. Kamrava M. *Qatar: Small State, Big Politics*. Cornell University Press; 2013.
16. Kamrava M. Royal Factionalism and Political Liberalization in Qatar. *Middle East Journal*. 2009; 63(3):401–442.
17. Dargin J. Qatar's Natural Gas: The Foreign-Policy Driver. *Middle East Policy*. 2007; 14(3):136–142.
18. Energy Information Administration. Country Analysis Briefs: Qatar. Washington, DC: EIA; 2007.
19. Oxford Business Group. The Report: Emerging Qatar, 2007. London: Oxford Business Group; 2007.
20. World Bank. GDP (present value in US dollars) Qatar. Retrieved November 10, 2021. Available from: <https://data.albankaldawli.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=QA>. [Accessed: 15 September 2022]. (In Arab.)
21. World Bank. GDP per capita, PPP (current international dollars) Qatar. Retrieved November 10, 2021. Available from: <https://data.albankaldawli.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?locations=QA>. [Accessed: 15 September 2022]. (In Arab.)
22. Althani M. *The Arab Spring and the Gulf States Time to embrace change*. Profile Books. London; 2012.
23. Ulrichsen K. *Qatar and the Arab Spring*. London: Oxford University Press; 2014.
24. Ramadan T. *Islam and the Arab Awakening*. New York, Oxford University Press; 2012.
25. Mason R. *Egypt and the Gulf: A Renewed Regional Policy Alliance*. Berlin. Gerlach Press; 2016.

26. Halliday F. *The Middle East in International Relations: Power, Politics and Ideology*. NY: Cambridge University Press; 2005.
27. Tibi B. *Conflict and War in the Middle East : From Interstate War to New Security*. Palgrave Macmillan; 1998.
28. Saouli A. *The Arab State: Dilemmas of Late Formation*. NY: Routledge; 2012.
29. Hinnebusch R. Toward a Historical Sociology of State Formation in the Middle East. *Middle East Critique*. 2010; 19(3):201–216.

Информация об авторах:

Абу Хашаб Айхам Салех — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: ayhamaboukhashabh@gmail.com

Ахмедова Нигина Сухбатовна — магистрант кафедры теории и истории международных отношений, направление «Зарубежное регионоведение», Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: akhmedova.de@gmail.com ORCID: ID 0000-0001-5480-7473

Information about authors:

Abou Khashabh Ayham Saleh — postgraduate student Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: ayhamaboukhashabh@gmail.com

Akhmedova Nigina — student of the Department of Theory and History of International Relations (Foreign Regional Studies), Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: akhmedova.de@gmail.com ORCID: ID 0000-0001-5480-7473

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В СТРАНАХ ВОСТОКА

HISTORY AND CULTURE

IN THE ORIENTAL COUNTRIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-1-65-80

Научная статья / Research article

Взаимное восприятие арабов и иранцев: история и современность

А.А. Лашина, О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 chikrizova-os@rudn.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена традиционным представлением о неприязни между гражданами Исламской Республики Иран и арабских государств в силу исторических и религиозных факторов, а также заявлений политических элит. Цель данного исследования — выявить реальные особенности взаимного восприятия иранцев и арабов. Учитывая эпидемиологическую обстановку в мире и ограничения в проведении полевых исследований, интерес представляют размещенные в сети Интернет социологические опросы и форумы по данной тематике. Опираясь на сравнительный метод исследования, авторы выявили особенности взаимного восприятия сторон в таких аспектах, как история, политика, религия и язык. Доказано, что среди простых арабов и иранцев практически отсутствует неприязнь друг к другу, хотя арабская сторона и настроена несколько более негативно по отношению к иранскому государству.

Ключевые слова: Иран, Саудовская Аравия, персы, арабский мир, ирано-арабские отношения

История статьи: Поступила в редакцию: 10.11.2022. Принята к публикации: 29.11.2022.

Для цитирования: Лашина А.А., Чикризова О.С. Взаимное восприятие арабов и иранцев: история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 1. С. 65–80. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-65-80>

© Лашина А.А., Чикризова О.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Mutual Perception of Arabs and Iranians: History and Present

A.A. Lashina, O.S. Chikrizova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
117198, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia

 chikrizova-os@rudn.ru

Abstract. The relevance of the topic of the study is due to the traditional perception of animosity between the citizens of the Islamic Republic of Iran and the Arab states due to historical and religious factors, as well as the statements of the political elites. The purpose of this study is to reveal the real mutual perception of Iranians and Arabs. In the context of the epidemiological situation in the world and the limitations of field research, the sociological surveys and forums posted on the Internet on this topic are of interest. The authors rely on a comparative approach in their study. On the basis of this research, aspects of contradictions and solidarity of the parties on a number of issues have been established. In addition, it has been confirmed that there is little or no antipathy towards one another among ordinary citizens of the Arab and Persian worlds, although the Arab side has a slightly more negative attitude.

Keywords: Iran, Saudi Arabia, Arabs, Iranians, Persians, Arab world, Iranian-Arab relations

Article history: Received: 10.11.2022. Accepted: 29.11.2022.

For citation: Lashina AA., Chikrizova OS. Mutual Perception of Arabs and Iranians: History and Present. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(1):65–80. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-65-80>

Введение

Саудовско-иранское противостояние за лидерство на Ближнем и Среднем Востоке и «мире ислама» в целом имеет долгую историю, уходящую корнями в противостояние Арабского халифата и Персидской империи. Эти страны были непримиримыми соперниками, и наблюдаемая в настоящее время конкуренция между Эр-Риядом и Тегераном за ведущую роль на Ближнем Востоке в значительной мере объясняется исторической памятью о тех событиях, в которые были вовлечены обе стороны в прошлом.

На современном этапе аспект противостояния сторон на региональной арене представляет собой ряд политических противоречий и поддержку разных сторон в многочисленных конфликтах. Тем не менее, невозможно судить о восприятии граждан двух стран только по официальным заявлениям высокопоставленных лиц и заголовкам СМИ, поскольку в большинстве случаев они не в полной мере отражают действительность.

Цель исследования — выявить особенности взаимного восприятия иранцев и арабов через призму доступных форумов и опросов общественного мнения и ответить на вопрос, присутствует ли во взглядах

обычных граждан тот негатив и соперничество, о котором заявляют официальные источники.

В российской историографии представлен целый ряд работ, затрагивающих взаимодействие Ирана и арабских государств с точки зрения исторического [1; 2], политического [3—5] или религиозного [6; 7] аспектов, однако недостаточно материалов, в которых исследовалось бы взаимное восприятие сторон. В частности, выделяется статья В.А. Кузьмина и Н.В. Соколова, посвященная анализу отдельных аспектов арабо-иранских отношений в русле цивилизационного подхода [8]. В некотором смысле наша статья служит дополнением более раннего исследования и обновлением его данных. На основе данных социологических опросов и форумов размещенных в сети Интернет в исследовании проанализированы и систематизированы реальные представления жителей арабских стран и Ирана друг о друге.

Особое внимание уделено историческому, конфессиональному, политическому и языковому аспектам взаимного восприятия.

Исторические особенности взаимодействия арабов и иранцев и начало формирования взаимного восприятия

Согласно классификации культур, предложенной голландским социальным психологом Г. Хофстеде, и Иран, и большинство арабских государств относятся к нормативным обществам [9], предпочитающим поддерживать освященные веками традиции и уважать их, а также обращаться к прошлому, ссылаться на былое величие и искать в нем опору для гордости за свою культуру и страну в настоящем. В этой связи исторический фактор наиболее показателен в том, что касается выявления особенностей взаимного восприятия арабов и иранцев.

Иранская цивилизация является одной из древнейших в мировой истории, а империи, существовавшие на территории современного Ирана, были величайшими государствами своего времени. Что же касается арабов, то в доисламские времена они населяли значительную часть Древнего Востока, которая относилась к владениям Персидской империи. Для представителей иранской культуры период «джахилийи» (араб. «невежество»; так нередко именуют доисламский период истории арабских племен) — это период расцвета великой империи, в то время как арабы тогда представляли собой «примитивные племена кочевников», а «территории их проживания находились под властью Великой Персидской империи» [10].

В свою очередь, «высокомерие» арабской стороны проявлялось в несколько унижительном именовании чужаков, точнее, всех тех, кто не говорил на арабском языке (то есть персов в том числе) *‘аджам* (от глагола *‘аджама* — говорить невнятно).

С появлением и началом распространения ислама развернулась борьба за лидерство между новой верой и многовековыми традициями Персидской империи. Победа арабов в бою при Кадисии в 634 г. до сих пор остается одной из самых болезненных тем для иранцев, а арабская сторона нередко использует это историческое сражение для уязвления самолюбия гордого Ирана (достаточно вспомнить эксплуатацию образов битвы при Кадисии лидером Ирака С. Хусейном в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг.).

По мнению представителей арабского этноса, мировоззрение иранцев сфокусировано на великом прошлом империй Ахеменидов и Сасанидов, а также на том, что именно завоевание арабами Ирана стало причиной его заката [11]. Что же касается эксплуатации исторических образов в политике, то следует подчеркнуть особую роль «мифа о Кербеле» в иранском мировоззрении: если в ходе ирано-иракской войны С. Хусейн использовал образ битвы при Кадисии, то в риторике аятоллы Хомейни иракский лидер представал в образе халифа Йазиды, узурпатора власти из династии Омейядов, который отдал приказ убить имама Хусейна, внука пророка Мухаммада, в Кербеле в 680 г. [12. С. 12]

Персидские политические деятели внесли значительный вклад в государственное управление Арабским халифатом, особенно в аббасидскую эпоху. В частности, в период правления халифа аль-Махди (775–785 гг. возвысилась персидская шиитская династия Бармекидов, правившая вплоть до прихода к власти халифа Харуна ар-Рашида. Позднее очередное возвышение персов в Аббасидском халифате произошло вследствие благосклонности халифа аль-Ма'муна, сына Харуна ар-Рашида и его персидской наложницы. Затем, в 945–1055 гг. в Багдаде фактически правила шиитская династия Буидов (Бувайхидов), которые были этническими персами.

В период правления османов на арабских землях противостояние суннитской Османской империи и шиитской империи Сефевидов было неизбежно и вылилось в серию продолжительных и кровопролитных войн XVI–XVII вв., а также гонения на неугодные общины или даже их депортацию с подконтрольных территорий. Так, например, когда Ирак оказывался под османским контролем, из него изгонялись шииты иранского происхождения, а в Сефевидском Иране происходили гонения на суннитов, что часто приводило к восстаниям на окраинах государства и служило поводом для османского вторжения в пределы страны [13. С. 73]. Практика насильственного переселения продолжалась и в XX в., став общепринятой для целого ряда ближневосточных режимов.

В XIX — начале XX вв. началось формирование политического самосознания арабских народов, связанное с распадом Османской империи и перспективой создания независимого арабского государства. В этой связи

Персия также представляла угрозу для планов арабов [8. С. 118–121], поскольку регулярно вступала в противоборство с османами за контроль над такими буферными территориями, как Месопотамия. Арабский национализм послужил идеологической основой для чаяний арабов по обретению собственной государственности. В свою очередь, переименование Персии в Иран («земля ариев») в 1935 г. можно трактовать как реакцию иранцев на арабский национализм и попытку что-то противопоставить зарождавшейся панарабской идеологии, начав идентифицировать себя через разрыв с семитской культурой и семитскими народами, к которым относятся арабы, и возвращение к «арийским» корням.

Арабский национализм породил еще одно разногласие между арабами и иранцами — название Персидского залива, который арабы называют «Арабским» [14]. Исторические факты по этому вопросу говорят в пользу первого названия, поскольку обозначение «Арабский залив» распространилось только в 1960-х гг. как раз вследствие роста популярности и влияния панарабского движения, возглавляемого президентом Египта Г.А. Насером. Согласно панарабской риторике, Иран представлялся как могущественная империя, которая хочет захватить арабские государства, расположенные в субрегионе Залива.

В свою очередь, приверженцы названия «Арабский залив» в качестве аргумента приводят то, что Персия никогда не была морской державой, ее территории даже на восточном побережье Персидского залива в основном населяли арабы *хувала* (говорящие на аравийском диалекте) и *ахвази* (говорящие на иракском диалекте). Даже сегодня там проживает больше этнических арабов, чем персов.

Чтобы показать свою нейтральность в этом споре между арабами и иранцами, многие исследователи, журналисты и политики предпочитают говорить просто «Залив», и такой подход получил достаточно широкое распространение в последние годы.

Таким образом, можно констатировать двойственность влияния исторического фактора на арабо-иранские отношения, которая проявилась, с одной стороны, во взаимовлиянии двух цивилизаций, а с другой — создала ряд предпосылок для недоверия, существующего в отношениях между этими народами. В этой связи следует согласиться со справедливой оценкой известного востоковеда Ф. Хэллидея: «История не однозначна: несмотря на все конфликты и завоевания, оскорбления и разногласия, арабов и иранцев объединяло и сближало не меньше, чем их разделяло. Язык, религия, паломничество, миграция, торговля связывали регионы обоих народов вместе на протяжении всей истории. Большую часть времени они жили в мире, а не в войне... “Мы” и “они” не определены историей, а являются продуктами конкретных, часто сознательных политических вмешательств» [11].

Конфессиональный аспект

Важным фактором разногласий арабов и персов является конфессиональный аспект, поскольку большинство арабов принадлежат к суннитской ветви ислама, в то время как шиизм — государственная религия Исламской Республики Иран, его исповедует около 90 % иранцев. Одним из аспектов саудовско-иранского противостояния также принято считать суннито-шиитский антагонизм, хотя его влияние на двусторонние отношения нередко переоценивают.

Арабы-сунниты склонны достаточно резко высказываться о последователях шиизма. В частности, сунниты называют шиитов «рафидун» или «рафидитами», что переводится с арабского как «отвергающие»; имеется в виду отказ шиитов признать законность власти первых трех «праведных халифов». Кроме того, среди арабов-суннитов широко распространены обвинения в адрес Исламской Республики Иран в том, что она стремится стать лидером «мира ислама», тем самым превзойдя и сместив арабов, народ, которому и было ниспослано исламское вероучение.

В свою очередь, шииты могут назвать арабов-суннитов «навасиб» (от араб. «насб» — «мошеничество», «обман») за их политику по дискредитации образа четвертого «праведного халифа» и первого шиитского имама 'Али [15. С. 9]. Иранские шииты обвиняют суннитов в многочисленных дискриминациях шиитских меньшинств, проживающих в арабских странах, стремлении арабов не допускать шиитов на высокие посты и минимизировать их участие в политических процессах. По мнению Ирана, подобная политика арабских правительств дает ему право выступать в роли защитника шиитского ислама и оказывать поддержку шиитам в многочисленных региональных конфликтах, в частности в Йемене и Ираке.

Таким образом, суннито-шиитские противоречия нередко выступают в качестве аргумента в пользу настороженного отношения к иранцам: достаточно широко распространено мнение, что Иран все еще придерживается идеологии Исламской революции и стремится «обратить в шиизм суннитское население арабского мира». Подчеркиваются также политические мотивы, поскольку, по мнению многих арабов, Иран использует доверенных лиц в арабском мире для усиления своего влияния [16].

Примечательно, что на политизированность суннито-шиитских противоречий начали все чаще указывать не только ученые, но и высокопоставленные политики. Так, в конце 2015 г. член королевской семьи Саудовской Аравии принц Турки аль-Фейсал дал интервью американскому журналу *Bulletin of the Atomic Scientists*. Говоря о проблемах саудовско-иранских отношений, Турки аль-Фейсал указал на разницу между правящими режимами. Что касается суннито-шиитского антагонизма, то, по его словам, он не имеет под собой религиозных оснований, а вдохновлен политическими амбициями, поскольку правительства и отдельные политики нередко используют межконфессиональный раскол внутри «мира ислама» в своих целях [16].

Политический аспект

Нет никаких сомнений в том, что большинство арабских правительств враждебно относится к Ирану как шиитской стране, в СМИ встречаются нелестные эпитеты касаясь Исламской Республики Иран (ИРИ). Арабские СМИ пестрят заголовками о повсеместном вмешательстве Ирана в дела ближневосточных государств, поддержке и спонсировании таких группировок, как йеменские хуситы и ливанская «Хезболла». Поддержка Тегераном режима Башара Асада в Сирии также вызвала негативную реакцию в арабском мире [17. С. 48]. Подобные высказывания практически не встречаются в средствах массовой информации арабских стран, которые являются союзниками Ирана (например, в Ливане), и эта терпимость распространяется и на людей.

Суннитские экстремисты и салафиты в арабских странах склонны проявлять враждебность по отношению к Ирану, объясняя это религиозными причинами, но религиозная вражда легко трансформируется в правительственную пропаганду (как в Саудовской Аравии, Марокко, ОАЭ и т. д.), когда за дело берутся средства массовой информации.

Несмотря на то, что отношение арабов к Ирану является сложным и определяется глубиной разделения между суннитами и шиитами, поддержка Ираном режима Б. Асада в Сирии является гораздо более значимым фактором, формирующим позицию населения арабских стран относительно ИРИ. Так, некоторые утверждают, что Иран помог сирийскому народу противостоять террористической группировке ДАИШ (ИГИЛ, ИГ, «Исламское государство», организация запрещена в РФ), что в свою очередь является гуманным актом, который укрепил дружбу между двумя народами Ирана и Сирии. Другие заявляют, что Б. Асад является олицетворением «неисламистского правительства с полудемократией», которое необходимо свергнуть [18].

Таким образом, политика и государственные заявления, а также СМИ в значительной мере влияют на мировоззрение граждан, однако нельзя сказать, что они тотально контролируют общественное мнение. Для подтверждения обратимся к опросам общественного мнения, отражающим различные аспекты взаимного восприятия арабов и иранцев.

В рамках 5-й волны опросов, проводимых разработчиками проекта *Arab Barometer*, респондентам из 12 стран (Алжир, Тунис, Марокко, Ливия, Ливан, Палестина, Египет, Судан, Йемен, Ирак, Кувейт, Иордания) был задан вопрос, кто, по их мнению, представляет большую угрозу — Иран или Израиль. Вопреки длительной пропаганде, большинство опрошенных назвали Израиль главной угрозой для Ближнего Востока (рис. 1), и относительно небольшой процент арабских граждан считает, что недавнее сближение между некоторыми арабскими государствами и Израилем выгодно для региона [19].

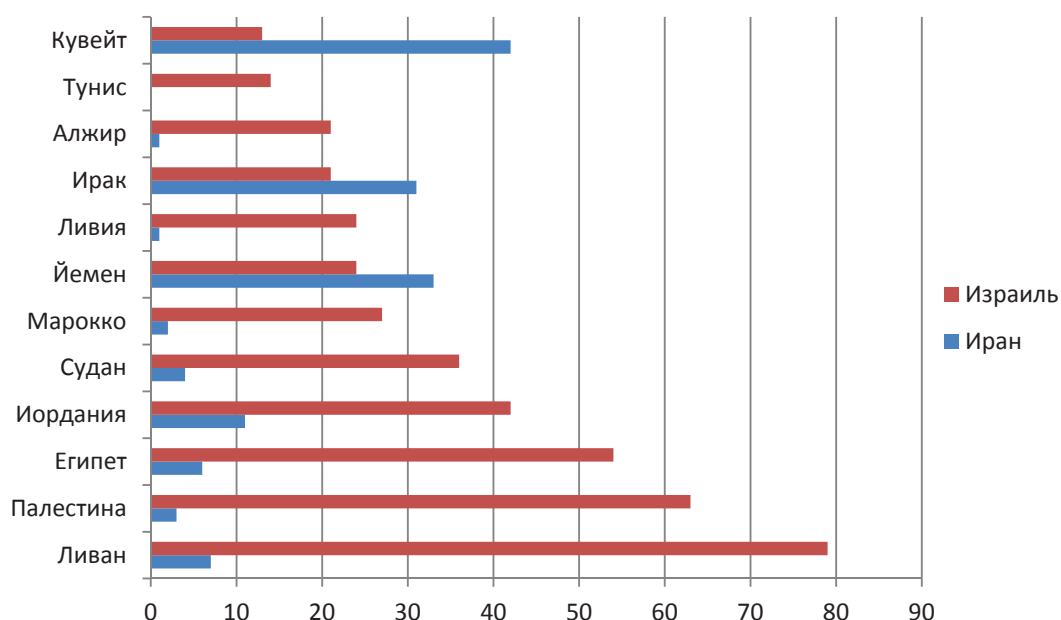

Рис. 1. Ответы респондентов Arab Barometer на вопрос «Какая страна представляет самую большую угрозу стабильности Вашего государства?», 2020 г.

Источник: Robbins M. Does Iran pose greater threat to the region than Israel? Here is what Arab citizens think // Arab Barometer. January 3, 2020.
 URL: <https://www.arabbarometer.org/2020/01/israel-or-iran-which-is-the-greater-perceived-threat-copy/> (accessed: 10.11.2022).

Как показано на рисунке, больше всего Иран опасаются в Кувейте, Ираке и Йемене. Ш. Телами, палестинско-американский профессор кафедры государственного управления и политики Мэрилендского университета и старший научный сотрудник Центра ближневосточной политики Бруклинского института, отмечает, что именно «проекция силы» Ирана является движущей силой страха, который испытывают перед Ираном арабы, особенно проживающие в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Аравийские монархии опасаются влияния Ирана на свои шиитские общины. Вполне логично, что они также мало заинтересованы в реинтеграции Ирана в международное сообщество, поскольку это укрепило бы влияние Тегерана. В связи с этим в интересах стран Персидского залива проводить устойчивую политику сдерживания Исламской Республики [20].

Примечательно, что Ирак и Йемен принято включать в так называемый «шиитский полумесяц», то есть объединение государств с шиитским большинством или значительным меньшинством населения, которые Иран якобы намерен объединить под своей эгидой с целью направить

данный альянс на борьбу против суннитских стран за региональное лидерство. Данные Arab Barometer убедительно доказывают, что население этих двух стран не поддержит вовлечение своих правительств в блок под руководством Ирана.

В рамках другого социологического опроса, проведенного в 2021 г. международным аналитическим центром *Woodrow Wilson Center* (США) в 6 арабских странах (Египет, Марокко, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Иордания и Ливан), опрашиваемых просили определить «два государства, представляющих наибольшую угрозу». Иран получил много голосов наряду с Израилем и Соединенными Штатами. Однако около двух третей опрошенных не выступили против атомной программы Ирана, поскольку не поддерживают политику «двойных стандартов» в регионе [20], в рамках которой США наделяют Израиль исключительным правом на обладание ядерным оружием в Ближневосточном регионе.

В продолжение темы ядерного оружия приведем результаты интервьюирования 7400 респондентов из шести арабских стран (Египет, Ливан, Иордания, Ирак, Саудовская Аравия, ОАЭ), а также Турции и Ирана, которое в 2015 г. провел Дж. Зогби, основатель и президент Арабско-американского института (США). Вопрос касался поддержки Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), призванного урегулировать проблему иранского «ядерного досье». Согласно результатам опроса, подавляющее большинство респондентов во всех странах, кроме Ливана и Турции, не поддержало группу 5+1 (РФ, США, КНР, Великобритания, Франция, ФРГ) в связи с отсутствием веры людей в возможность приостановления атомной программы ИРИ [21].

Иранцы, в свою очередь, выразили противоречивые позиции относительно СВПД. В основном они были настроены положительно, но две трети респондентов были раздосадованы тем, что их страна вынуждена согласиться на введение ограничений в отношении своей атомной программы. При этом значительная часть населения высказала мнение, что их страна «должна обладать ядерным потенциалом» до тех пор, пока его имеют другие страны [22].

Таким образом, мнения людей касаясь СВПД достаточно противоречивы, но вовсе не зависят от гражданства, поскольку многие арабы не видят ничего плохого в развитии Ираном «мирного атома», в то время как иранцы недовольны проводимой в отношении их страны политикой и бременем санкций, препятствующим развитию государства.

В рамках проекта Arab Barometer (6-я волна — Алжир, Тунис, Марокко, Ливия, Ливан, Иордания) также был проведен опрос, направленный на оценку влияния Турции, Ирана, России и Королевства Саудовская Аравия (КСА) в арабском мире. Результаты отражены на рис. 2 [23].

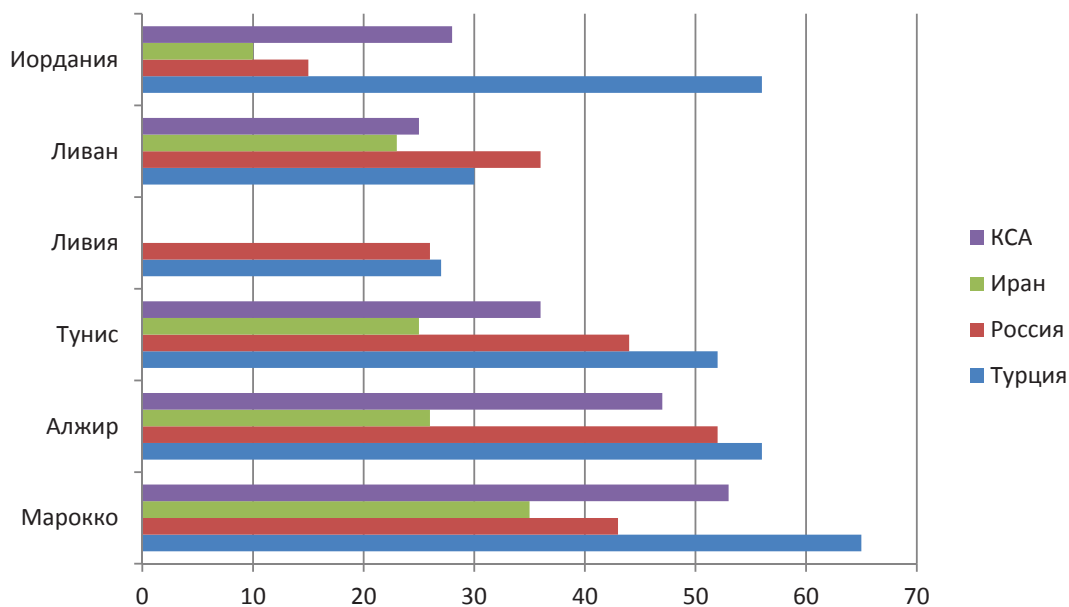

Рис. 2. Поддержка жителями арабских стран влияния Турции, Ирана, России и КСА, 2021 г.

Источник: Robbins M. Heavy hands and heavy hearts: the perils of military intervention in MENA // Arab Barometer. February 24, 2021. URL: <https://www.arabbarometer.org/2021/02/heavy-hands-and-heavy-hearts-the-perils-of-military-intervention-in-the-mena/> (accessed: 10.11.2022).

Данные опроса демонстрируют широкую поддержку влияния Турции в арабском мире, а Иран находится на последнем месте, то есть он — менее желательный региональный лидер, по мнению опрошенных респондентов. Это свидетельствует о том, что антииранская риторика в СМИ все же влияет на позицию населения арабских стран, хотя и не в той мере, как можно было полагать исходя из регулярности, с которой правительства некоторых арабских стран инициируют антииранские кампании в СМИ.

Тем не менее, следует отметить, что большинство арабов, независимо от того, враждебны они к Ирану или нет, восхищаются иранцами и их достижениями на протяжении всей истории, в том числе — независимостью внешней политики ИРИ и ее неподчинением западным странам, в частности США [24]. Кроме того, Иран по-прежнему пользуется уважением среди многих арабов за его оппозицию Израилю и поддержку сопротивления, осуществляемого ХАМАС и «Хезболлой». В связи с этим вполне логично, что, согласно опросу среди палестинцев, которых попросили назвать государство, которому они особенно симпатизируют, между Королевством Саудовская Аравия и Ираном большинство отдали предпочтение Ирану, что, несомненно, связано с проводимой Тегераном политикой в рамках ближневосточного урегулирования [25].

В отличие от многочисленных проектов, отражающих отношение арабов к иранцам, существует очень мало источников, которые помогли бы сде-

лать выводы о восприятии арабов иранцами. Среди немногочисленных опросов общественного мнения можно отметить один, который был проведен в Тегеране в конце декабря 2020 г. [26]. Ответы респондентов показали, что иранцы весьма положительно относятся к арабским государствам, более того, имеют там близких друзей. Отвечая на вопрос, которую из стран арабского мира хотели бы посетить, респонденты наиболее часто упоминали Египет, поскольку иранцев привлекает история и архитектура родины пирамид. Кроме того, у иранцев Египет вызывает стойкие ассоциации с популярным иранским сериалом на религиозный сюжет «Пророк Юсуф» [27].

На втором месте по количеству упоминаний — Палестина. Причиной данного выбора является проводимая Тегераном политика по активному отстаиванию пропалестинской позиции в ближневосточном конфликте, что в значительной степени влияет на общественное мнение и сострадание трагедии палестинского народа.

Страной, которую иранцы в меньшей степени желают посетить, является Королевство Саудовская Аравия. Несмотря на то, что в Саудовской Аравии находятся главные святыни ислама — города Мекка и Медина, сложные и непредсказуемые иранско-саудовские отношения останавливают представителей Ирана от посещения аравийской монархии [28].

Таким образом, основная причина отсутствия гармонии между арабскими народами и Ираном — политические амбиции политических деятелей, а также вмешательство внерегиональных акторов, прежде всего США и ЕС, в ближневосточную политику. Данная позиция четко изложена одним из участников социального опроса в Тегеране: «Саудовская Аравия перешла черту, а другие, такие как Катар, поддерживают оптимальный уровень взаимодействия с Ираном. Мы доброжелательны и можем быстро снова подружиться. Очевидно, что каждая страна строит свои отношения на выгоде и преимуществах, которые она получает, но сомнительно, что враждебность приведет к чему-то хорошему для любой страны. В связи со всеми введенными западными странами санкциями некоторые люди могут подумать, что это мы сами виноваты в том, что у нас такие проблемы, но позвольте мне снять маску и сказать вот что: у иранцев ни с кем нет никаких проблем» [26].

Реальность такова, что сам Иран не ищет конфликта. Кроме того, учитывая, что Королевство Саудовская Аравия является сателлитом США, то многие трения между Эр-Риядом и Тегераном можно рассматривать через призму конфликта Ирана с Соединенными Штатами. Арабы постоянно получают множество вводящей в заблуждение информации о том, как плохо Иран обращается с арабским суннитским населением, проживающим в Иране, Ираке и Сирии. В свою очередь, в Иране школьные учебники заполнены ошибочным и предвзятым описанием арабов как жестоких и примитивных завоевателей, которые когда-то вторглись в Персию [29]. Враждебность и превосходство

воспитывались и прививались молодым поколениям на протяжении десятилетий как в арабских странах, так и в Иране. Во многом этому содействовало то, что эти народы говорят на разных языках.

Языковой аспект

Языковой фактор также выступает в качестве одного из спорных аспектов в отношениях между арабами и иранцами.

Арабы полагают, что именно они как представители истинной веры привили персам присущее исламу стремление к знаниям. Однако нет смысла отрицать, что расцвет арабо-мусульманской культуры стал возможен во многом благодаря целой плеяде персидских ученых, мыслителей и писателей, которые внесли большой вклад в становление арабо-мусульманской цивилизации [30], а также благодаря персидскому языку.

По мнению арабов, «арабский язык бессмертен, так как на нем был ниспослан Священный Коран» [31], это язык ислама, поэтому арабским языком обязан владеть каждый, кто считает себя мусульманином.

Однако важно отметить, что после завоевания Ирана арабами-мусульманами не арабский, а персидский стал языком «новой мусульманской культуры» [32. С. 12], связав воедино огромное пространство от Аравийского п-ова до Мавераннахра.

В свою очередь, для иранцев арабский язык — это то единственное, что объединяет арабов в единое целое, поскольку им не удалось создать единую нацию или общее государство [9]. Кроме того, разумеется, иранцы чтят арабский язык как язык Священной книги ислама.

Важно подчеркнуть, что в период совместной истории иранцы, как и представители других этноконфессиональных меньшинств, проживавших в Арабском халифате (греки, евреи, ассирийцы и проч.), внесли неопределимый вклад в переводческое движение, а также развитие науки в арабо-мусульманском мире. Перевод как явление культуры уходит корнями глубоко в историю доисламского Ирана, в частности эпоху Ахеменидов. В период после арабских завоеваний наследие персидской цивилизации способствовало развитию первого этапа переводческого движения на Ближнем Востоке. На этом этапе переводились труды по математике, астрономии, медицине и биологии. Нельзя не отметить также, что персидская поэтическая традиция оказала огромное влияние на арабоязычную поэзию, для которой персидские газели служили эталоном в течение нескольких столетий.

Таким образом, в Арабском халифате между арабским и персидским языками сложилось своеобразное разделение сфер употребления, «вытекающее из постановки различных задач»: арабский был языком ислама, в то время как персидский выступал в качестве языка общения в восточных провинциях халифата, а также литературного языка, на котором были написаны много-

численные лирические произведения, исторические и эпические произведения [32. С. 12–16].

Современный персидский язык сохраняет очень много арабских заимствований, которые проникали в него, начиная с периода распространения ислама в персоязычных районах. Отчасти это было связано с политическим давлением и попытками запретить персидский язык; вместе с тем это было практично. Арабский язык был и остается языком исламского мира. Как и английский сегодня, арабский язык был языком науки, математики и предметов, которые требовали международного дискурса.

На современном этапе некоторые иранцы, насыщая свою речь заимствованиями из арабского языка, стремятся продемонстрировать высокий уровень своего образования. После Исламской революции в Иране (1978–1979 гг.) произошло заметное увеличение использования арабского языка, что было связано главным образом с распространением богословских трудов и новой конституцией, а также с тем, что костяк нового режима составили мусульманские ученые-правоведы, блестяще владеющие арабским языком.

С течением времени среди иранцев распространились настроения, направленные на очищение персидского языка от арабских заимствований. Первая подобная попытка была предпринята еще во времена поэта Фирдоуси (около 1000 г. н. э.). Хотя дебаты о доли арабизмов в персидском языке и степени их влияния шли регулярно, общий процент арабских слов, используемых в повседневной речи, вероятно, существенно не изменился на протяжении веков. Что касается того, насколько арабский язык используется в письменном персидском языке для академических или бюрократических целей, ситуация значительно варьируется в зависимости от сферы деятельности.

В современном Иране также присутствуют инициативы по снижению влияния арабского языка. Например, существует Персидская академия, нацеленная на замену некоторых иностранных слов персидскими эквивалентами. Иранцы искренне гордятся своим языком, утверждая, что арабы не в состоянии полностью арабизировать их страну, даже если захотят: персы сохраняли свое наследие и язык более 1400 лет после прихода ислама в Иран, и они в состоянии сохранять его и дальше.

Заключение

Таким образом, несмотря на политические противоречия между Ираном и арабскими государствами, в частности Саудовской Аравией, народ с обеих сторон вполне положительно относится к оппоненту, готов идти на диалог, однако вмешательство западных стран и дезинформация со стороны СМИ усложняют процесс нормализации отношений. Можно сделать вывод,

что действия правительств нередко идут вразрез с общественным мнением, то есть правительства не стремятся заручиться поддержкой своего народа при принятии решений. Другими словами, не правительства проводят политику, руководствуясь общественным мнением, а общественное мнение «подгоняется» СМИ с подачи правительств под проводимый в отношении оппонента курс.

Проведенное исследование также позволило в очередной раз убедиться, что арабские страны не едины в своих взглядах на отношения с Ираном. Это демонстрируют как результаты социологических опросов, так и конкретные шаги отдельных арабских правительств в региональной политике. При этом люди, не желая поддаваться влиянию агрессивной риторики, стремятся опровергнуть общепринятые факты взаимной арабо-иранской ненависти. Тем не менее, необходимо отметить, что иранцы на современном этапе более лояльны по отношению к арабам, что также отражается и в стремлении Тегерана наладить взаимодействие с монархиями Залива.

Библиографический список

1. *Алиев А.А.* Иран vs Ирак: история и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 768 с.
2. *Чикризова О.С.* Конфессиональный фактор в антибританском восстании 1920 г. в Ираке // Новая и новейшая история. 2021. №2. С. 93–108. <https://doi.org/10.31857/S013038640014271-6>
3. *Жантиев Д.Р.* «Хуситское» движение в Йемене: генезис и современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2009. №4. С. 59–71.
4. *Савичева Е.М.* Роль и место «Хизбаллы» в ливанском треке ближневосточного урегулирования // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2010. № 18 (199). С. 133–138.
5. *Чикризова О.С., Морозова Н.Н.* Шиизм в Марокко: историческое наследие и современность // Азия и Африка сегодня. 2020. №5. С. 28–35. <https://doi.org/10.31857/S032150750009547-3>
6. *Ардашников А.Н., Коняшкина Т.А.* Шиитское паломничество в атабат в контексте ирано-иракских связей во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 1. С. 20–32. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-1-20-32>
7. *Чикризова О.С.* К вопросу о методологии изучения суннито-шиитских взаимоотношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2015. №3. С. 74–82.
8. *Кузьмин В.А., Н.В. Соколов* Специфика арабо-иранских отношений в контексте цивилизационного подхода // Вопросы всеобщей истории. 2017. № 19. С. 114–123.
9. Hofstede Insights CEO. Режим доступа: <https://www.hofstede-insights.com/> Дата обращения: 14.12.2022.
10. *Фирузджои А.Н.* Почему арабы смотрят на Иран пессимистично? Режим доступа: <http://bit.ly/1VXbqSA> Дата обращения: 26.12.2021.

11. Адиб А. Иранцы и арабы: близость и ненависть, сотрудничество и вражда. Режим доступа: <http://bit.ly/1OTplaY>– Дата обращения: 26.12.2021.
12. Halliday F. Arabs and Persians beyond the Geopolitics of the Gulf // Cahiers d'Études sur la Méditerranée Orientale et le Monde turco-Iranien. 1996. No. 22. P. 1–18. <https://doi.org/10.4000/cemoti.143>
13. Чикризова О.С. Суннито-шиитские взаимоотношения в контексте структурных преобразований региона Ближнего и Среднего Востока (1980-е — 2015 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М.: РУДН, 2016. 182 с.
14. Which term is geographically more accurate, the Arabian Gulf or the Persian Gulf? Why? // Quora. 2017–2021. Режим доступа: <https://www.quora.com/Which-term-is-geographically-more-accurate-the-Arabian-Gulf-or-the-Persian-Gulf-Why> Дата обращения: 26 декабря 2021.
15. Husayn N. Opposing the Imam. The Legacy of the Nawasib in Islamic Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 230 p.
16. Is there discrimination about Iranians in Arabic countries? // Quora. 2014–2021. Режим доступа: <https://www.quora.com/Is-there-discrimination-about-Iranians-in-Arabic-countries-How-do-other-Arabs-feel-about-Iranians-in-general> Дата обращения: 26 декабря 2021.
17. Зинин Ю.Н. Отношения Ирана и арабских стран Персидского залива: некоторые аспекты // Международная аналитика. 2016. № 4 (18). С. 46–55.
18. What do Syrian people think about Iran? // Quora. 2017–2021. Режим доступа: <https://www.quora.com/What-do-Syrian-people-think-about-Iran>. Дата обращения: 10 ноября 2022.
19. Robbins M. Does Iran pose greater threat to the region than Israel? Here is what Arab citizens think // Arab Barometer. January 3, 2020. Режим доступа: <https://www.arabbarometer.org/2020/01/israel-or-iran-which-is-the-greater-perceived-threat-copy/> Дата обращения: 10 ноября 2022.
20. Arab Perspectives on Iran's Role in a Changing Middle East / Wilsoncenter.org // 2021. Режим доступа: <https://www.wilsoncenter.org/event/arab-perspectives-irans-role-changing-middle-east> Дата обращения: 26 декабря 2021.
21. A U.S.-Iran Realignment Is Not in the Cards // Huffpost. 2015. Режим доступа: https://www.huffpost.com/entry/a-us-iran-realignment-is_b_7824022 Дата обращения: 26 декабря 2021.
22. Case Studies and Zogby Reports // Zogbyanalytics. 2015. Режим доступа: <https://zogbyanalytics.com/case-studies> Дата обращения: 10 ноября 2022.
23. Robbins M. Heavy hands and heavy hearts: the perils of military intervention in MENA // Arab Barometer. February 24, 2021. Режим доступа: <https://www.arabbarometer.org/2021/02/heavy-hands-and-heavy-hearts-the-perils-of-military-intervention-in-the-mena/> Дата обращения: 10 ноября 2022.
24. What is your thoughts on Persians? // Reddit. 2019–2021. Режим доступа :https://www.reddit.com/r/arabs/comments/bx9s9k/what_is_your_thoughts_on_persians/ Дата обращения: 26 декабря 2021.
25. Palestinians: Who do you support, Saudi Arabia or Iran? // Youtube. November 10, 2019. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=liUJ7rXAArc&feature=emb_logo Дата обращения: 26 декабря 2021.
26. What Iranians think about Arab countries // Youtube. December 31, 2020. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=q4il-m0w3a4> Дата обращения: 26 декабря 2021.
27. Сериал «Пророк Юсуф» // Cinemate. Режим доступа: <https://cinemate.cc/movie/135149/> Дата обращения: 26 декабря 2021.
28. What are the most liked countries in Iran? // Quora. 2017–2021. Режим доступа: <https://www.quora.com/What-are-the-most-liked-countries-in-Iran/answer/Arash-Rezayee> Дата обращения: 26 декабря 2021.

29. Иранские учебники учат ненависти к Америке, арабам и евреям // Лехаим. 14.03.21. Режим доступа: <https://lechaim.ru/news/iranskie-uchebniki-uchat-nenavisti-k-amerike-arabam-i-evreyam/> Дата обращения: 26 декабря 2021.
30. Is Iran an Arab country? // Quora. 2017–2022. Режим доступа: <https://www.quora.com/Is-Iran-an-Arab-country> Дата обращения: 26 февраля 2022.
31. Отношения между арабским и персидским языками // Пояснения к Корану. Режим доступа: <http://arabic.tebyan.net/QuranIndex.aspx?pid=43293> Дата обращения: 26 декабря 2021.
32. Башарин П.В. От редактора // Фрагнер Б.Г. «Персофония»: региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. М.: Садра, 2018. 136 с.

Информация об авторах:

Лашина Анна Александровна — магистрант, кафедра теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: 1032211940@rudn.ru

Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: chikrizova-os@rudn.ru. ORCID: 0000-0002-1678-0967

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-1-81-97

Научная статья / Research article

Эволюция воззрений на Луну в арабоязычной средневековой культуре

В.А. Матросов^{1,2} , Т.А. Гудач¹

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Россия, 109028, Москва, Покровский бульв., 11

²Государственный академический университет гуманитарных наук,
Россия, 119049, Москва, Мароковский пер., 26

 vam_179@mail.ru

Аннотация. В течение десятилетий многие отрасли средневековой мусульманской космологии, включая астрологию, считались недостаточно академическими и получали гораздо меньше внимания, чем заслуживали, в результате чего недостаточно хорошо изучены оказались целые научные пласты. Авторы исследования освещают один из аспектов космологической системы — подходы ученых арабо-мусульманского мира к Луне, — охватив различные традиции, регионы, эпохи (в пределах «классического» периода развития исламской средневековой науки). На базе семи трактатов и с опорой на сравнительно-типологический методы раскрыты особенности как «академической» (астрономия), так и «мистической» (астрология) школы, а также изучена попытка объединить особенности их обеих в рамках единой системы. Несмотря на то, что, казалось бы, астрология должна предполагать широкое разнообразие подходов и решений, авторам удалось показать, что в качестве самостоятельного и самоценного объекта исследований Луна встречается только у астрономов. При этом аспекты ее рассмотрения и методы научного описания широко варьируются. Астрологическая наука предполагала использование Луны лишь в качестве инструмента при построении таблиц и систем и с течением веков претерпела мало изменений. Особый интерес при проведении исследования представляло обращение к творчеству Абу-ль-Аббаса аль-Фергани (IX в.) и Абд аль-Хасана аль-Исфাহани (XIV в.), мало знакомых российскому читателю.

Ключевые слова: Лунный календарь, астрология, астрономия, арабская средневековая литература, философия

История статьи: Поступила в редакцию: 18.08.2022. Принята к публикации: 11.10.2022.

© Матросов В.А., Гудач Т.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Матросов В.А., Гудач Т.А. Эволюция воззрений на Луну в арабоязычной средневековой культуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 1. С. 81–97. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-81-97>*

Информация о финансировании. Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Evolution of the views on the Moon in Arab-speaking Medieval society

Valeriy A. Matrosov^{1,2} , Tatiana A. Gudach¹

¹National Research University “Higher School of Economics”,
11, Pokrovskiy boul., Moscow, 109028, Russia

²Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities,
26, Maronovskiy Lane, Moscow, 119049, Russia

 vam_179@mail.ru

Abstract. For decades, some branches of medieval Muslim cosmology, including astrology, were considered insufficiently academic, and commonly they received less attention than they worth, as a result, entire scientific layers turned out to be not much studied. Within the framework of this study, the authors attempted to highlight one of the aspects of the cosmological system — the approaches of scientists of the Arab-Muslim world to the Moon — covering various traditions, regions, eras (within the “classical” period of development of Islamic medieval science). On the basis of seven treatises and comparative typological methods, the features of both the “academic” (astronomy) and “mystical” (astrology) schools were revealed, and an attempt was made to combine the features of both of them within a single system. Despite the fact that, as seems, astrology should involve a wide variety of approaches and solutions, the authors managed to show that the Moon is found only among astronomers as an independent and valuable object of research. At the same time, aspects of its consideration and methods of scientific description vary widely. Astrological science assumed the use of the Moon only as a tool in the construction of tables and systems, and over the centuries has undergone little change. Of particular interest in the study was the appeal to the work of Abu al-Abbas al-Farghani (IX cent.) and Abdul-Hasan al-Isfahani (XIV cent.), little known to the Russian reader.

Keywords: lunar calendar, astrology, astronomy, Arabic Medieval literature, philosophy

Article history: Received: 18.08.2022. Accepted: 11.10.2022.

For citation: Matrosov VA., Gudach TA. Evolution of the views on the Moon in Arab-speaking Medieval society. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(1):81–97. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-81-97>

Funding. The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Введение

От народа к народу, от цивилизации к цивилизации небесные светила играли огромную роль в жизни человека. Во многом вся рутинная жизнь человека — распорядок дня и ночи, времен года, погодных явлений, — зависела от этих далеких объектов, и неудивительно, что им начали приписывать самые удивительные свойства, вплоть до возможности знать и рассказывать людям будущее. Неудивительно и то, что в ходе становления рациональной науки об окружающем мире небесные светила оказались одним из центральных объектов изучения.

Среди них обоим статусом обладала Луна. Каких только свойств ей не приписывали! Луна успела побыть и зловредным ночным антиподом Солнца, и духом-хранителем водных объектов. Она могла восприниматься и как самостоятельный персонаж, и как напрямую привязанный к солнечной системе или, например, зависящий от Солнца.

В античной традиции — и, как следствие, у арабов в Средние века, — сложилось восприятие Луны в качестве элемента единой небесной системы, в которую входили семь светил, обращавшихся вокруг Земли. При этом подходы к восприятию Луны остались весьма разнообразны и напрямую зависели от подходов к космосу в целом. Начинали формироваться два научных направления — астрономическое и астрологическое, — в рамках которых функции Луны, основные аспекты ее существования изучались и описывались совершенно по-разному.

Данная статья посвящена тому, чтобы на основе ряда источников определить, каковы были основные особенности подходов к Луне у арабоязычных авторов, живших в разные эпохи в разных уголках исламского мира. С учетом того, что многие факторы формирования менталитета мусульманских народов и сферы знаний до сих пор считаются отчасти маргинальными и описаны в академических трудах в недостаточной степени — в том числе магия, физиогномика, алхимия и, в конце концов, астрология, — собранный материал представляется достаточно интересным для широкого круга читателей.

Коротко об исламской космологии

В основе космологической системы, как ее представляли себе арабы тысячу лет назад, лежали три базиса — доисламские представления о мире, священные мусульманские тексты (Коран и хадисы) и наследие более древних культур — античной, персидской, индийской.

Что касается первой основы, то мы почти ничего не знаем о том, каким видели мир арабы. Однозначно то, что астрономия должна была быть развита в силу объективной потребности ориентироваться в пустыне в темное время суток. Вторая и третья неплохо изучены и описаны, и самое важное, что следует держать в голове — это синтез коранической догматики и достижений «инородной» мысли, который лег в основу практически всех мусульманских

наук. Несмотря на ограничения догматики ислама, арабы не только восприняли чужие традиции, но и смогли придать им новый импульс, развить их, перевести на новую стадию [1. С. 11].

Многие из обитателей городов Сирии, Ирака, Египта были персами или греками, потомками бывших подданных Византии и Сасанидского Ирана. Если учесть, что сам Коран поощрял межкультурную коммуникацию («...Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы познавали друг друга» (49:12)), все эти факторы рано и легко привели к тому, что мусульманские мыслители стали заниматься наследием других цивилизаций, и состоялся глубокий культурный и интеллектуальный контакт между мусульманско-арабским сообществом и окружающими народами.

Яркие идеи, которые легли в основу «материального» (астрономического, географического) аспекта космологии, были почерпнуты у античных классиков — вместе с медициной, алхимией и т.д. В том числе были восприняты и эзотерические факторы этой базы; в частности, по движениям звезд стали определять не только метеорологические явления, но и волю Аллаха. Несмотря на строгий коранический постулат о непостижимости воли и замысла Творца, арабы, увлекавшиеся астрологией, стали активно использовать ночное небо в практических целях. Их деятельность дополнялась разными аспектами философии Платона вкупе с идеями Аристотеля, которые смешивались с исламскими нормами, образуя весьма причудливую картину мира [2. С. 408–410].

Некоторые элементы были заимствованы из персидской науки, в частности — принципы построения таблиц зиджа, которые позволяли решать ряд важных астрономических задач [3. С. 1]. К таковым относились задачи измерения времени (от составления календарей до определения продолжительности дня и времени молитвы), нахождения географических координат места и азимута киблы, задачи вычисления положения светил небесной сферы, их соединений и противостояний, моментов восхода и захода солнца, а также моментов лунных и солнечных затмений.

Через персов арабов достигли и достижения индийской науки, в частности, идеи о лунных стоянках, о которых будет говориться позднее.

Если теперь коротко попробовать обрисовать картину мира, каким видел его образованный арабоговорящий мусульманин тысячу лет назад, мы получим примерно следующее.

Аллах сотворил Вселенную за шесть ночей, после чего вознесся на свой престол (Коран, 10:3). За две ночи, в частности, из дыма было создано небо, заполненное сферами семи небесных движущихся светил — Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна, а также там была размещена

сфера «неподвижных» (то есть всех остальных) звезд (Коран, 2:29). Небо оказалось разделено на верхнее, — на котором находится престол Аллаха, и нижнее [4. С. 19]. Замысел сотворения неба соответствовал принципу создания наилучшей среды для человека, в которой он мог бы процветать и развиваться.

Семь светил в частности каждое по-своему воздействует на Землю, разделенную на семь поясов-климатов, идея которых была заимствована из античной традиции. Хотя все светила без исключений оказывает свое влияние на всю землю, каждый из семи климатов находится под прямым управлением одного из них. Первый, самый южный, находился в юрисдикции Сатурна, второй — Юпитера, и так далее, до седьмого, лунного, климата на дальнем севере [5. С. 178–182].

Самым благоприятным для людей выступал, конечно, четвертый климат — идея срединности, золотой середины, коранической умеренности, нашли свое воплощение, объединив античные и исламские принципы. Обитатели прочих климатов в зависимости от удаленности от середины оказывались во все менее и менее благополучных условиях, что непосредственно влияло на их природу и характер, и давало широкий простор для географического детерминизма в характеристике различных народов [6. С. 3–4].

Помимо «семерок» в описании мира огромную роль играли «четверки». Например, в базовом виде четверкой считались элементы-стихии, причем в космологическом плане самым крупным их воплощением была сама Земля — сгусток тверди, омываемый кольцом Мирового океана, который окружался кольцом воздуха (атмосфера), а то — кольцом огня.

В основе «состава» живых существ, в свою очередь, лежали четыре сока-гумора, следом за климатами заимствованные у греков [7. С. 601–605]. Кровь, черная желчь, рыжая желчь и флегма определяют характер и темперамент существа, а их баланс в свою очередь зависит от воздействия семи небесных светил, особенностей климата, соотношения четырех элементов и т.д. Более того, эта система соотносится с четырьмя основными свойствами (горячесть и холодность, сухость и влажность), четырьмя временами года (зима, весна, лето, осень), четырьмя степенями старения (детство, юность, зрелость, старость).

По сути, все элементы Вселенной оказывались как бы связаны между собой системой «семерок» и «четверок», что обеспечивало постоянное взаимодействие между ними и целостность мира, подчиненного в своем единстве воле Аллаха.

Прежде чем перейти дальше, следует упомянуть одно примечательное явление исламской космологии, основанное отчасти на индийских концептах, отчасти — на собственных доисламских наблюдениях. Речь идет о лунных стоянках, как называли 28 различных положений Луны на небосводе по отношению к другим светилам. Несмотря на, казалось бы, очевидную аналогию, стоянки не связаны с месяцем лунного календаря, хотя число 28 (7+6+5+4+3+2+1) является общим и несет сакральную нагрузку ([8. С. 162]),

на которой зиждутся не только два этих астрономических явления, но и, например, хуруфийя — магия букв: в арабском алфавите их также 28.

До недавнего времени было принято считать, что мусульманские лунные стоянки являются прямыми заимствованиями из индийской, древневавилонской или китайской традиций [9. С. 7]. Однако В.А. Розов обосновывает, что несмотря на множество заимствований из других культур лунные стоянки в исламе имеют автохтонный характер [10. С. 15]. В доисламскую эпоху некими прототипами лунных стоянок можно считать представления о существовании «*анва*», которые представляли собой «набор» погодно-климатических примет, ассоциировавшихся «с периодом видимого в предзакатных сумерках восхода и захода ярких звезд» [10. С. 12]. Это определило основную цель разработки системы лунных стоянок — не наблюдение за перемещениями Луны как таковыми (как у индийцев; [9. С. 703–704]), а вычисление времени восхода или захода какой-либо звезды по отношению к восходу Солнца.

У всех 28 стоянок «оригинальные» арабские названия, встречающиеся еще в доисламском фольклоре; при их классификации, их делят на две группы — привязанные к северным созвездиям и к южным, — и начинают отсчет с северных.

Астрономия и астрология в мусульманской культуре

На протяжении нескольких столетий астрономия и астрология представляли собой фактически одно целое, выступали в качестве двух аспектов большой космологии, и лишь к XV в. их пути окончательно разошлись из-за разницы в целях, методах, подходах. Более того, астрономия как наука также разделилась на «научную» и «народную», где основной задачей первой стало изучение Вселенной и ее компонентов — звезд, сфер и т.д., а второй — расчет священного месяца Рамадан и прочие действия, связанные с составлением почасового графика и годового календаря [11. С. 185]. Во многом «народная» астрономия опиралась на доисламские метеорологические и прогностические практики, и она и стала одним из столпов астрологии.

Вторым источником астрологии, как уже упоминалось выше, была «инородная» (античная, персидская, индийская) традиция. В принципе, цели античных и доисламских практик совпадали: определение судьбы человека или предсказание явления с тем, чтобы была возможность изменить что-то в пользу или во вред, управлять будущим. С точки зрения догматического ислама это, конечно, входит в категорию *харам*, так как она (точнее, попытки предсказать будущее и управлять им) подвергает сомнению абсолютное превосходство Аллаха и ставит Его творения выше Него Самого. Только «у него ключи сокровенного; не знает их никто, кроме Него» (6:59). Пророк Мухаммад также говорил, что тот, кто заимствует знание от звезд, заимствует часть колдовства (3905-й хадис у Абу Дауда).

Примирением между исламом и астрологами в начале XI в. активно занялся великий Ибн Сина, который, по сути, переформулировал в мусульманском контексте идею аристотелевских нисходящих причин: каждая вещь и явление обусловлены причиной, над которыми стоит первопричина. Первопричина — разумеется, сам Всевышний Аллах, зато небесные светила могут в таком контексте выступать причинами «второго сорта», одновременно обуславливая целесообразность астрологии и не подвергая сомнению всемогущество Творца [11. С. 187]. Дальнейшие рассуждения Ибн Сины, фактически инкорпорировавшего в ислам неоплатоническую идею эманации Бога, только закрепили этот тезис. И хотя многие ученые не были согласны с астрологическими методами (великий Ибн Хальдун отнесет астрологию к числу глупых занятий, разрушающих общество; [11. С. 186]), определенный «космологический аргумент» у них все же был.

Астрология, в отличие от астрономии, в качестве центральных агентов небесного мира выделяет не только семь великих светил, но и двенадцать знаков зодиака. Они выступают в качестве прямых связующих между небом и человеком. В свою очередь они соотносятся с какой-либо из стихий, качеством, временем года, темпераментом, планетой-управленцем. Если кратко суммировать эти классификации, мы получим следующее (табл. 1).

Таблица 1

Созвездие	Планета-управитель	Элемент	Четверти-квадранты по темпераменту, свойству, времени года
Овен	Марс	Огненный	Сангвинический весенний влажный квадрант
Телец	Венера	Земной	
Близнецы	Меркурий	Воздушный	
Рак	Луна	Водный	Летний холерический горячий квадрант
Лев	Солнце	Огненный	
Дева	Меркурий	Земной	
Весы	Венера	Воздушный	Осенний меланхолический сухой квадрант
Скорпион	Марс	Водный	
Стрелец	Юпитер	Огненный	
Козерог	Сатурн	Земной	Зимний флегматический холодный квадрант
Водолей	Сатурн	Воздушный	
Рыбы	Юпитер	Водный	

Тем самым при рождении человек в зависимости от дня и месяца своего рождения оказывается «привязан» к тому или иному знаку зодиака, который и определяет черты его характера. Наряду с ним натальная карта человека

дополняется двенадцатью астрологическими «домами», каждый из которых дает подробную карту с описанием особенностей человека практически во всех сферах его жизни. Вместе с лунными стоянками такая картина формирует полноценную систему расчета особенностей жизни того или иного человека.

На примере семи трактатов различного характера ниже будет рассказано о том, как с астрологического и астрономического подходов анализировалась роль Луны в арабо-мусульманской космологии.

Луна в трактатах астрологов

Первой из интересующих нас работ выступает краткая версия «Введения в науку о звездах» Абу Машара (787–886), одного из величайших звездочетов эпохи ранних Аббасидов. В его работе Луна фигурирует абсолютно во всех семи частях.

По большей части, ее упоминание предполагает лишь задействование ее в качестве астрологического инструмента при вычислении градуса расположения, оценке влияния соединения с другими планетами и т.д. Помимо этого, присутствует пространный комментарий о роли лунных стоянок, причем без какого-либо их перечисления или глубокого анализа явления (точно так же, например, комментарий по поводу лунного затмения не снабжен описанием этого явления) [12. С. 1–18].

Оценивая Луну с точки зрения благоприятности для человека, Абу Машар приходит к выводу, что хотя в целом это светило, приносящее счастье, в ряде ситуаций соединения с другими небесными телами Луна может влиять и далеко не благотворно.

В одноименном «Введении в науку о звездах» аль-Кабиси, целью которого ставилось доведение прежде имевшихся в мусульманском мире знаний до состояния некоторой полноты, роль Луны несколько меньше.

Конечно, работа аль-Кабиси более четко структурирована (первая глава посвящена эссенциальным и акцидентальным состояниям зодиака, вторая — природе семи планет, третья — природе их взаимодействия, четвертая — пояснению ряда терминов, пятая — жребиям). Конечно, появляются новые характеристики, астрономические (Луна — самое быстрое из семи светил) и астрологические (сферы «ответственности» Луны за профессии, болезни, физические качества, растения и т.д.) [13. С. 1–106].

Однако при этом практически исчезают даже упомянутые выше фрагменты, связанные с лунными стоянками и затмениями. Луна аль-Кабиси — максимально конкретный, точечный астрологический элемент, объект рассмотрения при составлении натальных карт, и не более того.

«Книга чудес» Абд аль-Хасана аль-Исфахани, написанная, вероятно, в самом конце XIV в. на несколько столетий отстоит от трудов Абу Машара и аль-Кабиси, и за эти века астрономия и астрология не могли не сделать существенный шаг вперед. Трактат, написанный, вероятно, по заказу двора Джалаиридов, впрочем, опирается и на сочинения Абу Машара (впрочем, не было в то время астрологов, не отталкивавшихся от его творчества), и на античных классиков — Птолемея, Доротея Сидонского и т.д.

Дошедшая до нас рукопись, имеющаяся в открытом доступе и датированная 1390 г., представляет собой крупный пласт астрологических и магических текстов, сдобренный огромным количеством иллюстративного материала, причем не только в русле повествования текста, но и связанного с отвлеченными темами (в основном, почерпнутыми из литературы «диковинок»-‘аджа’иб). Структура трактата, если отвлечься от миниатюр, предполагает четыре части, составляющих единую колдовскую концепцию. Первая часть посвящена вопросам вхождения светил в знаки зодиака, вторая — природе светил, третья — вопросам взаимоотношения между светилами. Четвертая часть немного отстоит от первых трех и посвящена хуруфийе — магии букв.

Примечательно то, что текст практически не содержит теоретическую базу. В его основе — таблицы, которые служат наглядным руководством для составления натальных карт и позволяют просчитать практически каждый день жизни человека, отталкиваясь от положения небесных светил.

В таком контексте Луна, как и в предыдущих двух примерах, практически теряет самостоятельное значение, превращаясь в один из инструментов. За исключением краткого комментария о природе лунных стоянок (а заодно — о возрастании и сокращении видимой части поверхности Луны), она служит не более чем одним из параметров в многочисленных таблицах, позволяющих выяснить, какие действия являются «поощряемыми», «нейтральными» или «порицаемыми» при том или ином сочетании небесных светил [14. С. 18–63]. Для наглядности можно привести пример подобной таблицы 2 [14. С. 120].

Таблица 2

Удача при встрече с властью, при покупке недвижимости и ведении сельского хозяйства	$\frac{1}{6}$	
Предосудительно в это время заниматься гаданием или кочевать [по пустыне], а также отводить воды рек каналами	$\frac{1}{4}$	
Хорошее время для производства колес, ношения чего-то нового и охоты	$\frac{1}{3}$	Связь Луны с Сатурном
Предосудительно для выполнения какой-либо работы, хорошее время для приема пищи и мошенничества	Противостояние	
Предосудительно, чтобы [в это время] срок годности негодного имущества заканчивался и сильно мешал [прочим] делам.	Соединение	

Интересно, что несколько веков развития астрологической традиции привели к тому, что каждое небесное тело по отдельности перестало восприниматься в качестве самоцельного объекта исследования. Строгая привязка астрологов к практическому значению их работы как бы подавила специфику каждого конкретного небесного тела, в большей степени заставив авторов средневековых трактатов сосредоточиться на универсальных явлениях.

Совсем иная картина наблюдалась в более академической астрономии.

Луна в трактатах астрономов и космографов

Во времена расцвета астрологии при Аббасидах процветания достигла и астрономия, имевшая более академический толк и связанная в большей степени с наблюдением за небесными светилами для выяснения их характеристик и свойств. Одним из ярчайших примеров подобного рода исследователей можно считать Абу-ль-Аббаса аль-Фергани (ок. 798–861), известного в латиноязычной Европе под именем Альфрангануса [15. С. 142]. Его «Книга о небесных движениях и свод науки о звездах», сочиненная с опорой на «Альмагест» Птолемея, содержит многочисленные наблюдения (притом без излишних математических исчислений, которые бы затрудняли восприятие материала), в том числе — за Луной.

Из 30 глав работы как минимум пять посвящены Луне. Помимо этого, некоторые главы затрагивают ее в связке с другими небесными светилами — например, 22-я глава, в которой аль-Фергани рассказывает о размерах небесных светил, указывая на то, что Луна — одно из самых маленьких из них (меньше лишь Меркурий).

20-я глава посвящена лунным стоянкам, причем примечательно, что, указывая их количество (28), великий астроном перечисляет лишь 26 из них, очевидно по какой-то невнимательности опуская два [16. С. 138–141]. Не менее интересно и то, что некоторые стоянки перепутаны местами или имеют далекие от канонических наименования. Очевидно, данный аспект лунного существования играл для аль-Фергани важную, но не ключевую роль в деле понимания функционирования космоса.

В 25-й главе астроном останавливается на лунном цикле, подробно разворачивая описание и объяснение собственно фаз с процессом нарастания или убывания света Луны и площади видимой ей поверхности, а также сопутствующих процессов — например, новолуния. 27-я глава дает представление о параллаксах Луны, то есть объясняется угол ее смещения, относительно которого виден земной радиус с определенного небесного тела. В 28-й главе речь идет исключительно о лунном затмении, в 30-й — о вычислении промежутка времени, проходящего между лунным и солнечным затмениями [16. С. 145–191].

Аль-Фергани как бы задал основные тренды описания Луны, в рамках которых в дальнейшем развивалась астрономическая традиция, выделил основные аспекты ее бытования. И поскольку в дальнейшем в подобного рода трактатах едва ли имелось что-то сугубо отличное от подобного подхода, далее имеет смысл обратиться к литературе несколько более широкого толка — к космографическим трактатам и поздним энциклопедиям, в которых заложенная астрономами система должна была выдержать испытание на прочность, заняв свое место в единой большой системе описания и рефлексирования Вселенной.

Классикой мусульманской космографии, безусловно, выступают «Чудеса творений и диковинки существующего» Закарийи аль-Казвини (1203–1283). Первая часть этого монументального труда, дающего представление о классификации и взаимосвязи всех сотворенных Аллахом существ, посвящена «надземному» миру — то есть, небесам. И практически сразу, после краткого вводного раздела, дающего понятие о том, что такое небесные сферы (тела, по которым движутся светила, нечто вроде «слоев» Вселенной), автор переходит к разбору Луны — самого близкого к Земле тела. Довольно бегло пробегаясь по физическим параметрам и границам лунной сферы, аль-Казвини сосредотачивает внимание на взаимодействии Луны с земной поверхностью и человеком, выделяя при этом несколько основных сюжетов [17. С. 12–18].

Первое воздействие Луны, о котором рассказывает аль-Казвини, связано с приливами и отливами в море. Прилив в море продолжается до тех пор, пока Луна не достигает середины неба. В момент достижения Луной середины прилив прекращается. После пересечения Луной середины неба начинается отлив, и он продолжается до тех пор, пока Луна не заходит за горизонт. В момент захода Луны за горизонт прекращается и отлив. После захода Луны начинается второй, более слабый, прилив, и он продолжается до тех пор, пока Луна не достигает Столпа Земли, то есть не оказывается на оси, перпендикулярной центру Земли и противоположной Середине неба — под Землей.

Аль-Казвини пишет о благоприятном и неблагоприятном воздействии Луны, прямо как астрологи, но дает обоснование не в рамках соединения Луны с другими светилами и их соотношения на небесах, а простым разделением хода Луны на «возрастающую» и «убывающую» стадии, где первая отвечает за все благополучное, вторая — наоборот. Интересно, что воздействия Луны были отмечены, по словам аль-Казвини, не только учеными, но и медиками, горнодобытчиками, рыбаками и земледельцами [17. С. 19–22].

Такой дуалистический четкий подход позволяет показать Луну в рамках космологической системы не просто как астрономический объект, но как объект климатический, влияющий на земную среду и на земных

же обитателей. Однако подход аль-Казвини невозможно сравнить с подходами астрологов, его интересуют совсем другие аспекты бытования Луны и совсем другие уровни ее воздействия на окружающие объекты, что, в частности, и делает «Чудеса творений» примером академической литературы. Но прежде, чем завершить рассказ об этой литературной среде, следует упомянуть и еще одну разновидность научной литературы — энциклопедии.

Труд Ан-Нувайри Шихаб ад-Дина Ахмеда ибн аль-Ваххаба аль-Бакри «Предел желаний относительно дисциплин адаба» был посвящен девятому мамлюкскому султану Египта ал-Малику ан-Насиру (1285–1341). Книга была написана в жанре монументальной энциклопедии, главной ее целью было объединение всех гуманитарных знаний для воспитания первоклассного катиба. Работу над этой энциклопедией ан-Нувайри продолжал двадцать лет вплоть до своей смерти.

Трактат, современное полное издание которого занимает 33 печатных тома, разделен на пять «искусств» — фаннов. Каждый фанн делится на пять частей-аксам, каждая часть — на главы-фусуль. Наиболее обширен пятый фанн, искусство познания истории, первые же четыре связаны с естественными областями — с небом и землей, с человеком, с животными, с растениями.

Источники ан-Нувайри, который не был профессиональным астрономом, включают литературные произведения, богословские труды и даже фольклор, поэтому и информация, приводимая им о Луне, отличается большим разнообразием. Изначально свет Луны был таким же, как и у Солнца, и именно поэтому «нельзя было отличить ночь ото дня». Но после того, как «Всевышний повелел Джибрилю пройти над ней, [махнув] своим крылом, он прошел над ней и стер [часть] ее», создав темную часть Луны». Здесь имеется в виду скрытая от глаз «темная» часть Луны. И сам сюжет представляет собой попытку объяснения лунных фаз, только не совсем астрономическую [18. С. 43].

Далее автор рассказывает о состояниях Луны более подробно. Первое состояние — полумесяц, который появляется на западе первого числа лунного месяца. Второе состояние буквально описывается как борьба лунного света над тьмой, продолжающаяся до седьмого дня месяца. Третье состояние — это состояние «полной Луны», или же полнолуния. В этом состоянии ее называют «красавицей» (ар. бадр), потому что она достигает своего совершенства и наполняется светом. Происходит это в ходе тринадцатой ночи, которая называется также «ночью равенства», потому что Луна достигает своего среднего состояния. Четвертое состояние наступает на двадцать вторую ночь месяца и продолжается до двадцать седьмой ночи, и во время нее темнота одолевает свет. Пятое состояние — это время сокрытия Луны в лучах Солнца.

Энциклопедист довольно подробно рассказывает о ночах лунного месяца, вновь проходя по тому же циклу фаз. Названия ночей он дает в следующей последовательности. «...первые три из них — называются «началом» (ар. гуар), вторые [три] — «[ночами] падающих звезд» (ар. шухаб), третьи [три] — «сияющими [ночами]» (ар. зухр), четвертые [три] — «ослепительными [ночами]» (ар. бухр), пятые [три] — «белыми [ночами]» (ар. бид), шестые [три] — «[ночами,] покрытыми тенью» (ар. дура'), седьмые [три] — «сумрачными [ночами]» (ар. ханадис), восьмые [три] — «темными [ночами]» (ар. зулам), девяты [три] — «мрачными [ночами]» (ар. да'ад), десятые две ночи — ночь конца месяца (ар. михак) и тайная ночь (ар. сирар). Также 28-я ночь, первая ночь конца месяца, именуется «непроглядной» (ар. ад-да'джа'), 29-я — «беспросветной» (ар. ад-дахма'). Ее же называют и ночью освобождения, ведь в [эту ночь] Луна [начинает] избавляться от Солнца» [18. С. 43–44].

Предпоследняя глава о Луне рассказывает о негативных влияниях, причиной которых она является. В частности, свет Полумесяца может стать причиной разрушения жизни, тусклости цветов; мясо животных, выставленное под его свет, теряет свой изначальный вкус и запах. Если человек спит под лучами лунного света, то его тело становится подверженным расслаблению и лени. Также он чувствует холод, в крайнем случае, озноб и головную боль [18. С. 49–50].

Последняя подглава о Луне посвящена лунопоклонникам. Это индийцы, и их называют хадербекти. Луна для них — один из ангелов, который управляет этим миром, и поэтому заслуживает почитания и поклонения с их стороны. По ее убыванию и возрастанию они определяли время. В принципе, на этом информативная часть касательно Луны а ан-Нувайри заканчивается [18. С. 50–51].

«Серьезная» академическая литература имела значительно больше направлений, жанров, подходов, чем литература чисто астрологического толка, и то, как описывается Луна в трактатах аль-Фергани, аль-Казвини и ан-Нувайри — прекрасный тому пример. Примечательно то, что в каждом из трех случаев Луна имеет значительно больше акцента и самооценности, чем в астрологических трудах. Даже у Закарийи аль-Казвини, чей подход в чем-то схож с астрологическим, описание Луны намного более внятно и фактурно.

Ни тот, ни другой: Луна в творчестве аль-Бируни

Седьмым ученым, который представляет принципиальный интерес в данном исследовании, является Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни. Он родился в городе Кят, древней столице Хорезма, в 973 году, а скончался

в Газни в 1048 году. Сферами научного интереса, помимо астрономии, являлись история, философия, социология, культура, математика, география, медицина, минералогия, геодезия и многое другое. Его вклад в развитие общемировой науки невозможно переоценить. Благодаря кропотливой работе он набрал огромное количество материала и написал около 180 книг на арабском и персидском языках.

В рамках данного исследования важны его астрономические изыскания, которые он зафиксировал во многих книгах, в первую очередь — в «Книге вразумлений начаткам науки о звездах». Сама книга представляла собой учебное пособие для начального изучения тех наук, которые являлись обязательными для астрологов и астрономов. О ее распространенности в средние века говорит то, что многие ученые средневековья ссылались на труд аль-Бируни, и что сохранилось большое число его рукописей. В числе разделов этой книги для нас интерес представляют три — «Астрономия», «Астрономическая астрология», «Астрология».

Примечательно, что Аль-Бируни считал астрологию лженаукой, не веря, что небесные светила могут повлиять на судьбы людей, и видел противоречия догм и астрологических предсказаний. Подробно свое отношение к астрологии он сформулировал в трактате «Предостережение против искусства обмана приговоров звезд». Однако несмотря на свое однозначное отношение к астрологии, он сам продолжал составлять астрологические предсказания для людей, от которых финансово зависел.

В астрономических частях трактата аль-Бируни рассматривает Луну как небесное светило, входящее в большую «семерку», но не выступающее при этом в качестве планеты, так как центр тяжести Луны относительно Земли иной, чем у других светил. Он описывает процесс нарастания и убывания лунного света и заодно размышляет о природе его и об источнике (Солнце ли освещает Луну, или она сама по себе имеет способность светиться) [19. С. 74–76]. Затем он переключает внимание на лунные стоянки, перечисляя их по названию и описывая процесс восхождения каждой стоянки. Далее автор приводит физические параметры Луны: расстояние по отношению к Солнцу и Земле, широту, величину диаметра по отношению к диаметру Солнца и Земли [19. С. 96–117].

С астрологической же точки зрения подход аль-Бируни мало отличается от подходов Абу Машара и аль-Кабиси. Только в отличие от них, он, имея существенный астрономический бэкграунд, тщательнее структурирует текст и поднимает нетривиальные вопросы. Например, вынося в отдельный раздел описание процесса затмения со схемами и рисунками, автор задается вопросом о том, как видят затмение обитатели разных уголков планеты.

По аль-Бируни, Луна — женское ночное небесное светило, обладающее холодным и влажным темпераментом и относящееся к благоприятным пла-

нетам с указанием на то, что ее положение по отношению к другим светилам быстро меняется вследствие быстрого движения. Поэтому она может быть и не совсем благоприятной. Ее символизируют такие вкусы и запахи, как соленость, кислотность и легкую горечь. С точки зрения цвета Луна отвечает за синий, белый, либо их глубокие оттенки, либо смешанные с красновато-желтым, она умеренно блестящая. Из знаков зодиака она соответствует Тельцу. Из климатов она отвечает за седьмой, из часов — за каждый четвертый час в сутках [19. С. 122–180].

Примечательно, что в трактате имеется много отсылок к научным достижениям индийцев. Сам вопрос о том, что Луна одновременно может выступать как благоприятной, так и нет, возможно, аль-Бируни почерпнул не только у арабских астрологов, но и у них. Но если Абу Машар и аль-Кабиси связывали это с соотношением с другими планетами, а индийцы — с декадой месяца (первые десять дней месяца Луна нейтральна, следующие десять — благоприятна, последние десять — зловеща), то для аль-Бируни именно вопрос скорости и пересечения тех или иных элементов орбиты выступает в качестве основополагающего [19. С. 181–182].

Стоит отметить, что у аль-Бируни приведено больше всего информации о том, каковы «лунные» страны, входящие в седьмой климат, что они символизируют. Приводятся места и местности, металлы, руды, драгоценные камни, злаки и плоды, деревья, растения, животные, птицы, элементы природы и жидкости, части человеческого тела, внутренние органы человеческого тела, части головы, чувства, парные элементы тела, возраст человека, родственников человека и их указания на фигуру и лицо, нравы и хорошие манеры людей, действия, побуждения, недостатки и болезни (с подчеркиваем класса людей), религии и их изображения [19. С. 185–197].

Заключение

В рамках исследования рассмотрены семь трактатов, семь работ, так или иначе связанные с Луной. Три из них носили чисто астрологический характер, три относились к условно обозначенной «серьезной академической» традиции, седьмой включал особенности и той, и другой.

Забавно, что астрологи, подробнее всего описывавшие характер Луны в почти персонифицированном виде, относившие к ней многочисленные свойства, качества, зоны ответственности, уделяли ей внимания не больше, чем другим светилам. Изучение Луны и ее характеристик для них являлось не столько самоцелью или самоценной возможностью, сколько инструментом при построении натальных карт и таблиц, все изыскания как бы обслуживали практическую сторону вопроса.

Напротив, «академическая» традиция породила целую плеяду методик и подходов, позволявших рассматривать Луну как самоценное небесное тело. Ее близкое положение к Земле и то влияние, которое она оказывала не просто на жизнь людей, а на целые страны и на планету в целом, волновало ученых в самых разных проявлениях научной традиции.

Наконец, особняком нельзя не поставить работу аль-Бируни, который выступал как бы в обеих ипостасях. «Астрономический» раздел его трактата является довольно предсказуемым, зато астрологические изыскания, в основу методик которых ложатся астрономические выкладки, представляют собой совершенно уникальный пример текста, в рамках которого две позиции как бы сливаются. И на примере творчества аль-Бируни довольно очевидно, что условное разделение науки о небесах на теоретическую астрономию и прикладную астрологию не так однозначно и топорно, как то могло показаться прежде.

Библиографический список

1. *Меу А.* Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1973.
2. *Pepen Irpan. F., Khoirul Fata A.* Hellenism in Islam: The Influence of Greek in Islamic Scientific Tradition // *Episteme*. 2018. Vol. 13. N 2. P. 407–432. <https://doi.org/10.21274/epis.2018.13.2.407-432>
3. *Bhat A.M.* Philosophical paradigm of Islamic cosmology. // *Philosophical Papers and Review*. 2016. Vol. 7(2), pp. 13-21. <https://doi.org/10.5897/PPR2015.0135>
4. *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М.: Наука, 1991.
5. Арабские источники VII–X вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 1. / ред. В.И. Беляева и Д.А. Ольдерогге. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960.
6. *Коновалова И.Г.* Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии // *Международный журнал исследований культуры*. 2015. № 4. С. 73–84.
7. *Ormos I.* The Theory of Humours in Islam (Avicenna). URL: <https://www.jstor.org/stable/25802633> (дата обращения: 28.08.2022).
8. *Nasr S.H.* An Introduction to Islamic Cosmological Doctrines, Bath: The Pitman Press, 1978.
9. *Varisco D.M.* The Origin of the anwā in the Arab Tradition. URL: <https://www.jstor.org/stable/1595894> (дата обращения: 22.03.2022).
10. Ибн Кутайба ад-Динвари, Абу Ма'шар. Книга лунных стоянок / пер. В.А. Розов. СПб: Академия исследования культуры, 2021.
11. *Camptom N.* Astrology and Cosmology in the World's Religions, New York, London: New York University Press, 2012.
12. *Абу Маашар.* Краткое введение в науку о приговорах звезд / пер. А. Тимашев. СПб., 2000.
13. *Al-Qabisi.* The Introduction to Astrology / trans. C. Burnett, K. Yamamoto, M.Yano. London-Turin: The Warburg Institute-Nino Aragno Editor., 2004.
14. *Абд аль-Хасан аль-Исфাহани.* Китаб аль-Бульхан. 1390. URL: <https://archive.org/details/KitabAlBulhan> (дата обращения: 22.04.2022).
15. *Abdukhaliimov B.* Ahmad al-Farghani and his Compendium of Astrology // *Journal of Islamic Studies*. 1999. Vol. 10. № 2. P. 142–158.

16. *Абу-ль-Аббас Ахмад ибн Мухаммад аль-Фергани*. Китаб аль-Джамави илм ан-Нуджум ва Усул аль-Хина. URL: https://archive.org/details/20200726_20200726_0055/mode/2up (дата обращения: 22.04.2022).
17. *Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie* / her. F. Wüstenfeld. In 2 Theiler. Erster Theil. Die Wunder der Schöpfung. Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1848.
18. *Ан-Нувайри Шихаб ад-Дин*. Нихайат аль-Араб фи Фунун аль-Адаб. Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-‘Ильмия, 2012.
19. *Беруни Абу Райхан*. Книга вразумлений начаткам науки о звездах / пер. Б.А. Розенфельд, А. Ахмедов: Ташкент: Фан, 1975.

Информация об авторах:

Матросов Валерий Анатольевич — преподаватель, Школа востоковедения, Национальный Исследовательский Университет, Высшая Школа Экономики, Восточного факультета Государственного академического университет гуманитарных наук, e-mail: vam_179@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3316-0444

Гудач Татьяна Александровна — бакалавр востоковедения, выпускница Школы востоковедения Исследовательского Университета Высшая Школа Экономики, e-mail: tatianagudach@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-1-98-107

Научная статья / Research article

«Ат-таварих ар-русум ад-дагестанийя»¹: кодификация обычного права в Дагестанской области

И.А. Чмилевская

Институт востоковедения Российской академии наук,
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12

 ilonach1905@mail.ru

Аннотация. После вхождения территорий Северного Кавказа в состав Российской империи и образования Дагестанской области в 1861 г. перед колониальными властями встал вопрос о распространении в регионе общеимперских правовых норм и судебной системы. Было принято решение обратиться к имевшему популярность среди населения обычному праву (араб. *'адат*) и на его основании составить единый правовой кодекс. До нас дошли две арабоязычные рукописи и один русскоязычный документ, предположительно, представляющие собой попытки кодификации *'ада́та*. Цель исследования — сопоставить тексты при помощи историко-текстологического анализа и определить, какие правовые системы отразились в «Ат-таварих ар-русум ад-дагестанийя», а также каким образом имперские власти манипулировали ими и каков был итог взаимодействия локальных форм права и колониальных. В результате исследования было выявлено, что созданные российскими чиновниками документы включали в себя не только *'адатные* нормы жителей Северного Кавказа, но и отсылки к имперской правовой системе и *шари'ату*. Несмотря на распространение судов по обычному праву в области, мы не находим подтверждений использования в них рассматриваемых кодексов, что, вероятно связано с их непопулярностью по причине значительных расхождений с локальными нормами *'ада́та*.

Ключевые слова: кодификация, обычное право, арабоязычная рукопись, Дагестанская область, Российская империя, колониальное управление

История статьи: Поступила в редакцию: 26.08.2022. Принята к публикации: 14.10.2022.

¹ Рукопись хранится в ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд 5. Оп. 1. Д. 64. Инф. 280. Работа велась с оцифрованной копией.

Для цитирования: Чмилевская И.А. «Ат-таварих ар-русум ад-дагестанийя»: кодификация обычного права в Дагестанской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 1. С. 98–107. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-98-107>

«At-tavarikh ar-rusum ad-dagistania»²: codification of Customary law in the Dagestan Province

I.A. Chmilevskaya

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka St, Moscow, Russian Federation, 107031

 ilonach1905@mail.ru

Abstract. When the territories of the North Caucasus became part of the Russian Empire and Dagestan Province was formed in 1861, the colonial authorities faced the necessity of the spread of common legal norms and the judicial system in the region. It was decided to turn to the Customary law, which was popular enough among the population (Arabic. *'adat*) and on its basis to draw up a unified legal code. Two Arabic-language manuscripts and one Russian-language document have come down to nowadays, presumably representing attempts to codify *'adat*. The purpose of the article is to review and compare texts using historical and textual analysis answering following questions: what legal systems are reflected in the «At-tavarikh ar-rusum ad-dagistania»? How did the imperial authorities manipulate them and what was the result of the interaction of local forms of law and colonial ones? As a result of the study, it was revealed that the documents created by Russian officials included not only the legal norms of the residents of North Caucasus, but also references to the imperial legal system and *shari'a*. Despite the proliferation of courts under customary law in the region, we do not find evidence of the use of the codes in question in them, which is probably due to their unpopularity due to significant discrepancies with local *'adat* norms.

Keywords: codification, Customary law, Arabic-language manuscript, Dagestan region, Russian Empire, colonial administration

Article history: Received: 26.08.2022. Accepted: 14.10.2022.

For citation: Chmilevskaya IA. «At-tavarikh ar-rusum ad-dagistania»: codification of Customary law in the Dagestan Province. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(1):98–107. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-98-107>

Введение

Задолго до проникновения Российской империи на Северный Кавказ в регионе сосуществовали две правовые системы: *'adat* [подробнее об особенностях функционирования обычного права в Дагестане см. 1] и *шари'ат*. И если нормы *шари'ата* в различных политических образованиях

² The manuscript is kept at the ИНАЕ DFRC RAS. Foundation 5. Op. 1. D. 64. Inf. 280. The study was carried out with a digitized copy.

Дагестана были похожими, то нормы *'adama* могли существенно отличаться даже у двух близлежащих селений. Несмотря, сложившееся в исследовательской литературе клише о том, что *'adat* представляет собой застывшую во времени и неизменную систему, основанную на древних доисламских обычаях [2. С. 40], многие найденные нами арабоязычные источники говорят об обратном: *'adat* являл собой довольно гибкую систему и изменялся в соответствии с текущими запросами общины, дополняя *шари'ат*, а также включая в себя нормы последнего. Таким образом, к середине XIX в. нормы двух правовых систем тесно сплелись между собой, образовав гибрид.

В дагестанском обществе нередко возникала полемика относительно дозволенности следования нормам *'adama*, первым ее зачинателем выступил дагестанский ученый-алим Хаджи Мухаммад ал-Кудуки (1652–1717) [о полемике вокруг обычного права см. 3]. Полемика достигла апогея во время Кавказской войны (1817–1864): один из сподвижников Имама Шамиля (1797–1871), Мухаммад Тахир ал-Карахи (ум. 1880) называл обычное право «собранием диванов рабов побитого камнем изменника» [4. С. 36–37]. Однако после присоединения Северного Кавказа к Российской империи колониальные власти в рамках военно-народного управления [подробнее о военно-народном управлении в Дагестане см. 5. С. 30–36] обратились именно к обычному праву, стремясь сделать переход к судопроизводству по имперским законам наиболее мягким. Так, поскольку *'adat* был подвижной системой, который, как предполагалось, мог корректироваться для удобства колониальной администрации без противостояния населения, были предприняты попытки по кодификации обычного права, так сильно разнившегося от селения к селению. Обращение к нормам *'adama* также было связано с опасением обращения к *шари'ату* после недавно окончившейся Кавказской войны [6. С. 7].

Для российской колониальной администрации опыт кодификации законодательства на базе обычного права не был новым. Схожие процессы шли в Казахской степи, где в XVIII в. российские власти пытались унифицировать местное обычное право кочевников-казахов, по возможности полностью воссоздав общеказахский свод адатных норм правившего в конце XVII — начале XVIII в. хана Тауке по материалам устных опросов и записей [7. С. 7–8]. На территориях Казахской степи и Центральной Азии был создан первый правовой гибрид, который давал возможность местным жителям рассматривать свои дела как по *'адату* и *шари'ату*, так и по российскому праву. Российские власти разрешали подданным колоний представлять дела как в адатных, так и шариатских судах, надеясь со временем убедить их действовать в рамках российской правовой системы [8. С. 691]. Не ясно, насколько в кейсе военно-народного управления Дагестанской области использовался опыт кодификации *'адатов* в Казахской степи, но явные параллели между обоими кейсами прослеживаются.

Об источниках

До нас дошли три текста, которые с уверенностью можно назвать законопроектами кодификации и унификации обычного права горцев. Первый составлен на арабском языке и написан в 1870 г. Позднее, в 1920 г., с этого текста была сделана идентичная ему копия. Третий текст опубликован на русском языке. В сборнике документов «Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.» Х.-М.О. Хашаев впервые напечатал русский дореволюционный текст, в котором он увидел перевод арабоязычного списка 1870 г. Во вступительной статье ко второму изданию обоих текстов Г.М.-Р. Оразаев предполагает, что русский текст был пересказан начальником военно-народного управления в Дагестане генералом А.В. Комаровым для нужд российской империи [5. С. 118]. Однако при сравнении русского и арабского текстов нельзя не заметить, что они не совпадают полностью. В сборнике Хашаева памятник именуется «Адатами шамхальсва Тарковского и ханства Мехтулинского», что очевидно является следствием подлога, совершенного автором, поскольку, как видно из текста рукописи, сборник не имеет отношения к этим политическим образованиям.

В статье велась работа с неопубликованным списком рукописи 1920 г. Исследуемый источник имеет приписанное арабоязычное заглавие «*Ам-таварих ар-русум ад-дагестанийя*»³. В Дагестане слово *таварих* означало нарративные памятные записи, в том числе нормы *'адата*. Конец заголовка *ар-русум ад-дагестанийя* говорит о дагестанском обычном праве в общем, без отсылки к конкретному владению или союзу общин. Мы предлагаем именовать его «Исторические записи дагестанского обычного права». Рукопись занимает 20 листов в тетрадке форматом 13×19 см, на каждой странице в среднем 20 строк. На страницах рукописи имеется постраничная пагинация и кустоды. Переплет отсутствует. Текст переписан мелким неряшливым почерком *насх* синими чернилами на тонкой, матовой, светло-коричневой фабричной бумаге российского производства. В колофоне присутствует информация о дате переписки — 17 августа 1338 г.х./17 августа 1920 г. и переписчике 'Абд ар-Рахман ал-Джунгути ал-Кубра, т.е. из кумыкского селения Нижний Дженгутай в Темир-Хан-Шуринском округе Дагестана.

'Адат, шару'ат и имперский закон в текстах кодификации

При сравнении с другими используемыми нормативными источниками легко заметить, что «Исторические записи дагестанского обычного права» значительно отличаются от дороссийских адатных тетрадей. Дороссийские сборники *'адата* имеют ряд особенностей: судебники ориентированы на те-

³ В заголовке допущена грамматическая ошибка: первый член идафы имеет артикль.

кущие нужды общины, они не рассматривают иски с участием иноверцев и иноземцев за пределами *джама'ата* и более крупных политических объединений. Также в каждом сборнике присутствует акцент на экстерриториальности права: порицается выход из общины, передача имущества членам другого общества или обращение к судьям чужого селения. Для этих кодексов характерна хаотичность и отсутствие логического деления норм, что связано, вероятно, с тем, что они создавались в ходе объединения разрозненных записей-прецедентов — *таварих* и *иттифак*. Тем не менее, постепенная рецепция *шари'ата*, возникшая в ходе исламизации общества и усиления шариатского движения, очевидна: *'адат* дублирует разделы преступлений по *фикху*, при этом адаптируя их под особенности и нужды общины. Исследуемый же источник «*Ат-таварих ар-русум ад-дагестанийя*» кодифицирован наподобие законов Российской империи и разделен на главы и разделы по типам и тяжести преступлений. Общедагестанский характер рукописи, отраженный в ее названии, равно как и время создания позволяет предположить, что это был проект кодификации обычного права дагестанцев чиновниками Российской империи. Первый список рукописи 1870 г., вероятно, был написан *кади* на русской службе в ответ на заказ военных властей.

Структура всех трех текстов существенно отличается от сборников дороссийских *'адатов* своей четкостью. Статьи в них разделены на главы (в русском документе книги) по тематикам, в то время как все прошлые дагестанские *'адаты* довольно хаотичны, а нормы в них перемешаны между собой. Такое деление характерно для книг по *фикху*, например, в них также часто используется термин *киتاب* (от араб. глава, книга) для обозначения разных разделов, и *фасл* (от араб. раздел) для отделения норм друг от друга внутри разделов. Присутствие *шари'ата* в этих текстах ощущается сильнее, ранних адатных сборниках [опубликованные сборники дороссийских *'адатов* см. 9, 10], поскольку в них куда больше соотношений с нормами *фикха*. Можно предположить, что при составлении этих текстов за основу был взят шафиитский *фикх*, который впоследствии корректировался в соответствии с нормами *'адата* и нуждами военно-народного управления.

Используемые в адатных сборниках вводные формулы «*хаза байан ли-йаум ал-гад*» («это разъяснение на завтрашний день») или «*ва кад иттафаку...*» («и пришли к соглашению...»), здесь не встречаются, что также говорит о том, что данный сборник не был переписан с более ранних образцов из конкретных политических образований дороссийского Дагестана. В арабоязычной версии «*Ат-таварих ар-русум ад-дагестанийя*» («Исторические записи дагестанского обычного права») впервые встречается упоминание об иноверцах в норме, гласящей, что если еврей и христианин обратятся в суд, то заключение будет выноситься по *шари'ату* [11. С. 4]. Чего аутентичных сборниках не было, поскольку они были ориентированы только на членов общины, а не на всех граждан объединенной Дагестанской области.

Вступительная статья к русскоязычному тексту «Общие положения» делит судебные иски на два типа: «положительные» (когда известно, как было совершено преступление) и «по подозрению». Указывается, что первый вид исков разбирается по *'адату* и *шари'ату*, а второй только лишь по *'адату*. Это важно, поскольку ни в одном из предшествующих кодексов такое деление не предполагалось. Основной текст сборника разделен на три главы (араб. *китаб*). Первая повествует о процессе судопроизводства: регламентирует права истца, ответчика и порядок приведения доказательств. Конечно, предшествующие кодексы обычного права таких детальных объяснений не включали, поскольку членам общины и судьям (*кади* и *'урафа*') не требовалось дополнительных пояснений о том, как именно происходит процесс судопроизводства. Третья глава посвящена гражданским искам и спорам. В ней присутствуют статьи о сватовстве, приданном, браке, причинах и поводах развода и т.п. С пятого раздела фокус смещается на правила обращения с рабами и особенности землепользования. Включенные в список нормы о рабах позволяют сделать вывод, что кодификация заняла длительное время и началась еще до отмены рабства в Дагестане и Чечне в 1867 г. [1. С. 121–149].

Вторая, более объемная, глава связана с «уголовными» преступлениями и наказаниями за них, здесь мы можем провести аналогию с шариатским разделом *хадд*. Заметим, что в первом же параграфе этой главы приводится наказание за вероотступничество: по *'адату* оно карается убийством, а по *шари'ату* убийством в случае отказа от покаяния. Ранее упоминалось, что в арабоязычных соглашениях и сборниках *'адамов* вопросы вероотступничества не обсуждались. Третий параграф второй главы посвящен прелюбодеянию: упоминаются мужеложство, скотоложство и сводничество. Статья о скотоложестве присутствует в *фикхе*, но никогда прежде не встречалась нам в *'адате*. Наказания, в соответствии с источником, за эти деяния выбираются «по усмотрению местной власти или общества», что довольно расплывчато и не характерно для сборников *'адама*, в которых вид и размер штрафа всегда указывается конкретно. В шестом параграфе «О смертоубийстве» присутствует деление убийств на «умышленное, неосторожное и случайное» [5. С. 124], что соответствует *фикху*. Кровомщение в тексте названо тюркским *канлы*, а *дийа* (вира за убийство) — *алум*, что говорит о большем знакомстве составителя с правовой культурой кумыков, и вероятности того, что текст действительно основывался на некоторых законах шамхальства Тарковского, поскольку в нем неоднократно упоминается и сам шамхал.

Параграфы об убийстве в тексте очень подробны и касаются разных гипотетических случаев, что также типичнее для казуального *фикха*, а не прецедентного *'адама*. Параграфы с шестого по семнадцатый рассматривают виды убийств. Это количество значительно превышает объем норм об убийствах в более ранних кодексах. Прочие параграфы этого раздела посвящены

случаям кровосмешения, похищению женщин, причинению животными ран и вреда. Второй раздел второй книги посвящен преступлениям, за которые вменяется лишь денежный штраф, упоминаются в основном, проступки, касающиеся общественных беспорядков. Например, неподобающее поведение в мечети наказывается арестом и штрафом в 20 копеек за каждый день ареста [5. С. 136]. Похищение вещей из мечети наказывается штрафом в две коровы обществу и в две коровы в пользу местным властям, а также арестом и таким же взысканием в 20 копеек [5. С. 137]. Большая часть норм этого раздела несколько не характерна для сборников *'адата*, а имеет отношение к *шари'ату*: например, параграфы о непослушании родителей детьми, о распространения заразных болезней и т.д. Параграфы с десятого по тринадцатый посвящены воровству, которое в соответствии с документом наказывается штрафами различной тяжести.

Арабский текст *«Ат-таварих ар-русум ад-дагистанийя»* разделен на более чем 80 глав, разных по объему и содержанию. Главы следуют одна за другой по тематикам, однако, они не сгруппированы под одним названием, как в русском документе. Первый пласт норм посвящен убийству. Как и в русскоязычном тексте, мы находим много заимствований из *фикха*. В рукописи также упоминаются многочисленные гипотетические ситуации: убийство в толпе, в безлюдном месте, убийство с целью ограбления, убийство беременной женщины и так далее. Описываются особенности соприсяжничества, выплаты виры и кровомщения. Для обозначения последних двух терминов также используются тюркские слова.

Интересно заметить, что в данном сборнике на нерожденного ребенка также направлено правосудие: при убийстве беременной кровниками становятся двое мужчин из тухума убийцы: один за женщину, а второй за ребенка [11. С. 11]. Женщина, в отличии от прежних *'адамов* может рассматриваться и как обвиняемая в убийстве: если она убила другую женщину или мужчину во время ссоры, то именно она становится кровником [11. С. 13]. В русскоязычной версии документа таких пунктов нет, как не встречаются они и в дороссийских сборниках *'адамов*. В документе присутствуют довольно специфические статьи, информирующие о том, по каким правилам судить убийц, если они происходят из разных областей. Например, в случае убийства между членами Аварской и Шамхальской областей убийцу судят по *'адамам* его области [11. С. 18].

Как и в русскоязычном документе, в арабском тексте присутствует немало норм о том, как следует поступать с домашними животными. Например, если кошка или собака обучены воровать или кусать людей, то во избежание наказания хозяином животных следует привязывать [11. С. 20]. Раздел о вреде, нанесенном животными, в русском и арабском вариантах похож. В *«Ат-таварих ар-русум ад-дагистанийя»* пропущен описываемый нами ранее раздел из русскоязычного текста о неподобаю-

щем поведении в мечети и общественных местах. Однако схожа норма, которая в русском варианте именуется «О преступлении против союза родственников» [5. С. 132]. При недопустимых сексуальных отношениях как в русском, так и в арабском текстах обвиняемые должны быть подвергнуты забрасыванию камнями (араб. *раджм*). Заметим, что в предшествующих *'адатах* этот вид наказания распространен не был, зато он более чем характерен для *фикха*.

Разделы из третьей главы «О гражданских спорах», связанные с брачными отношениями также во многом схожи с арабоязычным текстком. В частности, дублируется параграф о том, что если новобрачный обвиняет свою супругу в том, что она не была девственницей, а она этот факт отрицает, то ей необходимо привести свидетельства о том, что супруг был пьян при вступлении с ней в связь [5. С. 147; 11. С. 29]. Также совпадают последние в обоих документах главы об аренде кутанов и пастбищных гор, продаже невольниц и рабов. В арабоязычной рукописи отсутствуют главы о «о разных установлениях между шамхальскими беками, карачиями, чанками и свободными жителями шамхальств», а также «повреждении и потраве чужих посевов».

Итак, при существенных различиях в арабоязычной и русскоязычной версиях судебника есть немало схожих глав и разделов, например, о вреде от животных и о брачных отношениях. Примечательно, что в исследуемых сборниках более ранних периодов таких норм фактически нет. Также в этих текстах отсутствуют какие-либо упоминания о наследовании, когда в оригинальных сборниках любых политических образований они встречаются в большем или меньшем количестве.

Важно отметить, что в отличие от аутентичных дороссийских *'адатах* мы не обладаем какими бы то ни было свидетельствами того, что описанные «Исторические записи» действительно использовались. Судя по их же главам, локальные *'адаты* продолжали существовать и, скорее всего, именно на них основывалось правосудие по *'адату* и *шари'ату*.

Заключение

После установления в Дагестане военно-народного управления суд по *'адату* был организован во всем регионе. Он существовал наравне с имперскими правовыми инстанциями, и дагестанцы могли самостоятельно принимать решение, куда обращаться с теми или иными делами. В сосуществовании нескольких официально разрешенных правовых систем в рамках одного правового поля, мы видим яркий пример правового плюрализма. Однако разнообразность норм обычного права в различных политических образованиях продиктовала необходимость создания единого правового кодекса. После проведения его анализа мы можем заключить, что он представляет со-

бой искусственно созданный гибрид *'адата и шару'ата*, и лишь своим формуляром и оформлением напоминает законодательные своды Российской империи. Вероятно, из-за многих несоответствий привычным для дагестанцев нормам обычного права этот текст так был отправлен в архив, так и не получив практического применения. Впоследствии в Дагестанской области были организованы суды *кади*, которые хоть и позиционировались как судьи по шариату, все равно нередко обращались к обычному праву, подтверждение чего мы находим как во многих дефтерах (от араб. тетрадах) сельских судов, так и в сохранившейся арабоязычной переписке.

Библиографический список

1. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в. Т. I. / сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Марджани, 2009.
2. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). Махачкала: ИИАЭ, 2014.
3. *Бобровников В.О., Шехмагомедов М.Г., Шихалиев Ш.Ш.* Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования: хрестоматия. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017.
4. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи: о дагестанских войнах в период Шамиля / пер. с араб. А.М. Барабанова. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.
5. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в. Т. II. В царской и ранней советской России. / сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Марджани, 2009.
6. *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 1–79.
7. *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: НЛЮ, 2019.
8. *Sartori P.* Authorized Lies: Colonial Agency and Legal Hybrids in Tashkent, c. 1881–1893 // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2012. Vol. 55. (4–5) P. 688–693.
9. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: архивные материалы. / сост. Х.-М.О. Хашаев. М.: Наука, 1965.
10. *Kemper M.* Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Von den Khanaten und Gemeindebünden bis zum ġihād-Staat. Wiesbaden: Reichert, 2005. S. 464.
11. *Ат-таварих ар-русум ад-дагистанийа* (Исторические записи дагестанского обычного права) // Научный архив Института истории, археологии, этнографии ДФИЦ РАН. Фонд 5. Оп. 1. Д. 64.

References

1. Obychaj i zakon v pis'mennyh pamyatnikah Dagestana V — nachala XX v. [Custom and law in the written monuments of Dagestan V — early XX century.] T. I. Sost. i отв. red. VO. Bobrovnikov. M.: Mardzhani publ., 2009. (In Russ.).
2. Aglarov MA. *Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII — nachale XIX v. (Issledovanie vzaimootnosheniya form hozyajstva, social'nyh struktur i etnosa)*. [Rural community in Nagorny Dagestan in the 17th — early 19th centuries] Mahachkala: IAE, 2014. (In Russ.).

3. Bobrovnikov VO., Shekhmagomedov MG., Shihaliev Sh. *Musul'manskoe pravo i obyčaj v rossijskom Dagestane: istochniki i issledovaniya: Hrestomatiya. [Muslim Law and Custom in Russian Dagestan: Sources and Research. Reader.]* SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2017. (In Russ.).
4. *Hronika Muhammeda Tahira al-Karahi: o dagestanskih vojnah v period Shamilya [Chronicle of Muhammad Tahir al-Karahi: about the Dagestan wars during the period of Shamil]* per. s arab. AM. Barabanova. M., L.: Akademii nauk SSSR, 1941.
5. *Obyčaj i zakon v pis'mennyh pamyatnikah Dagestana V — nachala XX v. [Custom and law in the written monuments of Dagestan V — early XX century.]* T. II. V carskoj i rannej sovetsoj Rossii. Sost. i otv. red. V.O. Bobrovnikov. M.: Mardzhani publ., 2009.
6. Komarov AV. Adaty i sudoproizvodstvo po nim [Adats and legal proceedings on them]. In: *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Vyp. I. Tiflis, 1868. P. 1–79.
7. Sartori P., Shablej P. *Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znanij v Kazahskoj stepi. [Empire Experiments: Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]*. M. NLO, 2019.
8. Sartori P. Authorized Lies: Colonial Agency and Legal Hybrids in Tashkent, c. 1881–1893. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2012; 55(4–5):688–693.
9. Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII–XIX vv.: Arhivnye materialy. [Customary Law Monuments of Dagestan in the 17th–19th Centuries: Archival Materials]. Sost. H.-M.O. Hashaev. M. Nauka publ., 1965.
10. Kemper M. *Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Von den Khanaten und Gemeindebünden bis zum ġihād-Staat*. Wiesbaden: Reichert, 2005. S. 464.
11. *At-tavarih ar-rusum ad-dagistaniya* (Istoricheskie zapisi dagestanskogo obychnogo prava). BSI DFIC RAN. Fond 5. Op. 1. D. 64.

Информация об авторе:

Чмилевская Илона Алексеевна — лаборант-исследователь, Центр исламских рукописей им. Шейха Зайда, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, e-mail: ilonach1905@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9362-8977

Information about the author:

Chmilevskaya Ilona Aleksseevna — assistant-researcher in the Shaykh Zayd Centre of Islamic manuscripts named, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: ilonach1905@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9362-8977

ДЛЯ ЗАМЕТОК
